

"И снова девственница! (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Анна Соломахина (Fjolia)

«И снова девственница!»

Пролог

— Не хочу, не хочу, не хочу! Почему я, почему не кто-нибудь из местных? На худой конец, мог бы взять кого-то более беспринципного, чем я, — предательские слёзы навернулись на глаза.

— Потому что у тебя есть, ради кого бороться, — раздался издевательский ответ, — и тобой легче манипулировать. Плюс ты незаинтересованная сторона.

«Вот гад! Гадский гад!» — вслух раздавалось лишь недовольное сопение.

— Повторяю в последний раз: ты выполняешь всё, что требуется, и я возвращаю тебя обратно в то же место и в ту же секунду, что и забрал. С приличным вознаграждением!

— Каким? — отреагировала она на новую информацию.

— Что там у вас в цене? — поинтересовался в свою очередь мерзкий тип.

— Рубли, доллары, евро.

— Никогда о таком не слышал, — он задумчиво почесал подбородок, — а золото?

— В слитках и с государственным клеймом, — обнаглела девушка, ухватившись за отличную возможность отвлечься от намечающейся истерики.

— Песком, — отрезал мужчина и достал желтоватый свиток, — вот контракт, подписывать кровью, — и протянул его вместе с тонкой иглой.

— Песком так песком, — ворчливо согласилась Любана и попыталась вчитаться в заковыристый почерк. М-да, с такими условиями проще помереть, чем соответствовать!

Вариант:

Облачённая в белоснежное свадебное платье, задыхаясь от прилипшей к лицу фаты, Любовь штурмовала неприступную крепость. Атласные туфельки на тонком каблучке мгновенно порвались, стоило ей предпринять попытку взобраться на стену, но она продолжала упорно карабкаться вверх. Острые грани до крови ранили нежную кожу, алая кровь алчно всасывалась ненасытными камнями. Выбросить руку, ухватиться за выпирающий конец, опять порез. Нашарить ногой новую точку опоры, вытерпеть очередную рану, подтянуться, несмотря на острую боль. Главное — не смотреть вниз, только вверх. Зря она это сделала... Навстречу измученной девушке мчался оскаленный череп огромных размеров, с каждым метром всё шире и шире открывая челюсти. Ещё не много и он её проглотит! Не выдержав, она срывается вниз, заморожено глядя в пустые провалы глазниц. Ультрамариновая дымка еле успевает за прозрачными костями. Падение, боль, темнота.

Глава 1. Жила-была Любовь

Жила-была девочка Люба. Ростом не удалась, характером тоже, в смысле его покладистости, спасало только наличие чувства юмора. И если поначалу оно было светлым, то со временем сменило свой цвет на противоположный, причём даже не за печеньки. Сей метаморфозе

способствовала на редкость непростая жизнь. Студенческий брак: головокружительный, страстный, нежданная беременность... Муж стремительно устроился на подработку, забегал, как в копчик ужаленный, но, оказалось, вовсе не в ожидании чуда, нет..., деньги на аборт зарабатывал.

— Ну, сама подумай, какой сейчас ребёнок? — увещевал Игорь, — у меня скоро диплом, ты на четвёртом курсе. У нас даже квартиры своей нет, через год дядя Вова вернётся из Китая и всё, к родакам придётся переезжать. Давай сначала встанем на ноги, тогда и можно.

— Ты думаешь, что через пару лет она у нас вдруг появится? — какая-то сомнительная логика.

— Баба Клава на меня завещание составила, — веский аргумент, ничего не скажешь.

— В принципе я согласна, рановато ещё, — она задумчиво теребила короткий ёжик волос на затылке, — вот только как-то стрёмно ждать смерти хорошего человека.

— А ты не жди, она сама придёт, — оптимистично заверил довольный муж и полез под халатик, — давай без презика, пока можно.

— Да иди ты, — отбрыкнулась Люба, — в следующий раз лучше зачехляться будешь. Где там твои деньги?

— Во внутреннем кармане куртки, — недовольно нахмурился, — завтра же вместо пар пойдёшь в больницу.

И она пошла. Сдала анализы, приехала в стационар, где её определили в палату к сохранёнкам и оставили ждать своей очереди. Тут-то девчонку и накрыло. Сначала разговоры: трепетные, полные страха за маленькие жизни. Удивительно, на что только не пошли эти женщины ради того, чтобы просто забеременеть. Одна гормоны пила, вторая легла под иголки к какому-то китайцу, а ей... ей просто так дали. Даже неудобно стало. В какой-то момент дверь распахнулась, и привезли каталку со спящей девушкой. Чёрные вьющиеся волосы, красивая вязь татуировки на бедре и кровавая тряпка между ног.

— Готовься, через полчаса твоя очередь, — равнодушным голосом сказала медсестра и вместе со второй лихо плюхнули девицу с каталки на кровать.

— Чёрт, клеёнка перекосилась, — ругнулась вторая и кинулась её поправлять.

Разобравшись с пациенткой, они, скрипя колёсами, подкатили каталку к Любиной кровати и оставили, сами же удалились на перерыв. Она с ужасом взирала на тряпку, стремительно напитывающуюся кровью. Когда ткань пропиталась до отказа, полилось на клеёнку. Зря они её поправляли, матрац она всё равно не спасла.

Девчонки притихли и боязливо косились.

— Не могли отдельную палату для них выделить? — возмущение вперемешку с презрением резали сильнее ножа, — мы тут на сохранении лежим, а нам под нос привозят такое![1]

— Да не говори, — сердито пыхтела другая, — я вот вообще крови боюсь.

Любу начало колотить, она сжалась в компактный комочек и зарылась под колкое больничное одеяло. Мертвенно бледное лицо спящей под наркозом девушки, периодически постанывавшей, казалось восковой маской. Чёрная подводка вокруг глаз лишь усугубляла

впечатление. «Боже, неужели и со мной так же будет?» Старая облезлая каталка с потрескавшейся клеёнкой ждала своего часа, чтобы отвезти её на «стандартную операцию, ничего особенного, в жизни и не такое случается».

Побоявшись минут десять, Любе, наконец, надоело трястись и она вышла в коридор. В столовой народ восторженно внимал Малахову и очередной жертве его мегапопулярного ток-шоу. «Терпеть его не могу!» — скривилась девушка и пошла в туалет. В открытое окно задувал ледяной ветер, вымораживая и без того малоприятное помещение.

— Брр, — вздрогнула Люба, — что я вообще здесь делаю?

Дрожащими пальцами она набрала мамин номер.

— Мама, — она забилась в ближайшую к выходу кабинку — там меньше сквозило — и попыталась закрыть шпингалет, — мама, это я.

— Дочка? — тонкий, полный тревоги голос крепким якорем зацепил мечущееся сознание, — дочка, с тобой всё в порядке?

— Нет, — правда далась с трудом, шпингалет отсутствовал как данность, — как ты догадалась?

— Мне вчера сон плохой приснился, как будто вы с Игорем ребёнка съедаете, в ресторане под соусом бешамель.

— Да мама, — она в очередной раз поразилась её интуиции, жаль, что ей она не досталась, — мы действительно чуть не «съели» своего ребёнка.

— Как? — её голос резко сел.

— Я сейчас в больнице, — она облизала пересохшие губы, — через пять минут идти на аборт.

— Господи, — мама прочистила горло, — почему ты мне не сказала? А что Игорь?

— Прости, я постеснялась, — стыдливо опущенная голова не отображалась в телефоне, это ведь не скайп, — Игорь... Игорь просил никому не сообщать, а потом принёс деньги и сказал, что договорился с Инессой Степановной. Ну, той, что в гинекологии работает. Без очереди, пока срок не истёк.

— В общем, так, ноги в руки и домой! Вещи из вашей квартиры я потом сама заберу.

— Но, мама, а как же учёба?

— Возьмёшь академ, потом на заочку переведёшься. Ничего, прорвёмся. И не такое переживали, — суровая отповедь придала сил.

— Еду!

* * *

Через семь с половиной месяцев родилась чудесная малышка. Об отце напоминали лишь глубокие карие глаза и вьющиеся волосы. Даже фамилия была девичьей, муж так и не признал ребёнка и потребовал назад деньги, раз те на дело не пошли. Мама, правда, показала большую дулю, и с толстым удовольствием высказал всё, что о нём думала. А думала она много, красочно и трёхэтажно. Нет, не матерно, но настолько виртуозно, что мат бы звучал куда

гуманнее.

С горем пополам окончив институт, благо, оставалась лишь пара сессий и ГОСы с дипломом, Люба устроилась на работу. Да, это было явно не то место, где сбываются карьерные мечты. Небольшая, только-только открывшаяся контора по строительному ремонту, где её взяли на почётную должность помощника директора. А по сути, обычной секретаршей, сидевшей на телефоне и заваривавшей пакетированный чай по мере надобности. За дополнительную плату она подрядилась мыть полы и дала объявление о написании рефератов. А что, работа не бей лежачего: директор вечно в разъездах, телефон звонит редко, зарплата мизерная, свободного времени хоть попой ешь. Конечно, она не планировала надолго здесь задерживаться, но без опыта работы брать никто не хотел, а тут такой вариант подвернулся, да ещё и недалеко от дома. Как раз по пути в садик, тот самый, в который она когда-то ходила.

Так и начался нехитрый круговорот Любви в природе. Работа, рефераты, бесконечные больничные. И единственная помощь, на которую она могла рассчитывать — это мама и соседка Фаина Григорьевна, большая любительница всюду сунуть свой любопытный нос и заговорить до смерти. Но без неё, как без помойного ведра. Да, иногда на больничные ходила и сама Любаша, иногда мама. Ну как ходили? Три дня, пока температура шарашит, отпаивали малышку компотами и прочим, а потом приглашали сидеть бабу Хаю. Именно так называет её Зойка, свет очей двух разведённых женщин и одной престарелой соседки.

В один солнечный зимний день она вдруг ощутила горячие мужские объятья на своей талии, к слову сказать, очень стройной, ибо гречневая диета — отличное средство для похудения, пусть и вынужденное. Резко обернувшись, она узрела своего начальника, симпатичного импозантного мужчину с лёгкой сединой в волосах. Всё бы ничего, если бы он не был глубоко женат.

— Ой, — она прытко отскочила в сторону и больно ударилась бедром об угол стола, — а-я-яй!

— Куда ты скачешь, козочка? — он улыбнулся полными губами и притянул за плечи. — Сильно больно?

— Конечно, — она потыкала пальцем ушиб и скривилась от боли. — Вот зачем вы так?

— А что такого? — искренне удивился стареющий ловелас. — Ты мне нравишься, симпатичная, не замужем, жену ты мою видела — смотреть там давно не на что, так почему бы нам не совместить приятное с полезным?

— М-дя, логика железная, — пробурчала блондинка и удалилась за свой стол.

— Зелёный чай без сахара, — холодно бросил господин Скоробогатов и гордо удалился в свой кабинет, не забыв многозначительно хлопнуть дверью.

— Ишь, какие мы гордые, — щёлкнул рычажок электрического чайника, зашуршала коробка Принцессы Нури (экономия должна быть экономной), заскрипела ручка по бумаге.

Через пять минут, пытаясь не пролить кипяток и в то же время не помять листок, Любаня открыла заветную дверь. Директор до сих пор изволил гневаться, но пытался это тщательно скрыть. Поставив в стороне чашку, она положила лист прямо перед ним.

— Что это? — небрежный жест, ленивый осмотр и недоумение на лице.

— Заявление на увольнение, — почти твёрдым голосом ответила Люба. Пусть, жизнь у неё не сахар, пусть работу найти непросто, но спать с руководством она не собирается. Да и опыт работы у неё уже почти год, самое время сваливать из этого болота.

— Ну и дура, — презрительно хмыкнул руководитель таджиков и поставил резолюцию, — отрабатывать не надо, компенсацию за неиспользованный отпуск не получишь. Зарплата вчера была.

— Я ведь могу и в суд подать, — пригрозить пригрозила, но делать не собиралась.

— Пошла вон, — отмахнулся директор.

Делать нечего, собрала Любаня пожитки и отправилась домой. Вечером, ближе к десяти позвонила Галина Владимировна, супруга шефа и по совместительству главный бухгалтер.

— Привет, — дружелюбно начала женщина, — давай завтра встретимся.

— Давайте, — шмыгнула обиженка сопливым от переживаний носом, — где и когда?

— Завтра в десять в кафе «У Грошика».

— Ладно, — она не выдержала и всхлипнула.

— Ну-ну, не реви, — проворчала чудом не обманутая жена, — я тебе помогу.

И сбросила звонок. Допив остатки какао, долженствовавшее активировать выработку гормонов счастья, она долго всматривалась в гущу, но ничего интересного не разглядела.

Как ни странно, но скоропалительное решение лишь добавило плюшек в плане денег. Галина оказалась женщиной проницательной и справедливой. Естественно, за двадцать лет совместной жизни она узнала своего муженька, как облупленного, а ещё, оказывается, успела изучить секретаршу, несмотря на то, что в офисе появлялась изредка. Рассказав малую часть походов своего благоверного, умудрённая горьким опытом женщина посоветовала плюнуть и растереть, а ещё лучше не верить никому из «хоботоносцев». Под конец аудиенции выдала отпускные и бонусный оклад за женскую солидарность. На том и расстались.

Новую работу она искала с тайной надеждой обрести начальницу-женщину, чтобы требовались исключительно профессиональные навыки. К сожалению, и здесь её постигло разочарование: на одном из собеседований столь долгожданная руководительница напрямую высказалась о дополнительных функциях личного помощника. А что, в кабинете одни девочки, ходить вокруг да около нет смысла, зато VIP-клиенты салона элитной мебели как никогда нуждаются в простой женской ласке. Иначе как ещё продать диван за сто тысяч? Будь он хоть трижды кожаным и четырежды немецким!

Наконец, она умудрилась устроиться в крупную строительную фирму с нормальным, не озабоченным директором, достойным окладом и возрадовалась до глубины души. До первого корпоратива. Нет, к ней лично никто не приставал, так, присматривались, зато прочие никого особо не стеснялись. И ведь она прекрасна знала кто из них женат, у кого сколько детей и какие подарки на день рождения они получили... Вот так и вытравили у прекрасной светловолосой Любви с глазами цвета незабудок веру в мужчин в целом и семейные отношения в частности. Может, оно и к лучшему, зато она не питала никаких иллюзий, когда в один прекрасный день оказалась неведомо где.

[1] Данные события имели место быть в жизни автора, когда та лежала на сохранении в ГБ № 8 г. Омска. Бойтесь этой больницы и никогда туда не попадайте!

Глава 2. Попадос

Закончился очередной рабочий день. Жара казалась ещё более невыносимой после прохлады офисного кондиционера. В первые минуты даже почудилось, будто попала в пустыню. «И как Людка такое переносит? На шестом-то месяце беременности», — ужаснулась Любовь. «Пойду-ка я по набережной, ну и пусть, что крюк, зато не расплавлюсь». Прячась в тени деревьев, она нервно отмахивалась от мошкары, не угоманивавшейся даже в дикий солнцепёк. Воздух дрожал зыбким маревом, нагоняя апатию, делая веки тяжёлыми, а ноги вялыми.

— Смотри куда прёшь, дура, — рявкнул какой-то лощёный парень, не замеченный уставшей женщиной. От резкого толчка она потеряла равновесие и полетела в кусты.

Воздух завибрировал, казалось, её подхватил локальный смерч и закружил в тошнотворном вихре. Зажмурив глаза, она автоматически схватилась за первое, что попало под руку. Этим оказалась штанина хама, который умудрялся сквернословить даже в экстремальных условиях. Наконец, кружение закончилось, и они практически в обнимку полетели на землю.

— Какого ..., иди ты в..., - ругательства сыпались мощным потоком, не нуждаясь в таком простом явлении, как вдох, — слезь с меня ... и вообще пошла на...!

Кое-как сполз с дергающегося неврастеника, она встала на четвереньки и почувствовала, как по губам, а потом и по подбородку заструилась какая-то жидкость. Голова гудела, желудок судорожно сжался и рвался опорожниться. Приглушённый стон сам собой слетел с губ. «Так, надо срочно сесть, пока меня не вывернуло. И сопли подтереть». Как ни странно, но жидкость не заканчивалась, а продолжала струиться вниз по шее. Сумка, каким-то чудом не слетевшая с руки, хранила в своих недрах упаковку влажных салфеток, оставалось лишь унять дрожь в руках и открыть молнию. Замок поддался с пятой попытки, салфетки нашлись с седьмой.

— А ты кто такой? — раздался холодный, как изморозь голос. Он колкими иголочками впивался в виски, проникал в вены и леденил кровь.

Оба упаданца изумлённо уставились на статную фигуру, облачённую в чернильный плащ, как в сгусток тьмы. Лишь бледное лицо и зачёсанные назад седые волосы свидетельствовали о том, что перед ними человек. Или хотя бы нечто гуманоидное.

— Я? — Визгливо вскрикнул парень. — Я сын депутата! — Гордо выпяченная грудь смотрелась на редкость нелепо на чёрном полу ритуального зала в центре октаграммы. — А вот кто ты?

— Твоя смерть, — этим голосом можно было смело замораживать фрукты, ни одной витаминки бы не потерялось.

Задохнувшийся сначала от возмущения, а потом от удушья юный мажор приподнялся над полом и судорожно засучил ногами. Кошмарный мужчина даже бровью не повёл, лишь презрительно смотрел, как напряглась шея, как вспухли на ней вены, а лицо из красного приобрело синюшный оттенок. Неприятно пахло испражнениями. Лёгкий наклон седой головы и раздался отчётливый хруст костей. Тело сломанной куклой упало на каменные плиты.

— Что такое депутат? — лениво поинтересовался он у чудом усидевшей женщины. Хотелось вскочить и бежать без оглядки, на худой конец забиться в угол и не высовываться. К

сожалению, ни на то, ни на другое банально не хватало сил.

— Что? — та непонимающе смотрела на неестественно вывернутые конечности и отчаянно надеясь, что ей приснился очередной кошмар.

— Неважно, — не голос, а сплошная меланхолия, — вытрись, — брезгливая гримаса.

Взглянув, наконец, на свои руки, она только сейчас осознала, что истекает кровью. И ощущения настолько реальны, что даже страшно себя ущипнуть — вдруг всё происходящее правда. Поспешно обтёршись противно пахнущими салфетками, Люба попыталась встать. Взгляд то и дело возвращался к убитому, а мозг отчаянно сопротивлялся и твердил, что это нереально.

— Как же долго, — устало вздохнул блондин и взмахнул рукой.

Тело неожиданно обрело невыносимую лёгкость, взмыло над брэнностью, сознание решило, что с него достаточно и отключилось.

* * *

Очнулась Любаша на широкой кровати под балдахинном цвета крысиного брюшка. Каменная кладка серых стен навевала мысли о склепе, а массивная мебель предположительно из морёного дуба ничуть не освежала мрачный интерьер. Прощупав себя на предмет сохранности, женщина обнаружила, что обнажена за исключением ошейника и пары браслетов. Цепей не наблюдалось, так что свобода перемещения имелась, пусть и довольно относительная. Соскользнув с громоздкого ложа, она принялась искать дверь в уборную. Ко входной подходить не имело пока никакого смысла — голая, контуженная, абсолютно не ориентирующаяся в пространстве и ситуации в целом. Труп ещё этот... зверски убиенный... храбрости не прибавлял. Найдя, наконец, комнатушку с жестяной ванной и таким же неприглядным горшком, она не стала выпендриваться и справила естественные потребности. После того, как она полежала в инфекционном отделении детского стационара, её вообще мало чем можно было шокировать. Да и не перед кем качать права об эстетике и техническом прогрессе. Как только закрылась крышка местного клозета, его охватила лёгкая дымка. Подождав пару минут, женщина заинтригованно открыла отхожую посудину, в нос шибануло едким запахом хлорки.

— Надо же, какая занятная система самоочистки, — задумалась. Крепко. — Это что же получается, горшок-самобранка, только наоборот?.. Похоже, я опять сплю.

Возвратившись в спальню, Люба окончательно убедилась, что находится в готическом сне. Ну не могут быть в реальности такие отвратительные занавески! Да их попросту никто не станет производить из-за нерентабельности. Осталось разобраться к чему весь этот антураж, да и бижутерия специфическая.

— Блин, сон сном, а есть охота по-настоящему, — тяжело вздохнула и открыла шкаф в поисках хоть какой-нибудь одежды.

Тяжёлая разохшаяся дверь отчаянно скрипела и всеми силами цеплялась за нижние выдвижные ящики. Но где не пропадала русская женщина, особенно мать-одиночка! Что такое молоток и отвёртка она знала не понаслышке, что уж там, даже дрель была подвластна этим хрупким с виду ручкам. Первыми ласточками её встретила бодрая моль. И только после шикарный набор чёрных мантий на все случаи жизни поразил воображение. Почему на все случаи? Да потому что они подходили абсолютно любой фигуре и при хорошей фантазии могли трансформироваться как минимум в пять моделей платья. Хотя, кого мы обманываем, просто

иных альтернатив не имелось.

— Так-с, ладно, что мы имеем? — она трянула первой попавшейся мантией, выпуская на волю вековые залежи пыли. — Балахон чёрный, безразмерный, времён Аллы Борисовны в молодости, — потом-то она куда развратнее стала одеваться.

Подпоясав рясу шнурком от балдахина, больше смахивавшим на хвост тех жертв, чьи шкуры пошли на основную ткань, Люба посмотрелась в старинное ростовое зеркало. Отражение порадовало взлохмаченной шевелюрой, ортодоксальной хламидой и аксессуарами от дизайнера-извращенца. Лишь глаза, подчёркнутые тёмной гаммой, сияли, как два Громких океана. А что, если есть Тихий, значит должен быть и Громкий? По крайней мере, Зойка была в этом абсолютно уверена.

— Зойка, заяц ты мой вертлявый, — сердце неожиданно защемило, — надеюсь, ей такая фигня не снится!

Неожиданный стук отвлек её от созерцания нового имиджа — это брякнула резко открытая дверь. Судя по силе инерции, с ноги. Печально знакомое лицо сегодня отличалось некоторым благодушием, правда, недолго.

— Вот блин, — только и смогла пролепетать Любаня, вдруг резко осознавая, что таких совпадений не бывает.

— Что это за вид? — брезгливо скривился седовласый тип, его утончённые черты несли в себе отчётливый след высокомерия и вседозволенности.

— Можно подумать, были варианты, — буркнула пленница, спешно пытаясь понять — то был сон во сне или это продолжение одного бесконечного бреда? В любом случае, в обиду она себя давать не собиралась.

— Кто тебе вообще разрешал одеваться? — громыхнуло так, будто это не дверь захлопнулась, а взорвался газовый баллон.

Резкий порыв ветра, и на хрупкой фигурке вновь ничего, кроме металла.

— Ай! — вскрикнула Люба и, не удержав равновесия, упала на колени. — А-а! — кожа больно ссадилась о твёрдые плиты пола.

— Так-то лучше, — довольная ухмылка, лёгкая, но отчётливая, — знай своё место.

— Что?.. — она возмущённо вскинула голову, но подавилась на полуслове. Белёдые, как будто выцветшие глаза завораживали своей нереальностью. Лишь чёрная точка зрачка буравила мозг.

— А теперь слушай меня внимательно — дважды повторять не буду, — он слегка наклонился, давя авторитетом, — ты здесь никто. Впрочем, как и у себя. Я тебя вызвал для определённой миссии, которую ты, если не совсем дура, выполнишь.

— Мне холодно, — сил терпеть переохлаждение совсем не осталось, в одежде-то было не жарко, а сейчас и подавно, — и больно.

— Больно — это хорошо, — шаг вперёд, — меньше будешь кочевряжиться.

— Скорее меньше соображать, — привычно огрызнулась Люба.

— Сейчас от тебя это и не требуется, — хищный блеск кошмарных глаз, — покорность — главная добродетель любой женщины.

— Ага, где бы я сейчас была, если бы ей обладала, — холод, захвативший ноги, пробирался выше.

— Тоже верно, — невнятный хмык, — но к делу это не относится. Сейчас ты подписываешь контракт, а после я введу тебя в курс дела.

Тело начала бить крупная дрожь, ей нестерпимо захотелось вскарабкаться обратно на дурацкую кровать и спрятаться под одеяло. А ещё лучше принять горячую ванну. Бог с ней, с эстетикой, она была согласна и на то убожество, что стояло в уборной.

— А вы порядок действий не перепутали? — готический сон стал надоедать и вообще превратился в какой-то БДСМ, — мало ли, может, вы меня в сексуальное рабство собрались закала... закапа..., - язык еле ворочался от переохлаждения.

— О, об этом ты можешь не беспокоиться, — насмешливо ответил он, — напротив, кое-что подправим, и после тебя точно никто не тронет. Если сама, конечно, не захочешь.

Она облегчённо вздохнула. «Это он что, последней фразой на себя любимого намекает?» — пронеслось в голове ехидное.

— Хотя, если тебя хорошенько помыть и приодеть, — он задумчиво перебирал пальцами два антрацитовых чёрных шарика. Когда успел достать? Странный тип, — можно и поразвлечься.

Увидев откровенный ужас на лице пленницы, он хищно оскалился.

— Смотри, могу и не спрашивать.

На сей «позитивной» ноте Люба поняла, что сон затянулся и ущипнула себя за ногу. Конечность отказывалась что-либо чувствовать, окончательно уверив в нереальности происходящего. Догадаться о том, что та банально онемела, она не додумалась. Поэтому с трудом, но встав с ледяного пола, побрела к кровати, показав наглецу то самое место, где его любят и ждут.

— Ты что себе позволяешь?! — он взмахнул свободной рукой и, раскрутив обратно, пригвоздил блондинку к жёсткой, шершавой стене, — куда пошла без моего позволения?

— Домой, — она вздёрнула подбородок и сжала зубы.

— Ты ещё не поняла, что полностью в моей власти? — он вплотную подошёл, остановившись в какой-то паре сантиметров. Порочная тень мелькнула в высокомерном взгляде.

— Поздравляю, — едко ответила доведённая до предела женщина, — пошёл в задницу! — и от души пнула его в источник этого самого порока.

Взвизгнув от неожиданности, мистер Злыдень крутанул кистью, отчего пол с потолком несколько раз поменялись местами (хотя особой разницы между ними не наблюдалось), а в шее жертвы что-то громко хрустнуло. Бесчувственное тело распростёрлось на сером полу. Нежная, бархатистая кожа была особенно красива в контрастном обрамлении грубого камня.

Она сияла своей белоснежностью, вызывая безотчётное желание прикоснуться, попробовать на ощупь, вкусить её сладость. Даже струйка алой крови из слегка вздёрнутого носа не портила вида. Напротив, придавала трогательной хрупкости.

— Сучка! — вырвалась непристойная грубость. Эта женщина будоражила его чувства. Не столько красотой телесной и отнюдь не дерзким духом, но их удивительной совокупностью, приправленной горькой перчинкой разбитых надежд (он знал о её никчёмной жизни всё). Простых, банальных до невыносимости, но столь необходимых этой примитивной самке. Примитивной и такой притягательной. С трудом сбросив оцепенение, он слевитировал её на кровать, борясь с непрошеным желанием сделать это собственноручно. Парочка артефактов на лоб и солнечное плетение, и рваное дыхание выравнивается, кровь сворачивается, а тело расслабляется.

— У тебя нет никаких шансов против меня, — он бессознательно стёр кровь и облизнул палец, — поговорим завтра.

* * *

— Наконец-то я проснулась! — возрадовалась Любовь, соскакивая с дивана и заглядывая в кроватку дочери.

— Мама, я так хочу спать, — противно заныла Зойка, — и так не хочу в садик! Давай я пойду к бабе Хае?

— Заюшка моя, — нацеловывала всё, что оказалось в ближайшем доступе Люба, — сегодня суббота, мы никуда не идём.

— Как это никуда? — тут же подскочил возмущённый ребёнок, — ты же обещала пойти в зоопарк!

— А ты, вроде, спать хотела? — хитро сощурилась женщина, подлавливая маленькую врунишку на слове.

— Так светло на небе, солнце встало, — как маленькой, принялась объяснять кудряшка, — значит, и нам пора.

— Пора-пора, — подхватила светлую мысль и защекотала бока, — только сначала каша. Тебе какую?

— Рисовую, с корицей и ирговым вареньем.

— Сладкоежка ты моя, — она вдохнула нежный аромат ребёнка и отправилась на кухню. — Как хорошо, что та дрянь была просто сном.

— Ты кого дрянью назвала? — раздался леденящий душу голос.

Голубая занавеска кухонного окна поплыла перед глазами, головокружительное чувство падения и страх. Страх открыть глаза и не увидеть надоевших до оскомины серых обоев, сменить которые не хватало ни денег, ни времени.

— Я знаю, что ты уже проснулась, хватит притворяться, — противный до зубного скрежета тон, — мы вчера не закончили!

— Боже, как мне это надоело! — простонала Люба. — Я хочу обратно к своей дочурке.

— Только после того, как сделаешь то, что мне надо, — он стоял напротив кровати и равнодушно смотрел на полуобнажённую женщину.

— А давайте я просто засну и проснусь уже дома, — она натянула до подбородка соскользнувшее во сне одеяло, — или хотя бы оденусь.

— Интересно, ты такая тупая или головой сильно ударилась?

— На ваш выбор, — дёрнула плечом блондинка, — лишь бы отстали.

— Ещё одно слово, — белёсые глаза злобно прищурились, — и тебе не к кому будет возвращаться.

И тут случилось то, чего Любовь никак не ожидала: её малышку, её кровиночку скручивает так, что она превращается в маленький, худенький комочек. По всему телу появляются открытые язвы, сначала красные, потом они чернеют, а после разрастаются так, что за ними уже не видно ни единого клочка кожи. Ребёнок сгнивает заживо буквально на глазах, и детский крик. Отчаянный, полный невыносимой боли.

Слёзы текут по обнажённой груди — одеяло давно забыто и лежит в ногах. Судорога схватывает руки, грудь разрывает от рыданий, тело забыло, как дышать.

— Ну-ну, успокойся, — недовольно ворчит мучитель и развеивает иллюзию, — это всего лишь демонстрация моих возможностей. Ничего с твоей малявкой не случилось... пока.

Слова с трудом пробиваются сквозь шум в ушах. Наконец, они доходят до агонизирующего сознания, и ярость поднимается из самых глубин материнского сердца.

— Да как ты... — фраза обрывается, так и не начавшись.

— Достала, — усталость мелькнула во взгляде, — будешь молчать, пока мне не потребуется от тебя ответ. Положительный.

Убедившись, что рот у неё больше не издаёт ни звука, он зафиксировал запястья, приковав цепями к столбикам кровати. Ошейник решил пока не задействовать — оставил в запасе. Открывшаяся картина вызвала полнейшее удовлетворение и будила вполне определённые желания. «К чёрту, не до того сейчас!»

— А теперь слушай. Ты — пропавшая без вести принцесса Меравии. Во время переворота тебя спасла кормилица и увезла в Кордию, то есть в нашу страну, — уточнил мужчина, вспомнив, что названия ей ни о чём не говорят, — где воспитывала до последнего времени. Месяц назад она скончалась, а ты устроилась в мой замок горничной. Я, будучи близким знакомым твоей погибшей родни, увидел фамильное сходство и проверил кровь. Теперь ты, пусть и не принадлежишь к правящему дому, но королевской крови, и имеешь право на определённые притязания. Это понятно?

Обалдевшая от потока абсурдной информации, она автоматически кивнула.

— Отлично. Манерам и паре меравийских слов мы тебя научим. Это первое. Второе, ты — любимый типаж нашего наследного принца, — тут его рот презрительно скривился, — вскружить ему голову не составит труда. Вашему браку может поспособствовать алчность

Базальда — действующего короля — он давно хочет спрямить свои северные границы, а благодаря тебе он может рассчитывать и вовсе их расширить. Когда свергнет в Меравии нынешнюю власть.

Любе казалось, что этот человек бредит. Какие короли, какая принцесса? Кто он вообще такой и как она здесь оказалась? А, точно, упала с тем типчиком в кусты... мёртвым типчиком. Последняя мысль отрезвила её не хуже ведра ледяной воды.

— Ну и самое главное, — седовласый довольно потёр руки, — в первую брачную ночь ты должна будешь дать ему яд. Без разницы до или после исполнения супружеского долга — тут на твоё усмотрение. И не гляди на меня так, это всего лишь сильное снотворное. Настоящее тело мы заменим на муляж, а принца лишим памяти и обеспечим тихое, безбедное существование. Где-нибудь очень далеко отсюда.

«Что-то сомнительно мне сие великодушие, но кто ж меня спрашивает?» — отчётливо говорили выразительные глаза. «Кстати, интересно, а разлагаться муляж будет или так и останется нетленным? Мало ли, может, какой ретивый потомок решит взглянуть на кости предка в фамильном склепе, а там свежак? Так, я что, всерьёз рассуждаю о бреднях этого типа? Похоже, что да».

— Как же мне нравится, когда ты молчишь, — он подошёл к прикованной женщине и провёл узловатым пальцем по скуле, — ты так прекрасна в своей беспомощности, — он наклонился и вдохнул её запах. Скривился. — Особенно, если тебя помыть.

Люба равнодушно пожала плечами и уставилась в первую попавшуюся точку на стене. Ей было фиолетово, что там нравится или нет этому садисту, хотелось просто никогда его больше не видеть, а ещё лучше не вспоминать. Её до сих пор потряхивало от ужасного видения, несмотря на то, что оно оказалось иллюзорным. Этот негодяй нашёл главную болевую точку — ребёнка. Даже за себя она так не волновалась, как за неё. Да и то лишь в контексте того, что некому будет позаботиться о малышке — мама одна не справится. Но это не значит, что она не попытается выкрутиться. В крайнем случае, она планировала умереть, ведь при таком исходе трогать её девочку не будет нужды. А дочка... за ней она присмотрит, пусть и бесплотным призраком.

— А теперь контракт, — вернул к действительности ненавистный голос, — полное подчинение моим приказам, никаких половых связей, — тут он глумливо усмехнулся и уточнил, — нарушающих плеву, иначе брачный алтарь тебя не примет, и ни одной живой душе о наших договорённостях.

Со вторым условием она была полностью согласна и готова его выполнять без каких-либо оговорок, третье со скрипом, но без него никак. В конце концов, она находится непонятно где, кому можно доверять, а кому нет — не знает. Хотя как не знает? Знает — никому! А вот первое отдавало сомнительным душком. Люба перевела на него взгляд, и тот понял всё без слов.

— Я сказал полное подчинение, — с нажимом повторил мужчина.

И тут её осенило: какое воздержание, какая плева? Она уже давно не девственница! Губы растянулись в радостной улыбке, не предвещавшей оппоненту ничего хорошего.

— Что опять? — не стал обманываться лёгкой победой злодей. Со скрипом, но ему пришлось снять заклятие немоты.

— Вы кое-что упустили, — хрипло ответила пленница, — точнее опоздали лет на, — нехитрые математические вычисления, — шесть, так точно.

— Это ты кое-что упускаешь, — лёгкое движение кистью и цепи со звоном опали на пол, — я маг и легко восстановлю сей недостаток.

— Ого! — присвистнула Люба, вновь прикрываясь одеялом. — Так вам надо бизнес открывать, знаете, сколько на этом можно денег заработать?

И тут он расхохотался: искренне, ядовито. По-иному просто не умел.

— Знаю, — вновь вернулась маска безразличия, — но это ниже моего достоинства.

— Понятно, — она вновь отвела взгляд, — насчёт подчинения...

— Это не обсуждается, — отрезал маг.

— Тогда прощайте, — со скоростью бешеной белки она залезла по ближайшему кровати столбу и сиганула вниз головой прямо на каменные плиты пола.

— Вот упрямица, — покачал головой герцог Брионский и обошёл вокруг замершей у самого пола фигуре, — неужели ты думала, что я позволю тебе умереть без моего на то соизволения? Похоже, ты всё-таки дура. Ладно, мне надоел этот спор. Сейчас тебя помогут и накормят, — он вернул ей вертикальное положение и опустил на кровать, — и дадут нормальную одежду. А то совсем одичала.

И вышел, оставив Любаню размышлять о тщетности сопротивления. Ничто так хорошо не примиряет с действительностью, как простые радости после долгих лишений — старая, мудрая истина. Откуда ему было знать, что действительно являлось для неё лишением, а что лишь временным неудобством. Да, он неплохо изучил её неприглядную с виду жизнь, но познать нутро так и не смог.

Мужчина, неженатый и не имевший детей — что он мог знать об истинной силе материнской любви? Да она готова костями лечь, но не дать добраться до сокровенного! Люба вообще предпочитала превентивные меры. Самая желанная из них — прибить негодяя, предварительно выгнав, как вернуться обратно. На худой конец, просто прибить. Да, ребёнок в списке её приоритетов стоял на первом месте.

А на втором... на втором шла мораль. Ни одному мужчине она не позволит к себе прикоснуться, пока не сможет доверять. А этот тип не только пытался заставить её соблазнить какого-то принца, но и сам был не прочь оказать «простое человеческое внимание». Ещё эта оговорка с девственностью. Нет, сами такое ешьте!

Магия ещё эта..., хотя именно она многое объясняла в этой чрезвычайно запутанной истории. Вообще, Люба всегда была девушкой приземлённой и в магию не верила. По крайней мере, тем гадалкам, что обещали по фотографии, отправленной по почте вместе с крупной суммой денег, вечную любовь, неземные богатства и долголетие, как у баобаба. Здесь же ей не раз продемонстрировали как минимум телекинез, о максимуме думать не хотелось вовсе. И это, на самом деле, главная проблема, в которой она совершенно не разбиралась и ничего не могла ей противопоставить. Будь ты хоть трижды дипломированным специалистом в области психологии, но если ты собака, то радуги тебе не видать. Нет, с этим определённно надо что-то делать!

Как Любаня ни сопротивлялась, приятное чувство неги окутало её, едва она погрузилась в тёплую ванну. Что уж говорить про вкуснейший стейк с золотистой корочкой и нежнейшим мясом внутри. А к нему отварной картофель и помидоры, запечённые под сыром. Черешневый сок и гроздь душистого винограда.

«Неплохой пряник», — ухмыльнулась пленница, — «на какую-нибудь дуру бы подействовал, но я-то помню, что он козёл!» — и продолжила поглощать калории, пока не отобрали.

Вышеупомянутый вошёл вскоре после того, как её обрядили в лёгкое кремовое платье с кружевом цвета слоновой кости. Глубокое декольте обнажало верхнюю часть груди, что совершенно не устраивало женщину. Взглянув на себя в зеркало, она недовольно цыкнула и попыталась натянуть ткань повыше.

— Скромность украшает человека, — раздался ироничный комментарий, — но не в твоём случае.

Она резко обернулась на голос и увидела в дверях ту же унылую физиономию. А, нет, кажется, кто-то научился улыбаться. Точнее, пытался вспомнить, как это делается. Неудачно.

— А сейчас будет ещё лучше, — он протянул ей хрустальный бокал с какой-то мутной жидкостью, — пей.

На всякий случай она завела руки за спину и отрицательно мотнула головой.

— Слушай, ты ещё контракт не подписала, а уже меня бесишь, — он продолжал держать вытянутой руку, — это просто омолаживающий эликсир.

— Спасибо, я и так неплохо выгляжу, — вежливость и непреклонность — лучший спутник порядочной женщины.

— Для своих лет, а нам нужна юная девица.

— Вам — да, а меня и так всё устраивает. Кстати, а что это вы раздаёте бонусы до того, как заполучили в кабалу, — какой-то непоследовательный тип, — или это хитрый рекламный ход?

— Ты говоришь какой-то бред, женщина, — верхняя губа нетерпеливо дёрнулась, — да любая другая на твоём месте уже бы в ноги мне поклонилась за столь бесценный дар.

— Хмм, — она почувствовала, что ещё чуть-чуть, и он не выдержит: опять либо по стене размажет, либо цепями прикуёт, — только сам сначала попробуй.

«Отведай ты из моего кубка», — память услужливо напомнила товарища Грозного в интерпретации Гайдая.

— Мне нельзя, — он слегка смутился под недоверчивым взглядом, — я вчера уже пил.

— Значит, действует, — внимательный осмотр моложавого гада, — ладно, давай сюда.

Выдохнув, как будто перед ней родная водка на берёзовых бруньках, она решительно проглотила зелье.

Нет, она ничуть не доверяла этому противному субъекту, но уж больно реакция была правдоподобна. Как будто она подловила его на чём-то постыдном, недостойном огласки, особенно в свете того, что он мужчина, ему как бы всё равно на количество морщин.

— Наконец-то, — непробиваемый тип забрал бокал и повернул Любу к зеркалу.

— Ох, ты ж ё моё! — более сложные лексемы оказались недоступны, ибо ошарашенный мозг был занят перевариванием текущих событий.

Преображение чем-то отдалённо напоминало сцену из кинофильма «Смерть ей к лицу», когда, испив волшебного эликсира, героиня Мэрил Стрип резво сбросила пару десятков лет. Поскольку у двадцати шести летней Любани особо отвислых мест и глубоких морщин не наблюдалось, то изменения не отличались большой кардинальностью. Ушла лёгкая послеродовая пигментация, округлились выпуклости, подтянулись мышцы, но самое главное — появились дурацкие подростковые щёчки! Она их терпеть не могла, а когда после родов у неё проступили скулы, то очень радовалась, что наконец-то от них избавилась. И вот снова...

— Фу, — теперь уже девушка старательно пыталась втянуть румяные щёчки, — а можно их обратно убрать?

Признаться, самому герцогу первоначальный вариант тоже больше нравился, он отличался большей изысканностью и утончённостью, но не подавать же виду неблагодарной девице.

— Это комплексные изменения, — он намерено небрежно скребнул по щеке, — такова твоя природа.

Природа скуксилась и отвернулась от, на самом деле, привлекательного отражения.

— А теперь о нашем договоре, — его взгляд потяжелел, давя на пленницу непомерным грузом.

И тогда она не выдержала — слишком много всего произошло за последние сутки, а может, и больше — время неслось стремительной рекой, размывая берега реальности, смывая грань между возможным и невозможным. Её кружило, как кусок пенопласта, случайно попавшего в полноводную реку, и сейчас она зацепилась за последний камень, отделявший от падения в бездну грохочущего водопада. С одной стороны, шансов выбраться из круговерти практически нет, а с другой — кто знает, сколько будет длиться падение, и не разобьётся ли она о подводные скалы лагуны.

— Не хочу, не хочу, не хочу! Почему я, почему не кто-нибудь из местных? На худой конец, могли бы взять кого-то более беспринципного, чем я, — предательские слёзы навернулись на глаза.

— Потому что у тебя есть, ради кого бороться, — раздался издевательский ответ, — и тобой легче манипулировать. Плюс ты незаинтересованная сторона.

«Вот гад! Гадский гад!» — вслух раздавалось лишь недовольное сопение.

— Повторяю в последний раз: ты выполняешь всё, что требуется, и я возвращаю тебя обратно в то же место и в ту же секунду, что и забрал. С приличным вознаграждением!

— Каким? — отреагировала она на новую информацию.

— Что там у вас в цене? — поинтересовался в свою очередь мерзкий тип.

— Рубли, доллары, евро.

— Никогда о таком не слышал, — он задумчиво почесал подбородок, — а золото?

— В слитках и с государственным клеймом, — обнаглела девушка, ухватившись за отличную возможность отвлечься от намечающейся истерики.

— Песком, — отрезал мужчина, доставая желтоватый свиток, — вот контракт, подписывать кровью, — и протянул его вместе с тонкой иглой.

— Песком так песком, — ворчливо согласилась Любана и попыталась вчитаться в заковыристый почерк. М-да, с такими условиями проще помереть, чем соответствовать!

Спустя некоторое время.

— Я, конечно, понимаю, что вы тут главный, — собрав всю свою смелость, начала она, — но это просто верх безобразия!

Ехидная улыбка растянула тонкие губы. Да, он определённо наслаждался моментом.

— Фактически я добровольно подписываю рабский контракт и перестаю себе принадлежать! — синие бездонные глаза были прекрасны в своём возмущении.

— Боюсь тебя огорчать, — каменные шарики звенькнули в его руке, — но ты и так в моей власти.

— Тогда зачем вам сия бумажка? — нет уж, ваше темнейшество, или как вас там, нечего меня разводить, как тупую малолетку, — в рамочку на стенку?

Его темнейшество красиво поиграло желваками, побрякало шариками. В принципе, если убрать высокомерие, подкрасить волосы и извести кровавые замашки, он был бы вполне себе ничего. Хотя... волосы можно оставить.

— Три поправки, — кое-как выдавил из себя мужчина.

Естественно, не просто так ему требовалась добровольная подпись. Без договора максимум, что он мог — это принудить к простейшему подчинению. Брэгу же требовалась тонкая игра, сознательная и правдоподобная. Опять создать иллюзию с умирающим ребёнком? Тогда она снова попытается себя убить. И не факт, что у неё это не получится. Невозможная женщина с непредсказуемыми реакциями! Ладно, будет зарываться — устранить недолго. Куда сложнее найти подходящую по всем параметрам кандидатуру. Предыдущие две и так отняли у него уйму сил и времени.

— Выполнение приказов только касательно основной миссии, — тут же выдала опытная в составлении договоров секретарша, — никаких притянутых за уши действий.

— Например? — он снисходительно хмыкнул, уже предвкушая хитроумные манипуляции.

— Не более двух степеней взаимосвязи, То есть, если для того, чтобы понравиться принцу я должна прийти на бал — это первая степень, улыбаться — танцевать — мило щебетать — это вторая, а вот поджечь платье сопернице или ещё какая гадость — уже не в моей компетенции.

— Хм, разумно, — вынужден был согласиться интриган. Похоже, он всё-таки ошибся с оценкой её умственных способностей.

— Гарантированное выполнение обязательств по оплате и возврату в исходном состоянии обратно в случае форс-мажорных обстоятельств, — воодушевлённая первой победой,

продолжила Любовь, — как то смерть объекта, брак с другой женщиной и прочие независящие от меня причины.

— Да ты опытный крючоктор, — изумление, тщательно сдерживаемое, но мелькавшее то во взгляде, то в изгибе губ, редко заглядывало в гости к искущённому магу.

— Ну и минимум восемь часов для сна и не менее трёх личного времени ежедневно, — а то заставит вкалывать круглые сутки, забудешь, как тебя зовут.

— Десять часов на всё про всё, — отрезал диктатор, окончательно убеждаясь, что с этой дамой надо держать ухо востро.

— Ладно, — показательно смирилась Люба, не особо рассчитывавшая на лишние два часа. Более того, она специально добавила дополнительное время, чтобы было чем жертвовать на торгах.

Подув на свиток, герцог подал его девушке. К его великому сожалению она вновь внимательно перечитала условия, в том числе микроскопические сноски, укоризненно взглянула и подписала лишь после того, как он окончательно всё исправил. Без оговорок и невыполнимых подпунктов. С оригинальным экземпляром Исполнителя.

— Фух, — совсем не по-герцогски выдохнул Брэгдан Брионский и забрал свой экземпляр, — увидимся после обеда.

И вышел, громко хлопнув дверью. Ему срочно требовалось уединиться. Желательно с симпатичной служанкой, дабы снять напряжение и убедиться, что не все женщины коварны. Такой взрослый, а всё в сказки верит...

Глава 3. Апгрейд

Стресс снимался долго и нервно. Он выгнал уже вторую служанку и нетерпеливо ходил из угла в угол в ожидании следующей. Первая девица настолько торопилась, что не посчитала нужным помыться перед почётным ублажением Его Сиятельства. Вторая учла ошибку первой, но показалась слишком толстой, хотя раньше его всё устраивало. Это та тощая девица с непотребно короткими волосами виновата! Не женщина, а мальчишка... пока не разделась, конечно. Чёрт, нельзя с ней спать, иначе восстановление ауры вместо пары недель займёт не меньше трёх месяцев. Судя по цвету нижней чакры, мужчины у неё не было около пяти лет, что неудивительно — с таким-то характером. Осталось восстановить плеву, дать время на успокоение фона и приступить к делу. Может, позже, перед отправкой назад... так сказать бонус за доставленные неприятности. Забавный термин, как и вся она. Болтает только много.

Размышления прервал стук в дверь.

— Входи, — властно приказал герцог.

— Вызывали, ваша Светлость, — на пороге стояла молоденькая служанка. Волосы цвета спелой пшеницы змеились тугой косой, тонкая талия перетекала в округлые бёдра, а грудь так и манила своей пышной мягкостью.

— Проходи, раздевайся, на колени.

— К-как скаже... — заикаясь от шока, она робко прикрыла дверь.

— Молча! — резко прервал Брэг. — Быстрее!

Глотая слёзы, девушка торопилась выполнить приказы. Нет, невинность она потеряла давно, но привыкла к восхищению. Сколько их было — парней, готовых носить на руках. Но Рижке было мало: что ей какие-то мужланы, когда можно пойти в услужение к самому герцогу? От него ещё никто без подарков не уходил... стоимостью в годовое жалованье. Кто ж знал, что отработывать придётся соответственно?

— Руки на бёдра, — отрывистая команда, — посмотрим, что ты из себя представляешь...

Рука в волосах: жёсткая, горячая, безжалостная. Как и плоть, как вся его суть — сына высшего круга знати, избалованного вседозволенностью, пресытившегося женским вниманием.

Она уже не пыталась сдерживать слёзы, страх поселился в груди. Единственное, что она могла сделать — это покорно дожидаться его удовлетворения и уползти в свою каморку. А оно, как назло, всё не наступало, терзая тело, вынимая душу.

* * *

Довольный, как сытый удав, его сиятельство Брэгдан Брионский снисходительно поглядывал на вздорную пленницу. Та сидела в кресле и с независимым видом отковыривала лак с ногтей.

— Что это? — кивок на творимое безобразие.

— Бывший маникюр, — тяжёлый вздох, — у вас ведь вряд ли найдётся жидкость для снятия лака, впрочем, как и сам лак.

— Ты об этом? — он материализовал на ладони пузырёк с перламутровой жидкостью — одна из бесчисленных трат на предшественниц.

Жаль, что с платьями такой номер не пройдёт: высший свет не терпит повторений, да и афишировать взаимосвязь с теми девушками ни в коем случае нельзя. Одну из них отравили, а вторая выпрыгнула из окна. До сих пор не ясно сама она это сделала или кто подтолкнул?

— Хм, пахнет приятно, — опробовала местный вариант ногтевого покрытия Любаня, — и сохнет быстро. На какой он основе?

— Масло с красителем и закрепителем, — он с тщательно скрываемым любопытством изучал кусочек неизвестного вещества. Скривившись от неаккуратности девицы, он притянул всё, что она накрошила и телепортировал на стол своему штатному алхимикку с запиской тщательно изучить.

— Любопытно, сколько он держится? — безадресно поинтересовалась она и ойкнула от неожиданности — ошейник и браслеты упали на колени. Сразу стало легче дышать.

— Теперь в них нет необходимости, — он вновь протягивал какой-то флакон, только куда большего размера, чем предыдущий, — вечером после мытья вотрёшь это в корни волос, а то смотреть противно.

Люба привычно вскинула голову, но протест замер на губах — слишком сильно отличался взгляд от хлёстких слов. Он был полон предвкушения. Голодного, жадного. «Только этого мне не хватало! Ну, нафиг, пусть своих маркизок зажимает, или кого он там предпочитает?» Холод,

пробежавшийся от затылка к лону, заставил вжаться в недра мягкого кресла.

— Пошли, — он властно махнул и, не дожидаясь, пока она встанет, направился к выходу, — быстрее!

На пороге обернулся, нахмурился, глядя, как игнорируется его приказ и вытянул руку. Коротко взвизгнув, девушка замахала всеми конечностями, пытаясь совладать с потерявшим вес телом. Добилась она только того, что перевернулась лицом к полу и в такой неудачной позе полетела. Неудобно вывернув шею, пыталась разглядеть, куда её несёт, но нарушила равновесие и больно стукнулась о косяк. Руки автоматически прикрыли голову, защищая от новых ударов и частично закрывая обзор. На глаза навернулись слёзы, ещё больше ухудшая видимость. Единственное, что она успела разглядеть — это синеватые разводы вен под бледной кожей довольно тонкой руки, узловатые пальцы и массивное серебряное кольцо. Рельефные загогулины обрамляли чёрный бриллиант, как прихотливо переплетённые змеи. Или что-то в этом роде — в символике, тем более местной, она разбиралась так же хорошо, как в языках программирования. То есть никак.

«Голое» платье, как про себя окрестила Люба откровенный бежевый наряд, оправдало своё прозвище и покинула беспомощное тело.

— Нет! — кое-как извернувшись, она попыталась оттолкнуться от маньяка. — Я против! Это не по договору!

— Молчать! — рявкнул маг, подцепил невидимой петлёй строптивицу и направил её в экспериментальную зону лаборатории. — Всё как раз таки по договору, — нарочито ехидно ухмыльнулся, — ты забыла один существенный момент, — и вернул в перевёрнутое состояние.

Разложив Любовь на холодном мраморном столе, он сосредоточенно примеривался скальпелем к округлой ягодице. Несмотря на недавнее удовлетворение, обнажённое тело продолжало волновать, мешая концентрации.

— Хватит дрожать! — выместил злость за собственный огрех маг.

— Вообще-то, здесь зверски холодно, — стуча зубами, выпалила красавица.

— Это оптимальная температура для операции, — стиснув челюсти, он отделил, наконец, требуемый клочок кожи и, наклеив компресс с антисептической мазью, бесцеремонно перевернул её на спину.

— Эй, осторожнее, — возмутилась подопытная, мигом забывая о холоде.

Не обращая внимания на вопли, мужчина резко раздвинул ей ноги, зафиксировал обездвиживающим заклятием и занялся трансплантацией утраченной невинности.

«Да, как будет приятно возвращать в исходное состояние эту несносную девчонку! Сама виновата — точнее надо формулировать условия договора». От соблазнительного предвкушения у него ощутимо потяжелело в паху. «Кстати, миньет к нижней чакре отношения не имеет,» — он посмотрел на зверское выражение её лица, — «а она ведь и откусить может! Ладно, дождёмся окончания миссии и уж тогда... И всё согласно договора, не отвертится!»

Заморозка держалась долго — не меньше часа. И всё это время теперь уже окончательно девушке не терпелось завладеть тем самым скальпелем, коим орудовал мерзкий тип и нашинковать его на тонкие пластики, а после пожарить и съесть под пиво. А к нему той самой

водочки, которую она недавно поминала, чтобы вытравить из памяти сегодняшний день. А ещё лучше всё, что связано с этим проклятым садистом!

Естественно, продуманный тип куда-то задевался, предварительно вернув её в постель и оставив книгу по истории Кордини на прикроватном столике. Эдакий намёк на прямые обязанности. Но для такого дела Люба была слишком взволнованна, более того, зла. Единственное, что его хоть как-то реабилитировало — это то, что он укрыл её тёплым одеялом. На этом всё, за остальное хотелось как минимум утопить.

Попинав стены и мебель, она спустила пар и, несмотря на общую омерзительность операции, ощутила надежду, что теперь она в безопасности, по крайней мере, сексуальной. И эта уверенность ослабила напряжение и некоторую бдительность. Почёсывая саднящий копчик, девушка решила изучить замок, тем более, что останавливать её было некому.

Мрачный коридор освещался весьма неординарным способом — стоявшие вдоль стен доспехи таинственно светились бледно-зелёным. «Брр, как будто попал в фильм Тима Бёртона!» — Люба передёрнула плечами и двинулась дальше, — «Интересно, они имеют какие-нибудь дополнительные функции или это просто оригинальное дизайнерское решение?» Несмотря на врождённое любопытство, infernalная атмосфера здорово наводила на неё жути. Казалось, что один неверный шаг, и на макушку опустится тяжеленная алебарда, или того хуже проткнёт копьём. Поэтому она старалась держаться центра и ступала мелкими, осторожными шагами. Дойдя до следующей двери, девушка обнаружила, что по около них доспехи голубые.

— О, цветовая маркировка? — подивилась продвинутой дизайнера.

— Расширенные функции, — лязгнуло забрало.

Нет, конечно, слов никто не произносил, но намёк она поняла. А уж когда копья перекрестились, недвусмысленно показывая на то, что вход запрещён, сделала шаг назад.

— Нет, так нет, — подняла руки в успокоительном жесте, — так я пойду?

Не дождавшись ответа, двинулась дальше. Следующая комната мало того, что была сразу перекрыта, так ещё и сама дверь отсвечивала сиреневой дымкой. Да, замок так и блистал гостеприимностью! Но, поскольку коридор ещё не кончился, впрочем, как и Любино любопытство, исследование продолжалось. На третий раз ей повезло — препятствовать проникновению никто не стал. Внутри помещение отличалось повышенным содержанием пыли, зачехлённая мебель ясно говорила, что этой комнатой никто не пользуется. Судя по очертаниям и габаритам, обстановка мало отличалась от её собственной. Разочарованно вздохнув, блондинка двинулась в обратную сторону. На противоположной стороне обнаружили очередные гостевые покои, братьями близнецами сверкавшие пылью и отсутствием какой-либо отделки. Обои? Нет, не слышали. Штукатурка? Зачем, когда кладка так эффектно дополняет решётки на окнах. Ковры? О чём вы говорите — это же сплошное расточительство!

Выйдя из очередного склепа, она с удивлением обнаружила, что запрет на доступ в первую комнату отменён. Более того, прочие пути отрезаны многозначительно молчаливыми доспехами. Делать нечего — пришлось идти куда дают. Вдохнув для храбрости, девушка толкнула тяжёлую дверь и шокировано застыла на пороге. Открывшаяся её глазам картина никак не хотела укладываться в голове, пришлось усваивать фрагментарно. Нагая рыжая дева на коленях, волосы огненной рекой струятся вдоль позвоночника, руки скованы за спиной. Жгучая полногрудая брюнетка, тоже на коленях, только ракурс другой, как и... хм... угол

наклона. И седовласый ирод, чередующий красавиц, как салат с пюрешкой: ложку туда, ложку сюда. И дикий, прожигающий насквозь взгляд. Некогда белёдые радужки клубятся сейчас красноватой дымкой. Надменности как не бывало, только животная страсть — жестокая и беспощадная.

Как ни силилась, она не могла отвести от него глаз, словно её загипнотизировали. Резкие движения, многозначительная ухмылка и ощущение, будто именно ей, а не несчастными девушками сейчас овладевают самым бесстыдным образом. По крайней мере, мысленно. Не выдержав издевательств, её вывернуло прямо на дорожный ковёр. Нет, она определённо не хотела быть на их месте, впрочем, как и на своём. И что ей не сиделось в комнате? Читала бы сейчас ту большую книгу, разглядывала картинки, так нет же, потянуло на приключения! Сняла стресс, называется...

* * *

Вечер прошёл в одиночестве и усиленном чтении. Естественно, мысли возвращались к увиденному, живот возмущённо бурлил одиноким желудочным соком, но тошнота не позволяла съесть даже кусок хлеба. Картинка разнузданного разврата и моральное насилие над ней самой мешали Любе сосредоточиться. Наконец, она сдалась и вызвала служанку.

— Сделай мне ванну, пожалуйста, — неуверенная улыбка тронула губы.

— Слушаюсь, госпожа, — та низко поклонилась и побежала выполнять. Затравленный взгляд не укрылся от внимания Любви.

— Зашугал девчонок, старый извращенец, — пробурчала она. Точный возраст ей, конечно, был неизвестен, но раз мужик пьёт омолаживающий эликсир — значит ему явно за пятьдесят, а то и больше.

Неспешно поплескавшись в ароматной воде, она вымылась, закуталась в банную простынь и тщательно втерла магический бальзам. Как ни странно, но кожа на месте среза успела нарасти, отличаясь лишь лёгкой краснотой. Зато дико зачесалась голова! Такое чувство, будто она скипидаром вшей травила — да, был и такой печальный опыт в её биографии. В юности, в гостях у бабушки она испытала непередаваемую гамму ощущений от народной терапии. Вместе с паразитами голову спешно покинула львиная доля волос. С тех пор она предпочитала короткие стрижки и никакой краски, несмотря на пробивающуюся кое-где седину. Роды — они такие, несут после себя некоторые побочные эффекты.

Кое-как вытерпев около десяти минут, Люба решительно вернулась в ванную смывать издевательство. Каково же было её удивление, когда из-под полотенца вывалилась густая масса шикарных волос. Длинных, блестящих, слегка вьющихся на концах, коих у неё даже в лучшие времена не бывало. Неприятные ощущения тут же отошли на задний план, девушка со всех ног бросилась к зеркалу.

То, что она в нём увидела, напоминало скорее героиню диснеевских мультиков, нежели обычного человека. Тоненькая фигурка, огромные от изумления глаза и совершенно потрясающая шевелюра. Нечто подобное у неё наблюдалось в восьмом классе, когда старшая двоюродная сестра сдавала зачёт по наращиванию волос в школе парикмахеров. К сожалению, та использовала искусственные пряди, которые вскорости пришлось снять. Здесь же, судя по всему, эффект постоянный. По крайней мере, ей этого очень хотелось.

«Надеюсь, омолаживающее зелье без реверса?» Люба приблизила лицо к гладкой поверхности

и прикоснулась кончиками пальцев к нижним векам. «Девственность только сильно напрягает. Нет, я определённо не хочу снова проходить процесс дефлорации. Ни с принцем, ни с кем бы то ни было ещё. Маг, судя по его повышенной похотливости и страстным взглядам в мою сторону, явно жаждет лично поучаствовать в процессе, но фиг ему. Большой и с маслом!»

С такими оптимистичными мыслями она и заснула, а там... там, облачённая в белоснежное свадебное платье, задыхаясь от прилипшей к лицу фаты, она штурмовала крепость. Атласные туфельки на тонком каблукке мгновенно порвались, стоило ей предпринять попытку взобраться на стену, но она продолжала упорно карабкаться вверх. Острые грани до крови ранили нежную кожу, алые капли алчно всасывались ненасытными камнями. Выбросить руку, ухватиться за выпирающий конец, опять порез. Нашарить ногой новую точку опоры, вытерпеть очередную рану, подтянуться, несмотря на острую боль. Главное — не смотреть вниз, только вверх. Зря она это сделала... Навстречу измученной девушке мчался оскаленный череп огромных размеров, с каждым метром всё шире и шире открывая челюсти. Ещё не много и он её проглотит! Не выдержав, она срывается вниз, заворочено глядя в пустые провалы глазниц. Ультрамариновая дымка еле успевает за призранными костями. Падение, боль, темнота.

Захлёбываясь слюной и судорожно втягиваемым воздухом, девушка подскочила на постели. Ещё чуть-чуть, и сердце, проломив грудную клетку, выпрыгнет на одеяло. Пот градом катился по телу, впитываясь в сорочку и волосы. Несмотря на бешеный выброс адреналина, она чувствовала, что жутко замёрзла. Странно, но именно холод помог осознать, что это был всего лишь кошмар. Безумный, жуткий, но нереальный. А как бороться с плохими сновидениями Люба знала не понаслышке: умыться, расчесаться, подышать свежим воздухом и выпить седативный сбор. Десять капель пустырника, десять боярышника и десять корвалола на стакан воды. Только где же их взять?

Будить среди ночи молодящегося маньяка было чревато последствиями, поэтому пришлось обойтись обычной водой. А наутро, когда пришла горничная с овсянкой и горячим кофе, острота сновидения притупилась, казалась чем-то далёким и незначительным, особенно по сравнению с суровой реальностью, и она забыла.

Сразу после завтрака её вызвали в кабинет, где уже ждал пожилой учитель истории и придворного этикета.

* * *

В отличие от пленницы, Брэг провёл вечер и ночь просто замечательно. Конечно, неурочный сигнал от охраны о попытке проникновения в его покои неугомонной девицы его дико разозлил — он как раз приступил к устранению послеоперационных последствий. Зафиксировал служанок в нужных позициях, прошёлся пару раз жёстким стеклом, как его посмели отвлекать. Естественно, он отдал отрицательный приказ, но желание стало пропадать. И как ни старался ротик рыжули, как ни краснела под ударами задница второй, он постоянно возвращался мыслями к вредной блондинке. И тогда его посетила гениальная мысль: раз она сама пришла, пусть участвует! Пока пассивно, но наметить перспективы не помешает.

Да, это было воистину гениальное решение! Давно он не получал такого удовольствия. Как будто снова восемнадцать и все интимные открытия ещё впереди. Забавно.

«Надо будет затянуть процесс возвращения в исходное состояние. В конце концов, есть много других способов получить наслаждение, минуя девственную преграду».

Весьма довольный своим хитроумным коварством, он вернулся к доработке защитного

артефакта для будущей пропавшей принцессы Меравии. Как пить дать этот мерзкий Корд попытается залезть ей в голову!

Ночью ему снились различные вариации укрощения строптивой, так что с утра пришлось вновь вызвать очередную служанку. «Вот бы опять подловить эту девицу на горячем и затянуть в игру...»

* * *

У Любви же не было ни времени, ни желания повторять неприятный опыт. Из комнаты она выходила исключительно по делу и строго в заданном направлении. Напряжённые дни учёбы, примерок и прочих забот сменялись муторными ночами. Она то вновь пыталась залезть на стену, то искала тайный ход, ибо основной был наглухо закрыт. А то и вовсе пыталась уйти, но ей постоянно что-то мешало: ров с тухлой водой, стая ворон, окружившая плотным коконом и противно кракающая, то локальный смерч. И каждый раз ужасное видение inferнального черепа доводило её до предсмертных конвульсий. Огромным счастьем было проснуться, пусть и в холодном поту, зато на мягкой кровати. Теперь всегда любившая подольше понежиться в постели сова превратилась в вынужденного жаворонка.

Помимо истории и этикета пришлось учиться читать и писать, так как переход через межмировой портал дал лишь знание устной речи. Самым нудным занятием оказались танцы. Во времена своей бурной молодости Любаня обожала лихо отплясывать на дискотеках, особенно уважая стиль хип-хоп. Дома она включала зарубежные клипы и старательно копировала резкие, необычные движения, доводила до совершенства различные фишки. Пару раз пыталась освоить паппинг, но появившийся тогда на горизонте Игорь забирал практически всё свободное время. Впрочем, она не особо страдала, через несколько месяцев плотных ухаживаний осваивая совсем иные танцы — горизонтальные.

В этом же мире даже о банальном вальсе не могло быть и речи. Медленные, манерные движения, нудная музыка, полуметровая дистанция между танцующими — и это далеко не всё, что бесило энергичную девушку. Самым ужасным оказалась обязательная беседа с партнёром на три стандартные темы: природа, погода и любовь к королю. И если первые две, пусть и скучные, особенно на тридцать пятый раз обсуждения за последние два часа, то имитировать любовь к кому бы то ни было она категорически не умела. И именно по этому поводу переживала за успех миссии в целом.

— Зря волнуешься, — надменно скривился маг, когда она озвучила свои опасения, — больше всего мужчину привлекает неприступность. Напротив, твоя холодность не позволит наделать глупостей — затащить в постель до свадьбы, например. А уж о безудержной страсти к наследнику будет кому доложить без твоего непосредственного участия.

— Это как это так? — изумилась Люба.

— Портрет его высочества в спальне, показания свидетелей твоей пылкой речи в защиту белых китов — он у нас большой любитель блондинистой экзотики. А при непосредственном контакте лёгкое головокружение от его прикосновений, нужный эликсирчик я тебе дам.

— То есть мне надо будет кого-нибудь приглашать в спальню? — она скептически изогнула бровь.

— Ни в коем случае, — резко осадил мужчина, — королевские шпионы за тебя всё прекрасно сделают. А ты как думала? За каждым твоим шагом будет пристальное наблюдение. Так что будь предельно внимательна что говоришь и делаешь.

— Капец! — выругалась иномирянка, — шоу «За стеклом».

— Завтра привезут ткацкий станок и шерсть, — он проигнорировал непонятный выпад, посчитав ниже своего достоинства его комментировать, — ты должна освоить технологию ткачества ковров.

— Зачем? — спросила было она, а потом сама себя перебила. — А, я, типа, раньше этим занималась!

— Хватит, — не выдержал Брэг и презрительно скривился, — если пара просторечных слов добавляет твоей легенде достоверности, то их постоянное использование сведёт на нет все наши усилия. Да, ты жила просто, зарабатывала ткачеством, но до десяти лет получала королевское образование, так что соответствуй!

— Ладно, — она и сама замечала, что порой увлекается сорными словами, но когда все вокруг выражаются куда крепче, это казалось невинным допущением. — Кстати, раз я такая мастерица, зачем мне устраиваться к вам горничной, а не продолжать работать на заказ?

— Хмм, — резонный вопрос, и ответ должен отличаться от «надо же нам было как-то встретиться», — после смерти кормилицы ты не справлялась с оплатой ренты и была вынуждена искать работу с проживанием.

— Тогда я бы нашла себе соседку, чтобы разделить плату, но никак не бросала ремесло на простое обслуживание. Тем более у вас — с такой-то репутацией.

— У меня прекрасная репутация, — оскорбился герцог, — а работать на меня — огромная честь.

— Весьма быстротечная, — не удержалась от шпильки Люба, — как считаете, что подумают о моей при ваших-то проказах. Или вы полагаете, что о них никто не знает?

Вытянувшееся лицо ярко свидетельствовало, что с такого ракурса он свои забавы не рассматривал.

— И что ты предлагаешь? — демонстративно скептический тон.

— Вы заказали у меня ковёр, — вдохновенно начала девушка.

— Сразу нет, — не особо скрывая радости, прервал маг, — я такими пустяками не занимаюсь. Только через управляющего.

— А если он заболел? — не сдавалась блондинка.

— Тогда подождет бы ковёр.

— В таком случае, — она задумчиво теребила локон, — управляющий пригласил меня в замок, чтобы заказать ковёр, а вы случайно встретили меня в коридоре. Изумились сходством с пропавшей принцессой и не, откладывая в долгий ящик, тут же сделали мне экспресс-тест.

Небесные глаза радостно сверкали, губы изогнула очаровательная улыбка. Засмотревшись, он не сразу понял, что проиграл. Продулся вхлам этой наглой девице и не просто так, а в интеллектуальной задаче. Его лицо окаменело, белёдые глаза замораживали своей холодностью. Желание подчинить эту своевольную девицу вновь отозвалось в паху.

— Пойдёт, — отрывисто бросил, резко поднялся с кресла и зашагал к выходу, — через пять минут у вас каллиграфия. Постарайтесь сегодня не закапать чернилами бумагу.

Любовь недоумённо пожала плечами, а потом махнула рукой. «Пусть его, лишь бы близко не подходил!»

На занятиях по меравийскому языку ей было легче всего — он оказался очень похож на смесь английского с итальянским, первый из которых она хорошо знала. Кординский же отличался французским прононсом, разве что по грамматике проще. Не было атавистических букв, которые уже не произносили, но из письма не убрали, и прочие частности. Напевая песенку «Lasciatemi cantare», перемежая известные куски текста ла-ла-ла, она ткала небольшой пушистый коврик с символикой инь-янь — на большее пока не хватало ни умений, ни фантазии. Мастерница, учившая её технике, не желала делиться цеховыми секретами, давая лишь начальные азы. «Ничего, вот доделаю этот пробник и замучу что-нибудь в стиле Моне! С подбором оттенков, конечно, придётся повозиться, зато какой будет результат! Дочке потом привезу». От последней мысли у неё навернулись слёзы. «Как там моя кровиночка? Нет, надо обязательно выжить, выполнить контракт и вернуться! Пусть сами потом с последствиями разбираются. А я человек маленький, на власть не претендующий. Мне бы зайцу путёвку в санаторий купить — там, говорят, ортопеды от Бога работают, мигом все плоскостопия выправляют».

* * *

Около двух недель герцог Брионский не появлялся в замке, подготавливая почву в столице. Одному знакомому он якобы проговорился о неожиданном опекунстве, тяжесть которого непомерна, ибо облегчила кошелек на невысказанное количество денег. Но старая дружба с покойными родителями девицы не позволила пройти мимо. Другому шепнул, что узурпаторам меравийского трона скоро станет не до веселья. Совершенно «случайно» им оказался советник короля по внешней политике. Стоит ли говорить, что уже к вечеру сия новость достигла ушей его величества? Тот, правда, не был особо дружен с предыдущим правящим родом, зато нынешний и вовсе на дух не переносил. А всё жадность дорвавшихся до власти «нищевродов» — так и норовят заработать на всём и вся! Ввозные пошлины подняли до небес. Кому теперь нужны товары втридорога, пусть и выше качеством, чем у местных производителей? Ну и так, по мелочи: посла оштрафовали за дебош в ресторане, несмотря на его политическую неприкосновенность, за дочь приданого мало дают — приграничное озеро зажали, а там такой карп водится... ммм. Предыдущая династия так не скупилась. Шпионов, опять же, наслали, как саранчу, еле успевают отлавливать с тайными депешами. В общем, занимательная новость, перспективная.

Вернувшись обратно, он представил Любе компаньонку, а на деле боевую магиню — соратницу по оппозиции. Совместными усилиями они дрессировали у неё великосветские рефлексии и приучали к новому имени — Грэзиэна.

— Интересно, кто его придумывал? — задумчиво спросила попаданка, — терзают меня смутные сомнения.

— Отец, конечно, — как дурочке, ответил маг.

— Похоже, он был не в восторге от ребёнка, — поддержала девушку Ждара.

— Конечно, это ведь не сын, — неприязнь так и сочилась из него.

— Да что бы вы делали без женщин, шовинисты несчастные? — как будто продолжила давний

спор магиня. — Почкованием размножались?

— Делением, — подхватила издевательство новоиспечённая Грэзи.

Брэг посмотрел на неё неприязненно, а женщина удивлённо.

— Ты разбираешься в биологии? — заинтересованный взгляд.

— Спелась, — мрачно констатировал Брэгдан, — не прошло и пары часов. Не забывайте о главном, а то обоих... — он не стал уточнять их дальнейшую судьбу, а многозначительно хлопнул дверью. Со Ждарой ему ссориться было не с руки — работа только началась, не стоит настраивать её против себя, а что касается Любви — неизвестность пугает куда больше. Вот и пусть помучается, может, болтать поменьше станет.

— Мужчины, — прошипела ему во след недовольная магиня, — не бойся, убивать он тебя не собирается — слишком муторно искать замену.

— Я знаю, — грустно развела руками, — просто поймёт и опять прооперирует.

— Что? — заинтересовалась любопытными подробностями. — Вот козёл! — узнав детали, воскликнула собеседница. — Не бойся, не всё так просто, как ты думаешь. У тебя когда в последний раз был мужчина?

— Шесть лет назад, — недоумённо повторила уже когда-то произнесённый магу ответ.

— Сколько? — она понимающе сжала её руку на её. — Ладно, не важно, а сколько прошло времени после операции?

— Больше двух недель, точнее не помню.

— Отлично! Значит, скоро поедem во дворец. Понимаешь, если тебя туда-сюда дефлорировать, то придётся долго ждать, пока не успокоится аурический фон. Нет, на это он точно не пойдёт! Ладно, вернёмся к делам: никогда, слышишь, никогда не ходи без перчаток вне дома.

Глава 4. Внедрение

Как и предсказывала Ждара, вскоре они отбыли в столицу. Будь герцог Брионский простым смертным, дорога бы заняла минимум две недели, ибо его мрачная цитадель располагалась на берегу морского залива, где злые волны разбиваются о гранитную твердь, нещадно дует промозглый ветер, и пронзительные крики чаек оглашают округу. Всю эту неприглядную картину Люба наблюдала из окна, и, не будь на нём стальных решёток, она бы всё равно не пыталась бежать. Прыгнуть в серую воду, чтобы тут же разбиться об отвесные скалы? Заблудиться в замке и опять «случайно» напороться на какое-нибудь непотребство? Да и нет в этом смысла — контракт сковывал её куда крепче тех цепей, что до сих пор валялись под кроватью.

— Дамы, поторопитесь, — недовольно поджимал губы Брэгдан, расхаживая мимо чемоданов, плотными рядами стоявших вдоль стены телепортационной залы. На гладком полированном полу прожилками из светлого камня была выложена универсальная пентаграмма перехода. Возле четырёх углов пятигранника он уже начертил основные координаты: справа широта, слева долгота, сверху величина расстояния до объекта, в нижнем правом знак рода, в дом которого планировался переход. Оставалась последняя руна, открывавшая защитный контур

городского особняка.

— Всё-всё, — подтолкнула блондинку компаньонка, — чуть не забыли портрет Его Высочества.

— Я его ещё вчера упаковал, — он недоумённо осмотрел поклажу.

— А мы ночью брали, — потрясла картиной шатенка, — она ведь его ни разу не видела.

— Ненавижу женщин, — процедил сквозь зубы маг, — глупые, никчёмные курицы. Молчать! — Прикрикнул на открывшую рот соратницу. — Она и так его теперь постоянно видеть будет, зачем было нарушать порядок? Воистину, прав отец, говоря, что дальше кухни и постели вас никуда допускать нельзя.

Бурча под нос всяческие ругательства, он старательно вычерчивал мелом последний знак и активировал переход. Издевательски поклонившись, он пригласил их пройти вперёд. Люба растерянно посмотрела на компаньонку, не решаясь лезть неизвестно куда, но та уверенно шагнула, потянув её за собой. Вихри сизой дымки, лёгкое головокружение и вот они уже за много миль в сердце Родении — главного города Кордиини. Слуги, толпившиеся у входа в точно такой же зал, как и в родовом замке, приветственно поклонились и поспешили в переход.

— Пойдём в гостиную, — снова потянула за собой блондинку, — подождём там.

Спустя полчаса к безмерному удивлению Любы, её повели ни больше, ни меньше, а по подземному ходу. За спиной пыхтели нагруженные слуги.

— Здесь ты и будешь жить, — обвёл рукой уютную спальню герцог, — этот дом принадлежит нашему роду много лет. Оформлен на одно доверенное лицо, у которого я сейчас его снимаю.

Девушка, ещё не пришедшая в себя от двери за зеркалом в ванной комнате — и как, скажите на милость, мыться, если в любой момент оттуда может появиться похотливый извращенец? — автоматически кивнула.

— В соседней комнате спальня Ждары. Завтра придёт новая кухарка — королевская шпионка, так что в этом доме ни одного лишнего слова сверх легенды. Наоборот, побольше говори о своей симпатии к наследнику.

— Эм, — потенциальная невеста включила, наконец, мозг, — не будет ли слишком странным, что я, ни разу его не видев вживую, уже чем-то там пылаю?

— Ты ведь девушка, — сказал, как о неразумном дитяти, — вы и не такое можете. Тем более, ты его видела за несколько лет до переворота, на помолвке.

— Знаешь, а она права, — задумчиво проговорила магиня, — попридержим пока портрет, после бала повесим. И разговоры тогда же начнём — достовернее будет.

— Только не увлекаться импровизацией, — строго нахмурил брови, — и без Грэгга за порог никуда!

— Само собой, шэф, — козырнула Ждара и пошла осваивать свои апартаменты.

Не успела Любаня испугаться того, что осталась наедине с пленителем, а он, соответственно, обрадоваться, как в комнату вошла горничная со стопкой чистого постельного белья. Коротко

поклонившись, она, не обращая внимания на произведённый эффект, принялась проворно упаковывать одеяло в пододеяльник. Мужчина недовольно поморщился и тоже вышел, а девушка буквально ловила каждое движение — у неё так никогда не получалось. Коварное одеяло умудрялось в процессе то перекрутиться, то повернуться поперёк, и тогда она самозабвенно заныривала в бельевые недра и выправляла безобразие изнутри. У служанки таких проблем не возникло. Пока новоявленная госпожа зависала в своих размышлениях, та успела полностью застелить кровать, развесить платья в гардеробной и теперь расставляла тувельки под цвет туалетов.

В задумчивости девушка вернулась обратно в ванную и стала прикидывать, как бы отгородиться от потенциального подсматривания. «Может, прикрепить верёвку по бокам и навесить на него штору?» — перебирала варианты, — «Всё же зеркало должно быть в свободном доступе. Нет, тогда пойдут ненужные разговоры среди прислуги, а значит, дойдёт и до кухарки. Может вызвать подозрение». Внимательно осмотрев довольно просторную комнату, она вспомнила, что есть такое замечательное изобретение, как ширма.

— Розетта, — позвала горничную, — в доме есть ширмы?

— Сейчас узнаю, — пухленькая, но очень подвижная девушка со всех ног кинулась исполнять поручение. Заодно поделится впечатлениями с подружками о чудесных платьях госпожи. А также о том, какой красавец мосье опекун. И какой могучий маг — смог «телепортировать» целых двух дам и дюжину чемоданов (слуги, на самом деле принесшие их, сразу ушли обратно).

К счастью, пара мобильных перегородок хранилась на чердаке, правда, одна из них пала в неравном бою с мышами. Вторую лишь слегка погрызли с краю, на что можно было закрыть глаза и задвинуть повреждённый угол к стене. Вот теперь можно и ванну принять после «дальней» дороги!

На ужин их пригласил опекун, прислав карету с фамильным гербом: крючконосый орёл косит лиловым глазом, сидя на клубке с верёвками. «И как только лапы не запутались? Странное сочетание», — размышляла по дороге девушка. Через пару домов карета вновь остановилась, лакей открыл дверь. «Интересно, в глазу настоящая драгоценность или цветное стекло?» — вновь зацепилась взглядом за любопытный коллаж.

После того, как все насытились и перешли в малую гостиную с ярко пылавшим камином, Люба не выдержала и спросила:

— Скажите, к чему вся эта лишняя маета с разными домами? — нет, ей, безусловно, нравилось, что хоть какое-то время она будет проводить вдали от мерзких белёсых глаз, но практичная сторона натуры не выдержала излишеств.

— Потому что официально я тебе никто, — скучающе ответил герцог, — просто помогаю по доброй воле. — На последней фразе он глумливо изогнул тонкие губы. — Поэтому, дабы не скомпрометировать девичью честь..., - многозначительная пауза, — я снял для тебя отдельное жильё.

— То есть формально я свободна? — слегка встрепенулась блондинка. Нет, она не собиралась никуда сбегать, просто стало приятно, что имеется хоть какая-то свобода действий.

— Формально ты нищая, бесправная девка, — плюнул ядом седой змей, — а фактически ещё и самозванка. Без моего поручительства ты никто.

— Без вашего поручительства я помощник руководителя с трёхлетним стажем, высшим образованием и двухкомнатной квартирой, — довольно резко напомнила изначальное положение вещей.

— Да ты что? — с любопытством протянула Ждара, — и какая у тебя специальность?

— Психолог.

— Это ещё что за зверь? — видимо, наука о душе здесь не развивалась.

— Я же говорю — никто! — самодовольно откинулся на спинку стула маг.

— Между прочим, у вас налицо прогрессирующая мания величия, сильная психологическая травма, связанная с женским полом, скорее всего матерью, и развившийся на этом фоне комплекс неполноценности. Как следствие, стремление к насилию в личных отношениях.

— Что ты знаешь о насилии, девочка? — вкрадчиво спросил Брэг, при этом глаза его не обещали ничего хорошего. Он явно еле сдерживал ярость. — То, что я позволил тебе увидеть... детские игрушки по сравнению с истинной болью.

Желание вскочить и убежать терзало разум увлечёвшейся своим профессионализмом Любы, но ноги ослабли до того, что из доступных вариантов было сползти с кресла и забиться в угол. Магиня с любопытством переводила взгляд с одного на другую, поигрывая рубиновым вином в бокале.

— Кажется, ты успела забыть, что бывает, когда показываешь зубки, — он не отказал себе в удовольствии собственноручно сжать тонкую, трепещущую шею. — Величие даёт родовая кровь и собственная сила. Сила воли, магии и духа. И не смей совать свой нос туда, где тебе не место.

Усиливающаяся хватка и приближающееся с каждым словом лицо вызывали головокружение пополам с отвращением. Ещё немного, и сознание сорвётся в небытие.

— Брэг, стой! — воскликнула шатенка, — через три дня бал — нам не нужны синяки на шее.

— Ничего, вылечим, — оскалился маньяк и больно укусил за полную нижнюю губку.

— Ай, — хрипло вскрикнула Люба, всё ещё удерживаемая железной хваткой.

— Чтобы вспомнила, с кем разговариваешь, — и смачно лизнул подбородок.

Красный от крови язык скрылся во рту, слегка обагрив внутреннюю сторону губ. Сейчас он как никогда походил на вампира. Классического: злого, кровожадного, беспощадного. Ещё раз лизнув теперь уже повреждённую губу, он разжал пальцы и крепко взял за подбородок.

— Ты полностью в моей власти. Захочу — будешь делать то же, что и те девки, которых ты видела. А захочу больше — выполнишь, как миленькая.

Если до этого заявления Люба боялась, то теперь пришла в ярость. Сверкнув глазами, она с видимым отвращением вытерла рот.

— Только то, что указано в контракте, — потёрла шею, — с вас штраф в размере трёх процентов от основной суммы договора за неправомерные действия и нанесение телесных повреждений средней степени тяжести.

Как всё-таки удобен договор, подписанный кровью! По нему отвечают не в суде, который можно подкупить, а перед мирозданием. Разумеется, если у ущемлённой стороны хватит ума протестовать. А душой Люба перестала быть очень давно.

* * *

После памятного вечера они больше не встречались. Все три дня Люба промаялась с большим горлом и саднящими от каждой попытки поесть губами. И лишь накануне бала прибыл доктор и залечил повреждения.

— Вот ведь скунс! — возмущалась девушка, — дотянул до последнего, хотел, чтобы я помучилась! А я ведь толком есть не могла все эти дни. Вот возьму и грохнусь на балу от недоедания — и пусть ему будет стыдно!

— Не мельтеши, — скривилась Ждара, — сама нарвалась, сама и получила. Вот кто тебя просил лезть ему под шкуру? Ткнула его в самое больное, а теперь удивляешься. — Она многозначительно кивнула в ответ на вопросительный взгляд. — Да он, можно сказать, пожалел тебя. И за меньшее убивал, правда, мужчин, насчёт девушек не знаю — свечку не держала.

— Ага, добренький мальчик нашёл пулемёт, больше в деревне никто не живёт, — продекламовала детскую страшилку.

— Забавная ты, — протянула шатенка, слегка скривив полные губы, — и далеко не глупа, только тормозить вовремя не умеешь. Бери пример с Брэгдана — он ведь явно хотел куда больше, чем позволил себе, но смог сдержаться.

— Сдержаться — это когда поскрежетал зубами, поиграл желваками и стукнул рукой в стенку, а не придушил до полусмерти и не нализался крови из собственного укуса! — ей надоело ходить из угла в угол и она плюхнулась в соседнее кресло.

— У каждого своё понятие предела, — пожала плечами женщина, — а вообще я бы на твоём месте воспользовалась ситуацией.

— Какой и как? — не поняла совета.

— Он к тебе явно равнодушен, — она усмехнулась, глядя на недоумение собеседницы, — ты его чем-то зацепила, — изучающий взгляд, — и если будешь меня слушать, то сможешь пробиться в дамки.

— Спасибо, мне и так неплохо, — открестилась от сомнительной чести Люба и поднялась к себе.

В эту ночь, как и в предыдущие на новом месте, ей вновь приснился очередной кошмар. С тех пор, как она прибыла в столицу, решётка на входе оказалась поднятой, но стражники, стоявшие на посту, тут же обнажали мечи, и ни о каком дальнейшем продвижении не шло и речи. Так и топталась на месте, пытаюсь уговорить суровых воинов, да всё без толку. Сегодня она решила не биться головой о стенку, а просто посидеть, песни попеть, за жизнь поговорить. С трудом, но ей удалось сдержать странную, необъяснимую тягу непременно попасть внутрь. Она остановилась у самых ворот и облокотилась о ближайший косяк. Стражники подозрительно косились, но агрессии не проявляли. Тогда, автоматически перебирая пальцами по несуществующим струнам, Люба запела:

Побледневшие листья окна
Зарастают прозрачной водой.
У воды нет ни смерти, ни дна.
Я прощаюсь с тобой.

Горсть тепла после долгой зимы
Донесем. Пять минут до утра
Доживем. Наше море вины
Поглощает время-дыра.

Это все, что останется после меня,
Это все, что возьму я с собой.

С нами Память сидит у стола,
А в руке ее пламя свечи.
Ты такой хорошей была.
Посмотри на меня, не молчи.

Крики чайки на белой стене
Окольцованы черной луной.
Нарисуй что-нибудь на окне
И шепни на прощанье рекой.

Это все, что останется после меня,
Это все, что возьму я с собой.
Это все, что останется после меня,
Это все, что возьму я с собой.

Две мечты, да печали стакан
Мы, воскреснув, допили до дна.
Я не знаю, зачем тебе дан.

Правит мною дорога-луна.

Ты не плачь, если можешь, прости.

Жизнь — не сахар, а смерть нам — не чай.

Мне свою дорогу нести.

До свидания, друг, и прощай.

Это все, что останется после меня,

Это все, что возьму я с собой.

Это все, что останется после меня,

Это все, что возьму я с собой.[1]

Неожиданно один из стражей поднял забрало. Под ним, как и следовало ожидать, красовался уже порядком набивший оскомину череп.

— Ещё, — скрежетнул он несуществующими связками.

— То же самое?

Он кивнул. Она продолжила. И снова просьба, и новый повтор. Впервые за последние несколько недель он не стал её проглатывать, лишь махнул на прощанье рукой. А она, подхваченная вихрем цвета индиго, мягко опустилась на перину и, вздохнув, продолжила спать. Уже без сновидений.

Весь следующий день пришлось терпеть бесконечные манипуляции трёх девиц, прибывших для подготовки дебютантки. Ароматная ванна, маникюр-педикюр-эпиляция, причёска, макияж и, конечно же, финальная примерка платья. Новые туфли, старательно разношиваемые накануне, почти не жали. Швея, скрупулёзно наводившая последние штрихи, умудрилась подобрать ткань такого оттенка, будто её красили тем же красителем, что и радужку Любви. Взглянув в зеркало, девушка подивилась, насколько преобразился её облик. На неё смотрела хрупкая, воздушная фея с копной золотистых локонов, украшенных драгоценными незабудками. А из глаз, казалось, льётся небесный свет, окрашивая одеяние. Туфельки и перчатки в тон завершали чудный образ.

Герцог Брионский не мог отвести глаз от небесного видения, спускающегося к нему по лестнице. Безотчётное желание схватить и телепортироваться обратно в родовой замок зудило на кончиках холёных пальцев. А потом порвать и растоптать... Вместо этого он предельно аккуратно накинул на точёные плечики плащ цвета жемчуга и молча вышел.

И вновь карета со странным гербом, только в этот раз она успела разглядеть нетипичную для верёвок штриховку. Любопытство победило, и она решилась спросить:

— А что означает тот символ на дверце?

— Я так понял, геральдику вы не проходили? — приподнятые брови, презрительный изгиб

тонких губ.

— Только королевскую, — чего-чего, а вины за собой она не чувствовала. Не она же составляла план занятий.

— То есть за всё время ты выучила один герб?

Медведь попирает гиену, грозно скалясь на остальных. Очень сложный материал, учитывая не прекращающийся спор учёных о количестве клыков в пасти. Говорят, раньше их было шесть, но после нападения на дворец, парочку у главной статуи отбили, а остальные изображения оказались уничтожены. И лишь в древних рукописях некто Фукирол в беседе с учениками упоминает, будто зверь, в которого обращался родоначальник династии и его тринадцать потомков, имел костную аномалию в виде лишних клыков на верхней челюсти. Дескать, признак избранности и свирепства.

— Нет, конечно, — спокойно, а оттого ещё более раздражающе ответила иномирянка, — Двадцать три, а также портреты и биографии всех членов монарших семей.

Где, если копать вглубь, ещё и не такие мутанты имелись.

— Зачем? — опешил маг, — тебе сейчас куда важнее иметь хоть какое-то представление о местной знати.

— Что сказали, то и учила, — буркнула Люба, — в конце концов, я ведь принцесса, причём сопредельного государства. Откуда мне знать, кто здесь герцог, а кто барон, когда я десять лет ковры ткала под опекой старой няньки? — Вновь включилось логическое мышление. — А вот знания о других правящих домах — самое оно.

— Восемь лет, — поправил Брэг. Как ни неприятно это признавать, но девчонка оказалась права. И он снизошёл до ответа. — Змеи — символ знаний и мудрости, а орёл — силы и власти. Род Брионских издревле владеет тайными знаниями, благодаря которым и возвысился.

Гордость и самодовольство — вот что звучало в голосе высокомерного мужчины. За ним действительно стояли гордость предков и величие рода. Но Люба, рождённая на обломках СССР, изучившая тысячу и один вариант выверта мозга, начиная с Аристотеля и заканчивая пресловутым Фрейдом, будь он хоть трижды усопшим, лишь усмехнулась. К счастью, про себя, ибо давно поставила ему диагноз и назначила лечение, всё упиралось в наличие медикаментов и смирительной рубашки. Желательно с антимагическим эффектом. Вот тогда бы она ему объяснила, в чём разница между Бахом и Фейербахом, а также между феназепамом и гидроксизиним.

— Я тебе буду подсказывать, — вмешалась Ждара, снимая напряжение, — ведь для того вы меня и наняли.

Люба подозрительно покосилась на компаньонку. Вчерашние слова не шли у неё из головы. «Интересно, если она вся такая соучастница, почему ведёт двойную игру? Она явно имеет на него зуб — сколько раз его подкалывала. А меня так вообще собирает под него подложить, причём явно не из большой любви к сводничеству. Надо и с ней держать ухо востро».

Прибыв, наконец, во дворец, они, в отличие от не настолько высокородной знати, как седовласый, попали внутрь без очереди. Кучер зычно кричал: «Дорогу герцогу Брионскому!», вышеозначенный явно что-то приколдовывал, так что лошади ржали, кареты сцеплялись колёсами, дамы пронзительно визжали, несмотря на то, что придворный этикет запрещает

публичные звуки выше 60 дБ. Какой позор! Вездесущие репортёры радостно крапали сенсационные строки.

Вздрыгнув от громогласного объявления о прибытии его Сиятельства такого-то с подопечной, Люба во все глаза уставилась на лютую мешанину цветов, местами посверкивающую драгоценностями. На ней самой, кроме сапфировых заколок была лишь скромная цепочка с круглой подвеской — символом бога-покровителя Меравии. Этакий тонкий намёк на толстые обстоятельства. Все дебютантки были одеты в пастельные тона, дамы постарше более эффектно, её же платье балансировало между ними. С одной стороны вызов, с другой — ещё одна дань меравийской традиции: там именно девушек на выданье одевали поярче.

Впрочем, не только наряд способствовал повышенному вниманию к вошедшей троице. Отлично выполненная работа по распространению политинформации, иначе говоря, банальных слухов и, конечно, одиозная личность новоиспечённого «опекуна». От пристальных взглядов Любе стало не по себе, в них было всё: от брезгливости до откровенной оценки. Дамы всячески показывали своё фи к нестандартному туалету, возмутительно блестящим волосам и просто отвратительной красоте девицы. Мужчины, напротив, всё вышеперечисленное одобряли, явно алча познакомиться поближе, желательно без свидетелей. Единственное, что всех сдерживало — каменное лицо и сумрачная аура герцога Брионского. Как ни странно, они неплохо дополняли друг друга, как синее море и мрачный гранит прибрежных скал. Воздушная юбка пышного платья с шелестом разбивалась о чёрный рельеф брюк смокинга, то игриво обволакивая, то в ужасе отталкиваясь. В зале стало настолько тихо, что, жертве повышенного внимания очень захотелось сказать «Бу!», чтобы хоть как-то разрядить атмосферу.

— Ваше величество, — поклон головы, выше положенного, но всё же обозначен, — низжайше приветствую и прошу позволения представить вам мою подопечную — Грэзиэну Дарийскую.

Девушка присела в элегантном реверансе, отрепетированном до боли в суставах. Отошедшая к толпе компаньонка одобрительно кивнула. Его Королевское Величество даже глазом не моргнул, пылливо вглядываясь в лицо. Да, она действительно имела характерные черты павшей меравийской династии: овал лица, разрез глаз, форма бровей. Разве что миниатюрная фигура никак не напоминала о высоких Дарийских, правда, помнится, мать отличалась деликатностью сложения. Но главным фактором были, конечно, глаза. Того редкого оттенка, который он встречал лишь однажды, когда заключал помолвку своего десятилетнего сына с пятилетней принцессой соседнего королевства. Где-то даже портрет висел — рука не поднялась выбросить такую красоту.

Принц, чья рука в первую очередь отказалась избавляться от изображения пропавшей наречённой, еле сидел, с трудом сдерживая порыв сорваться с малого трона и заключить нежную красавицу в объятия. Уловив справа нервное движение, король нахмурился и неодобрительно качнул седой бородой.

— Приятно познакомиться, — подал, наконец, голос монарх, — не уделите мне минутку вашего драгоценного внимания после того, как откроете со мной бал?

Принц обиженно взглянул на отца, но тот не обратил на него никакого внимания. Люба слегка опешила от того, как ультимативно оказалась приглашена на танец и бросила вопросительный взгляд на опекуна. Тот, не меняя надменного выражения, слегка кивнул.

— Почту за честь, — вышло слегка сдавленно, но девушке позволительно волноваться в столь почтенном окружении.

Отходя в сторону, она поймала хлёсткий, как нагайка взгляд. Утончённая брюнетка, одетая в дивное лиловое платье и сверкавшая минимум десятью украшениями на всевозможных местах, с неприкрытой ненавистью смотрела в её сторону.

— Фаворитка, — шепнул на ухо маг, уловив реакцию, — ты лишила её одной из главных привилегий вечера. Можешь гордиться.

Как ни странно, но несмотря на щекотливость ситуации, волнение улеглось, как только зазвучали первые аккорды менуэта. Плавные движения, более, чем пионерское расстояние между партнёрами и неспешная беседа. Голос короля, густой и низкий, очаровывал своей мужественностью. Если не смотреть на глубокие морщины, избородившие лицо да седые волосы, можно было подумать, что перед тобой могучий воин. Впрочем, могучность виделась даже сейчас, несмотря на почтенный возраст. Упрямый квадратный подбородок, обрамлённый аккуратно подстриженной бородой, острый взгляд голубых, немного выцветших глаз. Картину слегка портила старческая пигментация и слегка оплывшая фигура, хотя чувствовалась и сила в руках и мужской магнетизм. Принц серьёзно проигрывал рядом с ним. У того наблюдался мягкий округлый подбородок, курносый нос, полные губы, румяные щёчки и светлые кудри. В детстве с него можно было писать херувимов, зато сейчас... Единственное, что подкупало — это его искренняя радость от встречи с внезапно появившейся невестой, не замутнённая сомнениями и подозрениями. Сущий ангел, право слово, весь в покойную матушку.

— Где же вы пропадали столько времени, прекрасное виденье? — прощупывал почву Базальд.

— Мы с нянюшкой ткали ковры на заказ, — смущённый взгляд на натруженные в процессе освоения ремесла руки, — она меня всему научила.

— Вот как? — ласковое поглаживание слегка шершавых от мозолей пальцев, — кажется, я припоминаю: приятная такая женщина, слегка полноватая.

— О, вы, должно быть, путаете её с гувернанткой, — Люба быстро уловила, куда клонит потенциальный свёкр, — кормилица была стройной, как ива, а донну Лизетту, о которой вы говорите, убили повстанцы. Они вместе с Клотильдой защищали меня, только мы успели убежать, а она нет.

«Любопытно, это он со времён сватовства всё помнит, или в связи с новостями память освежил?» — ехидничала про себя псевдо-принцесса.

— О, значит, я тогда только одну видел, — поклон, разворот и случайно пойманный хищный, оценивающий взгляд чёрных глаз какого-то мужчины.

— Должно быть, — лёгкая грусть опустила уголки полных губок, взгляд в пол и лёгкое помаргивание, как будто борется с подступившими слезами. На деле же её охватил охотничий азарт: кто кого перехитрит?

— Вы, должно быть, мало что помните из той жизни? — новый вопрос с подвохом.

— Что вы? — ясный, незамутнённый взгляд, — я была уже достаточно взрослой.

— *То есть вы говорите на родном языке? — перешёл он на меравийский.*

— *Конечно, — легко подхватила Грэзи, — правда, давно не практиковалась.*

— Как же так? — делано удивился старый интриган, возвращаясь на родной язык, — разве нянюшка не разговаривала с вами?

— Мы старались не вспоминать былое — слишком больно, — перешла на почти шёпот, — да и боялись, что кто-нибудь услышит и нас найдут.

Наконец, танец закончился, и нетерпеливо притоптывавший принц поспешил застолбить следующий.

— Нет, — довольно сурово остановил его отец, — сначала разговор. Наедине.

— Прошу прощения, Ваше Величество, — опять наглый недопоклон, — но это может скомпрометировать репутацию девушки. Я, как опекун, настаиваю на своём присутствии.

— Да что ей может грозить в обществе почтенного старца? — слукавил ловелас со стажем.

— Мало ли, барышня молодая, неопытная. Вскружите ей голову, а она возьмёт и потеряет её. Где потом искать? — притворно развёл руками. — А ей ещё замуж выходить, наследников рожать.

Оспорить столь логичные доводы не представлялось возможным, по крайней мере, публично. Пришлось уступить. Как и следовало ожидать, монарх интриговал не по-детски и на приватную беседу пригласил того самого черноглазого типа, что сканировал Любу во время танца.

— А вы говорили наедине, — изогнул бровь седовласый.

— Позвольте представить, — игнорируя выпад, обратился Базальд к девушке, — главный королевский маг герцог Кордаван Дагонский.

— Знакомы, — холодно бросил Брэг, несмотря на то, что представляли не ему. Впрочем, на его выпад особого внимания не обратили.

Высокий, худощавый мужчина с желчным выражением не менее надменного, чем у его старого знакомого, лица коротко кивнул. Чёрные, как вороново крыло волосы скользнули по острым скулам. Одна из прядок прилипла к уголку тонкогубого рта, рассекая щёку надвое. Острый, больше похожий на смертоносный клюв нос пересекал тонкий, почти незаметный шрам.

«Что-то многовато стало герцогов в моём окружении», — хмыкнула про себя Люба, намеренно медленно опускаясь в реверансе. Так сказать, расставила акценты. Признаться, ей было очень неуютно под его хищным взглядом, но показывать она этого не собиралась.

— Принцесса Грэзиэна, — он испытующе прожигал своим антрацитовым взором, — прежде, чем мы начнём наше общение, вам необходимо пройти проверку. — Зловещая полуулыбка вкупе с прилипшей прядью создавали эффект глубокого надреза. Как у Гюго в романе «Человек, который смеётся», только с одной стороны.

Сердце ухнуло вниз, грудь заледенела от страха, но неожиданно пришла мысль о том, что данная ситуация поможет обойти условия контракта и не придётся никого травить. Пусть и фиктивно. Странная смена настроения не прошла мимо внимания Корда.

— Вашу руку, мазель, — он достал острый кинжал и белоснежный носовой платок.

— Протестую, — лениво растягивая слова, подал голос седовласый, — требую проведение

экспертизы в присутствии высокой комиссии. И вообще, где ты будешь брать эталон?

— Чего ты добиваешься, Брэг? — как старому знакомому, бросил Корд.

— Справедливости для своей подопечной.

— Кстати, об этом, — как бы вскользь начал Брюнет, — ты не оформил официального опекуна, значит, как несовершеннолетняя гражданка Кординии она находится под опекой короля.

— Она не гражданка, — парировал тот, — а политическая беженка. Я не стал давать ей официальный статус подопечной, дабы меня не возжелали уличить в корыстных целях. Как-никак, но она законная невеста принца Миральда и возможный претендент на трон Меравии. С супругом, разумеется.

— Принадлежность к династии ещё надо доказать, — возразил король, но в его взгляде чувствовался неприкрытый интерес, перешедший из чисто мужского в политический. Это же, какие перспективы открывались! Так можно не только границу спрямить, но и существенно расширяться. — Хорошо, завтра в полдень в малом зале совещаний.

Вернувшись на праздник, Любовь никак не могла прийти в себя от быстрых смен декораций. То на неё давят, требуют крови, а теперь вновь карамельный принц спешит пригласить на танец, но жёсткий взгляд из под нахмуренных бровей и резкий манёвр главмага его Величества опять мешают осуществить задуманное.

— Позвольте пригласить, — саркастические интонации не оставляют даже минимальной надежды на нормальное общение.

Любе он категорически не нравился и казался куда опаснее Брэгдана. Тот хоть как-то оценивал её как женщину, даже король попался на крючок девичьей красоты, этот же смотрел исключительно как на опасный объект. Нет, она не стремилась завоевать всех и вся, она вообще хотела бы никогда не встречаться с этими мужчинами, но женское самолюбие обиженно возмущалось.

— Держитесь от принца подальше, — угрожающе прошептал он, вызывая толпу леденящих мурашек.

Она непроизвольно взглянула на предмет обсуждения. Тот стоял с недовольным выражением ангельского лица и выслушивал гневную тираду от отца. Похоже, он получил аналогичные инструкции. Тоскливый взгляд в её сторону подтвердил предположение.

— А после экспертизы? — поёжилась Люба.

— В зависимости от результатов, — он сильно сжал её ладонь, суставы жалобно хрустнули. — Но и тогда у меня к вам будет ряд вопросов.

От зловещего тона ей подумалось, что извращения неофициального опекуна — далеко не самое страшное, что может угрожать в этом мире. Даже череп, пугавший до икоты, немного успокоился — спасибо дяде Шевчуку — а вот чем взять этого, похожего на хищную птицу мага, она терялась в догадках. «Надо будет за ним понаблюдать», — решила самозванка, — «но держаться подальше, мало ли. И расспросить Брэга, а то цедит информацию в час по чайной ложке, а она мучается!»

Вечером, падая от усталости, девушка с блаженством растянулась на кровати и приготовилась петь Цоя. Мало ли, вдруг понравится? Но сегодня inferнальный кошмар не захотел разводиться политесы, а с ходу напал, едва она подошла к поднятой решётке ворот. Пришлось с визгом убежать, подражая Витасу в начале его песенной карьеры.

— Чёрт, я так поседею, — выругалась измождённая жертва ночных кошмаров, сидя посреди разворошенной постели. Пришлось встать, пить успокоительное, которое она выпросила у своего пленителя, а потом вновь пытаться заснуть.

Белый снег, серый лед,

На растрескавшейся земле.

Одеялом лоскутным на ней -

Город в дорожной петле.

Она шла по подъёмному мосту, ступая босыми ногами по истерзанным копытами брёвнам.

А над городом плывут облака,

Закрывая небесный свет.

А над городом — желтый дым,

Городу две тысячи лет,

Прожитых под светом Звезды

По имени Солнце...

Ветер уныло завывал, норовя сбить с ног, но девушка упрямо шла вперёд, ведь она знала, что назад дороги нет.

И две тысячи лет — война,

Война без особых причин.

Война — дело молодых,

Лекарство против морщин.

Кое-как дойдя до решётки, она устало прислонилась к стене. Охранник угрожающе поднял алебарду, недвусмысленно показывая свои агрессивные намерения.

Красная, красная кровь -

Через час уже просто земля,

Через два на ней цветы и трава,

Через три она снова жива

И согрета лучами Звезды

По имени Солнце...

Глядя в пустые провалы глаз, она набралась храбрости и шагнула внутрь. Пусть убивает. Осточертело! Сколько можно её мучить? Наяву угрожают, во сне покоя не дают. Достали!

И мы знаем, что так было всегда,

Что Судьбою больше любим,

Кто живет по законам другим

И кому умирать молодым.

Он не помнит слово «да» и слово «нет»,

Он не помнит ни чинов, ни имен.

И способен дотянуться до звезд,

Не считая, что это сон,

И упасть, опаленным Звездой

По имени Солнце...[2]

Как ни странно, но череп отступил. Полыхнул ультрафиолетом и, осыпая доспехи с призрачной субстанции, поплыл следом.

— Кто ты? — дойдя до середины мощёной серой брусчаткой площади, она резко обернулась к спутнику.

— Страж, — прошелестело в ответ.

— Чего?

— Уходи, — ответил по-своему полтергейст. Или как оно там называется.

— Не могу, — сведенные от напряжения плечи устало опустились, — у меня контракт на крови.

— Странная, другая, — раздалось очередное шипение, — не отступишься — пожалеешь!

Вновь привычный вихрь и наконец-то нормальный сон. «Фух, вот бы сразу так!»

[1] Ю.Шевчук. Группа ДДТ.

[2] В. Цой и группа «Кино». Звезда по имени Солнце.

Глава 5. Проверка

На следующий день, как назло, зарядил дождь. С самого утра сначала заморосил, а потом и вовсе разошёлся не на шутку. Свинцовые тучи полностью заслонили солнце, лучи еле пробивались сквозь толщу влаги невнятной серостью. Завитые по случаю допроса локоны, несмотря на карету и зонт, набрякли и обвисли. Пышный подол украшали влажные разводы, а оборки собрали, кажется, всю окрестную грязь, щедро делаясь ею с чулками и туфельками.

Гордо вышагивавшему рядом магу сии неприятности были неведомы, разбиваясь о высокие ботфорты и кожаный плащ.

— Могли бы и мне выделить что-то в этом роде, — бурчала Любовь, чувствуя, как холодные струйки подбираются к пяткам.

— Тебе бы пошло, — окинул задумчивым взглядом стройную фигурку, — только под плащ надеть одни чулки с корсетом.

— Фу, — скривилась девушка, передёргиваясь от сырости и вспомнившейся картинке из мужского журнала, что она случайно нашла в столе главного бухгалтера, когда в срочном порядке искала печать предприятия. Причём главбух была женщиной...

Наконец, они добрались до дворца, где их уже встречал вчерашний главмаг, которого она про себя называла вороном. С вариацией эпитетов, разумеется. Сегодня он удостоился прозвища ворон-зализняк, поскольку то ли переборщил с гелем для укладки, то ли забыл помыть голову. Брэгдан по сравнению с ним выглядел куда ухоженнее: белоснежная грива пышно возлежала волосок к волоску, контрастируя с блестящим от хрустальных капель чёрным плащом. У Кордована же они были небрежно перехвачены замшевой лентой, непослушная прядь вновь рассекала щёку, а сюртук он, похоже, не менял со вчерашнего вечера. Тем не менее, именно он подсушил и почистил её одежду, предварительно скривившись в презрительной гримасе.

— Теряешь квалификацию, — насмешливо бросил Брэгу, — сил теперь только на себя любимого хватает?

— Вот ещё, — чуть было не оговорился про презренных рабынь, но вовремя вспомнил об официальном статусе подопечной и поправился, — просто не успел, как ты уже вмешался.

Заминка и резкая смена интонации не прошла мимо его внимания. Впрочем, заострять не стал, зафиксировав аномалию в копилке дотошной памяти.

— Следуйте за мной, — резко развернулся и, чеканя шаг, двинулся вверх по мраморной лестнице.

Синий с золотистым орнаментом по канту ковер приглушал шаги. Седовласый, памятуя о легенде, подал руку не обольщавшейся на сей счёт девушке. Она прекрасно понимала, что, если бы не свидетели, ей не только бы не помогли, напротив, ещё бы и попинали. Причём, неизвестно, от кого прилетело бы больнее. Тем не менее, она воспользовалась ситуацией, благо, на руках имелись перчатки, а в голове масло. Последнее, правда, скоро придётся менять, ибо шестерёнки в этом мире работали буквально на износ, как в информационном, так и эмоциональном планах. И Бог бы с ней, с учёбой, порой было даже интересно, за исключением танцев и хитросплетений придворного этикета, но круглосуточный напряг давал о себе знать.

В малом зале совещаний можно было устраивать чемпионат мира по хоккею: настолько просторно и холодно. Пол искрился от света магических кристаллов, как первоклассный каток, не отставая и в скользящих функциях. Её поставили в центр полукруга, напротив почтенной комиссии высших магов государства, даже не предложив присесть. Сами же вольготно устроились в мягких креслах, в том числе тиран — опекун, и лишь секретарь недовольно ёрзал на жёстком стуле, не отличавшимся особым удобством. Помимо бумаг на его столе возвышался колоритный агрегат с несколькими колбами, кристаллами и прочей магической ерундистикой, в которой она абсолютно не разбиралась.

— Начинается внеочередное заседание комитета магии королевства Кординия, — монотонно забубнил секретарь, повергая в уныние даже отъявленных оптимистов, что уж говорить про Любовь. — Председатель герцог Кордаван Дагонский. Особый гость — его Величество Базальд Варокский, повелитель Кординии. Приглашённый эксперт — граф Герардус Москополикус, член совета Независимой Семёрки, любезно предоставившей эталонный образец. Секретарь — Вернон Тыглинский.

Пока тот нудно перечислял поимённо и потитульно всех участников, ноги стали ощутимо затекать, ибо она боялась даже шевельнуться — вдруг это расценят, как попытку к диверсии? Но недолго мучилась старушка в гвардейских опытных руках, коротко и быстро изложив суть собрания, Корд уже протягивал ей всё тот же до безобразия острый нож, которым пытался обескровить накануне.

— Протестую, — тем же ленивым тоном, что и вчера остановил Брэгдан. Издевался, и даже не скрывал этого. — Требую использования специальных стерильных инструментов для чистоты эксперимента.

И протянул коробку со скальпелем, тем самым, коим когда-то срезал кожу для возвращения невинности. Любу чуть не вывернуло на бесценный мрамор (хотя, что ему, камню, сделается?), она пугливо шарахнулась прочь. Первый вариант теперь не казался столь ужасным.

Зализняк с любопытством наблюдал за позеленевшим лицом девушки, пара магов сочувствовала, прочим не было никакого дела до фобий неизвестной девчонки. Король с интересом переводил взгляд от одного к другому, украдкой подмигнув Корду.

— Не бойся, деточка, — якобы добрым голосом успокаивал свою подопечную Брэг, — рядом со мной тебе ничего не грозит. — Он проворно пододвинулся вплотную к жертве и протянул руку. — Я просто сделаю аккуратный надрез, а потом залечу.

Зачем он устроил это представление — Люба никак не могла понять. Самоутвердиться за счёт её страха? Показать всем, что она нервная дурочка? Заодно покрасоваться, какой он заботливый опекун? Кто его знает! Судя по выражению чёрных глаз, был ещё четвёртый вариант, но сформулировать его ей попросту не хватило моральных сил. Собрав остатки воли в кулак, она подала кисть и еле сдержалась от вскрика — настолько мерзким был звук разрезаемой кожи. После пришла боль: острая, жгучая. И тут же белоснежная ткань из того же якобы стерильного наборчика, украшенная теперь алыми разводами кровавого батика. Ручная покраска — во всех смыслах этого слова!

— Стоп! — рывкнул Корд, вынимая из кармана носовой платок. — Дублирующий образец. — И протянул его девушке.

Та затравленно взглянула на оперативно залеченную рану, уже чистый скальпель (быстро работает товарищ заговорщик!) и от мысли о новом кровопускании красиво упала в обморок. Даже притворяться не пришлось — ей действительно стало дурно.

— Так даже лучше, — ничуть не смутившись, ворон подхватил сомлевшее тело и, пока давний соперник освобождал руки, потянулся к поясу за кинжалом.

— Не смей! — Брэг схватил Любаню, пардон, Грэзиэну за многострадальную руку и дёрнул на себя. Крепко удерживаемая за талию, она согнулась пополам и стала похожа на тряпичную куклу, которую яростно делили дети. Никто не хотел уступать, игра в перетягивание девчатины затянулась.

— Успокойтесь! — гроыхнуло от Москополикуса. — Ведёте себя, как безумные юнцы! Отпустите девушку и продолжим.

Пристроив болезную в одном из свободных кресел, Корд принялся яростно доказывать необходимость контрольного забора материала. Во избежание. Брэг не уступал ни на йоту, апеллируя к чувствительности женской натуры и обязанностям опекуна, пусть и не официального.

— Что-то раньше ты не отличался особой щепетильностью к таким вещам, — с сомнением хмыкнул Герардус, — резал подопытных и не морщился.

— Так те не были королевских кровей, — сомнительный аргумент, но какой есть. Не говорить же о симпатии — этому и вовсе никто не поверит, ещё и боком может выйти.

— Допустим, — снизил тон ворон, — но сейчас она без сознания. Быстро надрежем и залечим, она даже знать об этом не будет.

— В этом нет необходимости, — раздался голос откуда-то справа, — можно обойтись обычным волосом.

Один из совета магов подошёл к спорщикам и аккуратно снял с плеча светлый волос.

— Что-то он коротковат для неё, — с сомнением прищурился главмаг, — да и эталона по нему нет.

— Обижаете, молодой человек, — гордо распрямил плечи один из Семи, — я взял все образцы, как вы сами выразились, для чистоты эксперимента.

— Ладно, — хмуро бросил Корд и шагнул к столу. Девушка его больше не интересовала, только результаты.

Увлечённые процессом генетического анализа, маги и думать забыли о подопытной, и лишь старый король алчно взирал на полупрозрачную кожу, на аппетитную округлость груди, выглянувшей чуть больше положенного из-за неудобной позы, на жемчужный шёлк волос и страшно завидовал сыну. В какой-то миг он захотел, чтобы эта девица действительно оказалась самозванкой, тогда он смог бы натешиться с ней всласть, прежде чем отправить на плаху. Или не отправлять — смотря как стараться будет. Не выдержав, пересел на соседнее кресло и провёл по пальцем по длинной нежной шее. Вена еле пульсировала, свидетельствуя о глубоком сне. Тогда он решился продолжить волнительное исследование, пока есть такая возможность.

Естественно, монаршее внимание не укрылось ни от первого герцога, ни от второго. Опекун даже довольно хмыкнул, мысленно прикидывая варианты открывшихся перспектив. В принципе, короля он устранять не собирался, дожидаясь его естественной кончины, только лишит законного наследника, но раз карты ложатся таким любопытным способом, почему бы не ускорить события? Ворон лишь хмурил брови и поджимал и без того тонкие губы. Украдкой даже кулак показал, на что огрёб такой взгляд, от которого простые смертные готовы были сами во всём покаяться, даже в том, чего не совершали. Маг же нахмурился ещё больше и слегка умерил тому прыть, временно снизив выработку тестостерона (а попросту охладил яичники). Не сказать, чтобы Базальд был в восторге, но гневаться не спешил, напротив, слегка поостыв, он одобрил успокоительный результат. Насчёт методов предстоял приватный разговор.

Наконец, результаты были готовы, показав восьмидесяти пяти процентное совпадение по крови

и сто процентное по волосу. Эмоции по этому поводу зашкаливали, никто не остался равнодушен. Под сей массовый галдёж Любовь и очнулась. Никто не обращал на неё внимания, жарко споря по поводу реагентов и катализаторов. Король уже отошёл, как от притяжения, так и от кресла.

— Не может такого быть, что в крови меньший процент, чем в волосе! Надо кости проверить — так вернее всего! — горячился Корд. — У вас ведь есть образец? — это Москополикусу.

— И что вы предлагаете — сломать палец? — холодно резонировал Брэг. — Или сразу сделать лоботомию?

— Ничего удивительного, — отвечивал Герардус, — значит, костная система взята у отца. Жаль, от матери образцов не осталось — её сожгли повстанцы, заживо.

Мучительный стон заставил всех обернуться. Вообще, Люба не была кисейной барышней: никогда раньше не падала в обморок, стойчески переносила удары судьбы и порой казалась себе этаким Шварцнеггером, особенно когда дело касалась какой-либо угрозы её дочери. Но сейчас, представив излагаемую картину воочию, она поняла, что вовсе не железная, и тем более, не Арни. Хищные взгляды патологоанатомов-любителей прибавили адреналину. Она подскочила, запуталась в бесчисленных юбках, упала, ссадив ладошки, правда, не до крови, о чём, несомненно, пожалел зализняк, подняла блестящие от ярости и непролитых слёз глаза и зарычала. Высоко, но достаточно угрожающе, даже зубы выщерила.

— Ну-ну, успокойся, дорогая, — протиснулся белобрысый маг, всем своим видом показывая благородную тревогу, — никто тебя не тронет.

Естественно, она не обратила ни малейшего внимания ни на слова, ни на интонацию, ибо прекрасно знала, что это временная игра на публику. Ещё неизвестно, что он с ней сделает после.

— Какая любопытная реакция, — приглашённый маг присел на корточки, а после и вовсе встал на четвереньки, так сказать сравнялся в позициях. — Тебе нечего бояться, больше тебя никто не тронет.

Наивный! Не тронут её разве что в гробу, хотя с этими колдунами ни в чём нельзя быть уверенной. Девушка истерически рассмеялась. Резко, отчаянно, надрывно. Выплёскивая наружу весь свой страх и нервозность.

У герцога Брионкого так и чесались руки влить ей оздоровительную пощёчину, у герцога Дагонского тоже. Остальным было лишь в разной степени любопытно. Хотя, ворон был рад, что получилось увидеть столь откровенную реакцию. Он и без того знал, что верить старому пройдохе Брэгу — всё равно что принять кобру за безобидного ужа, но одно дело подозревать, а другое видеть собственными глазами.

Положение спас один из тех магов, что изначально отнесли к ней с некоторой долей сочувствия. Он с тем же сострадательным взглядом протянул ей бокал с водой и поддержал, когда тот чуть не выпал из трясущихся рук. Через пять минут девушка глубоко спала, тяжело привалившись к коварной руке помощи. Брэгдан, с одной стороны ужасно злой из-за финальной части спектакля, с другой довольный конечным результатом, подхватил её на руки и унёс в карету.

* * *

Очнулась Любовь утром, бодрая, впервые нормально выспавшись в этом мире. Череп не приходил, другие сны тоже. То ли пожалел бедняжку, то ли вовсе отстал, а, может, дело было в сонном зелье, подлитом сострадальцем. Неважно, главное — она полна сил и почти не боится своего нанимателя. Девушка лежала и никак не могла понять, что изменилось. Наконец, до неё дошло, что со стены за ней наблюдает херувим-переросток, приукрашенный художником далеко не в лучшую для мужчины сторону. Губы, чересчур яркие, глаза подкрашены, локоны художественно завиты. Была бы борода — вылитая Кончита Вурст в блондинистом варианте. В том смысле, что на мужика похож лишь наличием кадыка. Если тогда, когда она не видела оригинал, Люба вообще сомневалась в эффективности соблазнения, то сейчас ей стало немного обидно за принца. Да, он не отличался особой мужественностью и сильным характером, но и не был столь карикатурен, как его изображали. Скорее, Миральда можно было назвать мечтательным поэтом/музыкантом/художником (нужное подчеркнуть), но никак не рождённым под голубой луной. Впрочем, до роли сильного государя он в любом ракурсе не дотягивал.

— Ждара! — позвала она компаньонку.

Та, как будто ждала за дверью, мигом появилась пред небесными очами.

— Привет, засоня, — она присела на краешек кровати и взяла её за руку. — Давай посмотрю.

Сканирование заняло около десяти минут, спустя которые магиня удовлетворённо кивнула.

— Жить буду? — иронично поинтересовалась пленница.

— А куда ты денешься? — в том же тоне ответила шатенка. — Тебе даже пошло на пользу вынужденное снотворное, причём во всех смыслах. Во-первых, восстановилась, во-вторых, избежала вчерашнего отката.

— Что, сильно свирепствовал? — Люба зябко подтянула одеяло.

— Не сказать, чтобы очень, но, возможно, лишь из-за того, что всё в итоге закончилось, как надо ему. Хотя, я слышала, пара служанок слегли на больничный.

— Вот гад! — блондинка забыла, что боится и воинственно подскочила. — Все они..., - дыхание сбилось от неприятных воспоминаний, сглотнув, она продолжила, — ты бы видела, как ворон пытался добраться до моей крови!

— Я в курсе, — женщина убрала руку и строго посмотрела на подопечную, — и ты всё правильно сделала, когда упала в обморок. Только скажи: на кой ляд ты решила поиграть под конец в собачку?

— Посмотрела бы я на тебя, когда кто-нибудь взалкал твоих костей для достоверности анализа! Ему, видите ли, крови с волосом мало показалось! Кстати, об этом...

— Тише, — перебила женщина, — горничная пришла и греет уши за дверью. Позови её и отправь за завтраком.

Люба только набрала воздуха, как её рот запечатали ладошкой.

— Колокольчиком, — сквозь зубы прошипела компаньонка, — ты ведь не знаешь, где она.

Матюгнувшись про себя, попаданка дёрнула за сонетку, мелодичный перезвон донёсся из

соседней комнатки.

— Госпожа, — влетела якобы запыхавшаяся Розетта, — наконец-то вы проснулись!

— Да, — томно выдала Люба, слегка переигрывая, — принеси мне завтрак.

— Слушаюсь! — она неохотно удалилась, постояла немного около двери, ничего не услышала и пошла на кухню.

— То, что в платке содержалась обесцвеченная кровь покойного короля Меравии, ты и без меня знаешь, — дождавшись ухода любопытной прислуги, вновь заговорила Ждара, — а волос, кстати, очень похожий на твой, был запасным вариантом. На случай особой подозрительности.

— Вот это ловкость рук! — вспомнила Любаня толчею из магов, — и когда только успел? И вообще, откуда у него столько компонентов давно почившего мужика?

— Ты ведь понимаешь, что за этим заговором стоит немало людей, — многозначительная пауза, — везде..., в том числе в совете магов. Вы вчера были не одни, кто хочет перемены власти.

— То есть если я проколюсь, желающих отыграться будет куда больше, чем один Брэгдан? — она не стала уточнять, что политика её волнует меньше всего.

— Умная девочка, — похлопала по плечу чародейка, — но ты не бойся, никто от тебя больших достижений и не ждёт. — Успокоила, ничего не скажешь! — Ты, главное, держись. В крайнем случае, я дам тебе яду, чтоб не мучилась.

Несмотря на жестокость последних слов, иномирянка понимала, что это действительно не самый худший вариант при плохом исходе. Но, чёрт возьми, как же хочется жить! Вернуться к маме и дочке, послать всех мужиков по лем, лесом и прочей пересечённой местностью и просто ЖИТЬ!

Как ни странно, но репрессий со стороны седовласого не последовало. Он даже не соизволил проведать самочувствие подопечной, ограничившись письмом с инструкцией по поводу следующего выхода в свет.

Трёхдневная пауза, даденная новоявленной принцессе перевести дух, закончилась быстрее, чем ей того хотелось. Настала черед светских визитов, начиная с завтраков (ага, в одиннадцать часов дня!), пикников и прочей великосветской и, несомненно, высококультурной объедаловки, заканчивая вечерними балами у именитых семейств. Сезон охоты открылся! Трепещите, женишки, вы обмеряны, обсчитаны и оценены. В этой битве вам не видать пощады. Только свадьба, только хардкор!

Естественно, количество приглашений и свободного времени были несоизмеримы. Как же, такой лакомый кусок сплетен — чудом уцелевшая принцесса. Ну и что, что из соседнего королевства, тем паче, неженатый принц имеется, вроде как даже жених, хотя вопрос спорный, всё-таки восемь лет скитаний, вдруг она уже не соответствует высокому статусу? В общем, все стремились совместить приятное с полезным: поглазеть на страдальцу, узнать интимные подробности из первых уст и заручиться благосклонностью будущей королевы. В крайнем случае, если всё выйдет иначе, можно потом с упоением вещать, будто с первого мгновения разглядели гнильцу порочной претендентки.

Брэгдан, тщательно проанализировав приглашения, составил список выездов. В первую

очередь шли семьи вельмож, обласканных монаршим вниманием, ни о каких «обделённых», тем более оппозиционерах не шло и речи. С последними происходили лишь тайные встречи, на которых Любовь, разумеется, не присутствовала. Самым сложным было завести знакомство, не говоря уже о том, чтобы заручиться поддержкой, с приближёнными к королевской семье. Ради этого приходилось разыгрывать целые тактические спектакли: узнавать связи, дабы «случайно» наткнуться у модистки или, заблудившись на пикнике, выйти к забору и попросить соседского садовника о помощи. Тот, в свою очередь, спрашивал высочайшего позволения у прогуливающейся невдалеке двоюродной тётки его Высочества. В результате открывалась запёртая для большинства калитка, предлагался чай, завязывалось полезное знакомство.

— Дочка, — проникшись пусть не глубокой, но достаточной для выдачи советов симпатией, леди Друзелла снисходительно смотрела на девушку, — впредь не вздумай никуда ходить без своей компаньонки. Мало ли, кто мог тебе встретиться.

— Хорошо, — смиренно потупила глазки Грэзи, тактично умолчав, что вышеупомянутая преданно караулила её за ближайшими от калитки кустами.

— И вообще, сменить бы тебе опекуна, — она задумчиво теребила перстни на иссохшей руке, — и место жительства. Грэндж, конечно, неплохой район, но Шариган куда престижнее.

— Простите, — Люба как могла, лавировала между необходимостью подружиться и строгими рамками инструкций, — но с моей стороны было бы чёрной неблагодарностью сделать нечто подобное. К тому же, лорд обеспечивает мне защиту и оплачивает все расходы.

— Старый лис явно что-то задумал, — несмотря на прозвище, сама мадам выглядела куда старше обсуждаемого, — так где, говоришь, он тебя нашёл?

— Его управляющий пригласил меня в замок для обсуждения будущего ковра, — она якобы стыдливо спрятала натруженные руки.

— Ну-ну, дочка, — проворковала женщина, отметив и мимику и жест, — можно считать это рукоделием. В конце концов, сама королева не гнушалась работы в саду, чем ты хуже? — От её острого взгляда не укрылся облегчённый вздох, говоривший о непосредственности юной особы, что, безусловно, подкупало. — Приходи ко мне через три дня, вот моя карточка, я что-нибудь придумаю.

* * *

Главный маг его королевского Величества Кордаван Дагонский сидел за столом, заваленным кипой бумаг и третий час выслушивал доклады разведчиков. Перед ним лежало личное дело некой Грэзиэны Дарийской, взбаламутившей высший свет Кординии в целом и магическое сообщество в частности. Чёрно-белый портрет несносной девицы не передавал и десятой доли её индивидуальности. Что толку от тщательной прорисовки разреза глаз, если нет цвета, на который обращаешь внимание в первую очередь? Или волосы, жемчужные переливы которых не оставляют равнодушным. Вон, даже короля проняло, а он ходок бывалый, до сих пор держит пять любовниц, причём полноценно.

— Повесила портрет его Высочества напротив кровати и безмерно скучает, — продолжала доклад полная женщина, проработавшая от горничной до кухарки практически в половине домов высшего света, — и вообще неплохая девушка, простая, не высокомерная, только замученная.

— Кем? — зацепился за интересную информацию маг.

— Вами, — смешинка мелькнула во взгляде и пропала, оставив место почтительности. Но это не значит, что ушла насовсем, просто затаилась.

— Ну да, ну да, — ехидно пробормотал брюнет, зная не понаслышке, как может мотать нервы бывший однокурсник и сосед по общежитию. А уж как тот «любит» женщин... этого он никогда не понимал, даже когда приятельствовал. Ну, не веришь ты им — не связывайся! Как у него. Только по работе: проследить, обслужить, удовлетворить.

— Три дня после совета отлёживалась! Горничная говорит, что даже ела в постели.

— Надо же какая неженка, такие долго не живут, — едко усмехнулся Корд, — их съедают с потрохами.

— Тоже верно, — кивнула умудрённая опытом женщина и подала подробный список выездов наблюдаемой.

— Свободна.

Судя по перечню мероприятий, что она умудрилась посетить за какие-то две недели, принцесса оказалась двужильной. И отличилась в исключительно политкорректных знакомствах, ни одного промаха, что весьма удивительно для новенькой. А если учитывать приятельский круг Брэгдана, проигнорированный его подопечной, вырисовывается прелюбопытнейшая картина. «Кстати, о художествах», — он бросил взгляд на миниатюру и скривился, — «надо будет сменить портретиста».

Осторожный стук в дверь прервал размышления.

— Входите.

— Разрешите отчитаться, — зашёл старший отдела внутренней разведки.

— Присаживайся, — он захлопнул папку и откинулся на спинку стула.

— Меравийские шпионы активизировались. Интересуются спасшейся принцессой.

— И почему я не удивлён? — хмыкнул Корд.

— Назначено вознаграждение за поимку: сто тысяч за живую, пятьдесят за мёртвую.

— Вот и посмотрим, чего он сейчас стоит, — азартно потёр руки маг, — а ты добавь соглядатаям дополнительные полномочия: в случае нападения на объект, по возможности отбить. Только без лишнего геройства, не хочу терять людей из-за какой-то пигалицы, будь она хоть трижды принцессой.

И вновь открыл папку с досье, нервно вглядываясь в лицо. «А, может, ну её, пусть ликвидируют? Свалилась тут, как снег на голову, все планы сбивает!»

* * *

Узнав о том, что Люба умудрилась навести контакт с самой Друзэллой Гарложской, Брэгдан впервые нормально улыбнулся. Пусть, это было больше похоже на нервное растягивание губ, но прогресс налицо, точнее, на лице.

— Заслужила, — он протянул ей небольшой конверт из плотной коричневой бумаги.

— Что это? — девушка не решалась вскрыть подарок, чувствуя подвох.

— Мотиватор.

Она развернула подозрительный дар и чуть слышно охнула. Внутри лежала фотокарточка её дочурки. Снимок был сделан пару лет назад, вот только распечатала она его перед тем, как попасть в переделку: ясные глаза, румяные щёчки и пушистые снежинки на длинных ресничках. Сердце защемило от жуткой тоски, она затравленно взглянула на белобрысого мучителя.

— Награда за хорошую работу, — пояснил уже начавшей паниковать Любе, — ну и напоминание о ставках.

— Где вы его взяли? — она разрывалась между двумя противоположными желаниями. С одной стороны, она хотела уничтожить фото, чтобы ни одна душа не прознала о её слабости, с другой поместить в рамку и поставить на тумбочку около кровати и смотреть, смотреть.

— В твоей сумке, — естественно, все вещи он с интересом исследовал, особенно содержимое ярко оранжевого конверта.

Любу так и подмывало спросить, где всё остальное, но она не решалась. Тем более, что телефон давно почил от голода, а остальное сейчас не имело особого значения. Единственное, что ей было интересно, почему маг не стал ничего спрашивать об устройстве сотового, пока тот был ещё жив. Наверняка ведь разглядывал. Откуда ей было знать, что тот не выдержал энергетических перегрузок портала и лежал абсолютно бесполезным кирпичом.

— Всё, сопли закончились, — вновь вернулся к своему злодейскому амплуа, — теперь о предстоящей королевской охоте. Насколько я понимаю, на лошади ты ездить не умеешь?

— Где уж мне, убогой, — пробормотала девушка, в глубине души предвкушая его удивление.

Нет, она не занималась профессиональной выездкой, не участвовала в соревнованиях, но пока был жив дед, лихо куролесила с соседским Витькой Незавитиным, гоняя кур и недовольно шипящих гусей. Она даже пару раз ездила пасти деревенское стадо с дядькой, правда, не на целый день. А уж как она виртуозно материлась на тупых овец..., в детстве малышка думала, что это такой особый язык для скотины, на котором пастухи с ними разговаривают. То-то было у мамы удивление, когда будучи трёхлетним дитятей, та обложила бабину корову незабвенным трёхэтажным. До сих пор вся родня поминает раннее развитие.

— Поэтому поедешь в карете и останешься с престарелыми сплетницами, заодно с тётушкой поближе пообщаешься, — спорить с ним не имело смысла, впрочем, нет, так нет, будет козырь в загашнике.

— Кстати, о ней, — она вынула из ридикюля золотистую карточку, — что с вопросом о смене опекунства? Как мне увильнуть от сего мероприятия?

— Скажи, что я связан давней клятвой с твоим отцом и не имею права от неё отступить, — он мастерски соорудил свой фирменный надменный покер-фейс, — но ты весьма сожалеешь, ведь с такой приятной во всех отношениях дамой куда интереснее, чем с сухарём, навряд ли меня. Да, не забывай подчёркивать, что мы видимся очень редко, и никакого интереса, кроме исполнения дружеского долга, я к тебе не проявляю.

Как и предсказывал Брэгдан, смягчённый вариант отказа действительно благоприятно воспринялся старой леди. Вот что значит правильно подобранное обрамление! Конечно, властная женщина настоятельно рекомендовала сообщать о малейших проблемах, связанных с хитрым лисом, а ещё лучше обо всём, что волнует юное сердечко. Естественно, Люба не могла не воспользоваться столь удобной ситуацией и не проехаться по поводу любовного томления относительно ангелоподобного принца. Пусть, слегка упитанного, зато очень душевного.

Наконец, настал долгожданный день королевской охоты, на котором появлялся шанс пересечься с будущей жертвой. Насыщенно синяя с серебристой отделкой амазонка вновь бросала вызов местным модным нормам. С другой стороны, сейчас практически все уже были в курсе её происхождения и осуждали сей факт без лишнего фанатизма. Разве что главная фаворитка слегка побрызгивала ядом, но её персона оказалась куда менее интересна, чем потенциальная королева.

От обилия шума у Любы заложило уши: галдёж заядлых сплетниц, ржание лошадей, лай собак, отрывистые команды мужчин и прочая и прочая. Открытые палатки с прохладительными напитками и закусками радовали глаз, вот только подобраться к ним не представлялось возможным. Да и некогда — она поджидала удобного случая перемолвиться хотя бы парой слов с наследником. К сожалению, того обступили мужчины, а чернявый маг и вовсе неодобрительно зыркал в её сторону. Принц, как и она, пытался уловить наречённую, а когда, наконец, нашёл, больше не отрывал своего взгляда. Верхом он казался куда более привлекательным, чем в бальной зале. Не было идиотского кружевного жабо, костюм отличался тёмной гаммой и строгим покроем. Да, округлый подбородок никуда не делся, нос не стал более мужественным, а губы и вовсе покраснелись от постоянного причмокивания коню, но в целом картина уже не так отторгала. А горящий взор, полный искренней симпатии и вовсе подкупал. В какой-то момент ей стало его немного жалко: живёт человек и не подозревает, что скоро его жизнь кардинально изменится. Он ведь не виноват, что родился в королевской семье и кому-то неугоден. Мелькнула мысль: «А не помочь ли ему?» — но тут же ушла от взгляда холодных белёсых глаз и пронзительных черных очей. «Они как день и ночь», — осенило её, — «вот только кто из них чему больше соответствует?» Сравнив двух статных и чем-то неуловимо похожих мужчин, она пришла к выводу, что оба те ещё засранцы, ибо считаться с ней никак не собирались. Для одного она всего лишь инструмент, для второго досадная неожиданность, король так и вовсе взирал на неё плотоядно, тем самым распаяя злость фаворитки ещё больше, и лишь принц искренне радовался её появлению. Только вот булатности у него не хватало, даже в том, чтобы просто отодвинуть в сторону мешавших мужчин и подъехать к ней поздороваться.

Наконец, призывно затрубил рог, знаменуя начало охоты, и все, кто был верхом, ускакали в лес. На поляне осталась лишь пожилая часть придворных дам, обслуга и охрана. Леди Друзэлла Гарложская, облачённая в вишнёвую амазонку, властно позвала Грэзи к себе.

— Дитя, а ты почему не со всеми? — она строго взглянула на халтурщицу.

— Я очень давно не была в седле, — скромно потупила глазки девушка, — вы ведь и сами знаете.

— Надо срочно заняться твоим воспитанием! — графиня прищёлкнула сухими пальцами. — Негоже моему племяннику связываться с неумёхой.

Конечно, сей диалог был начат не без умысла, женщина тем самым показывала окружающим, что не только знакома с принцессой, но и в курсе её истории, а также имеет над ней

некоторую власть. Она отличалась большой дальновидностью и прекрасно видела перспективы, стоявшие за этим союзом. Особенно её печалил тот факт, что товары, поставляемые из Меравии, в последние восемь лет стали баснословно дороги, а она так любит сочные персики. Да и их новый король отличался излишним гонором, не желая считаться со старыми договорённостями.

Размеренный гул разговоров окутывал Любу со всех сторон. Кто-то обсуждал новые тенденции макияжа, кто-то хитроумный покрой модного в этом сезоне турнюра, а кто-то жуткий череп, преследующий во сне. Замерев от неожиданности, Люба резко повернулась в сторону источника любопытной информации.

— Он приходит ко мне каждую ночь и говорит одно и то же: «Найди наследное семя!» — Взволнованно вещала пышная дама с интригующей мушкой над губой, наверняка накладной. — Хоть к менталистам обращайся, но ты же знаешь, я не доверяю этой братии.

— Давай я тебе дам один адресок, человечек проверенный, лишнего болтать не будет, — успокаивала подруга, и повела её в сторону кустов.

«Надо же, этот синий гад не только мне докучает?» — поразилась попаданка, — «Надо дослушать, может, что интересное всплывёт».

Она вежливо откланялась, сообщив о срочной необходимости припудрить носик, и двинулась чуть правее интересующих её дам. Ждара вопросительно взглянула, но, получив отрицательный кивок, осталась около столика с закуской. Аккуратно, стараясь не шуршать длинной юбкой, девушка подбиралась к нужному месту, остановившись в пределах слышимости.

— ... по этому адресу поедешь, в дверь надо будет постучать вот так, — показала несложный и в то же время необычный ритм, — скажешь, что хочешь заказать торт на день рождения. Тебя спросят из чего коржи, правильный ответ — безе.

«Надо же, какой Штирлиц этот менталист», — восхитилась Люба, — «жаль, адреса не расслышала. Надо будет запомнить этих дам и по возможности подружиться». На этой волнительной мысли она почувствовала, как кто-то срывает с её шеи цепочку с защитным амулетом, одновременно закрывая рот огромной лапшей. Да какой там рот — всё пространство от подбородка до глаз! Дышать оказалось решительно нечем, любимый удар локтём в зубы не получился по той простой причине, что руки уже оперативно связывал помощник, появившийся перед ней, как чёрт из табакерки. Конечно, у девушки оставались ещё ноги, коими она незамедлительно воспользовалась, от всей души реализовав типовую комбинацию колено-пах (как любил говаривать её тренер по самообороне). Вот только юбки существенно замедляли движение, мужик оказался весьма проворным, отчего удар пришёлся в бедро. Противник только хмыкнул, заменяя руку напарника кляпом, а после и вовсе надел на голову мешок. Пока она мычала по поводу верхней части, тот, что сзади скоренько обездвижил нижние конечности и смачно шлёпнул по возмущённо вертевшемуся заду. Люба замерла, со злостью осознавая, что возмутительно беспомощна, как ей добавили еще один повод испугаться, закинув на плечо, словно куль с мукой. Страх, до этого тщательно маскировавшийся за первичными рефлексам, исподволь обволакивал мятущееся сознание. «Как же так? Неужели её тупо прирежут под кустом в Богом забытом мире? Хотя нет, собирались бы убить — не мучились бы с похищением». Мятущиеся мысли, рисовавшие вариации одну страшнее другой, здорово мешали, впрочем, как и отсутствие обзора и свежего воздуха. Кишечник, казалось, расплющился о мощное плечо похитителя и норовил заползти за позвоночник. Кровь прилиwała к голове, добавляя звона в уходящее сознание.

Внезапно её куда-то подкинули, отчего внутренности совершили кульбит, а потом вновь размазались, теперь придавленные о конский круп. Вскочивший следом похититель больно стукнул коленом по плечу. Но всё это оказалось сущей мелочью по сравнению с тем, что она испытала, когда всадник тронулся с местом. Помнится когда-то, в сопливой юности она читала любовный роман, где рыжеволосую девицу похитил рыцарь и как та в процессе аналогичной транспортировки восхищалась мускулатурой ног, лошадиным аллюром и прочими достопримечательностями..., а потом он ей прямо на коне и овладел. В общем, бред это сивой кобылы, а не романтизм! В какой-то момент Люба попросту вырубилась, не вынеся кислородного голодания и прочих издевательств.

* * *

Охота шла своим чередом: егеря отследили добычу, потом выпустили собак, и только после этого досточтимое дворянство двинулось следом. Корд, искоса поглядывая на бывшего однокурсника, удивлялся отсутствию его подопечной. Такой хороший шанс упускают — невзначай подобраться поближе к наследнику. Мало ли что может произойти во время загона? Но та совершенно точно осталась на поляне, она даже приехала на карете, хоть и вырядилась в амазонку. Странная девица. И появилась не вовремя, король только-только договорился о смотринах Барвондской принцессы, весьма выгодном политическом союзнике, кстати.

Размышления прервал ментальный зов старшего помощника, оставленного присматривать за престарелыми курами.

— *Что случилось?* — он поморщился, ожидая что-то вроде донесения о потере бриллиантового кольца, фамильной реликвии или что-то в этом духе, за каким-то гмыром надетое на охоту. Женщины вообще редко отличаются благоразумием.

— *Принцесса пропала,* — Грид очень волновался, это чувствовалось в сильных колебаниях мозговых волн, — её компаньонка устроила форменную истерику.

— *Сейчас буду,* — развернул коня, не забыв передать полномочия второму помощнику, поскакал назад. — *Что там со следами?*

— *Только физические, магию не использовали. И это, прихватите пару собак — нужны ищейки.*

Сплюнув, маг громко переливчато свистнул, отзывая с охоты своих личных догов. Те, хоть и были далеко, да ещё и в пылу азарта погони, мгновенно развернулись и поспешили на зов.

— *Куда ведут?* — он гнал во весь опор, склоняя проблемную девицу на разные лады, сплошь неприличные. Мраморные спины четвероногих ищейек мелькали со всех сторон.

— *Обрываются у реки, похоже, дальше они шли по воде.*

— *Прочесать все берега, сам оставайся пока на месте, я уже на подходе.*

Все дамы дружно ахнули, прижав к груди кто платочек, кто ридикюль, а кто и вовсе надкушенное пирожное — так прекрасен в своей стремительности был герцог Дагонский.словно смерч, он ворвался на поляну, на ходу спрыгивая со смоляного коня. Волосы цвета воронова крыла взметнулись над головой, еле поспевая за резвым хозяином. Даже горевшие яростью глаза не помешали окружающим леди восхищаться статью и темпераментом королевского мага. Жаль, что он так холоден в будуарном плане...

— Грид! — зычный зов пронёсся по округе.

— Я здесь, ваша Светлость! — отклик из кустов.

Не обращая внимание на томные вздохи, он двинулся к месту похищения. Чёрно-белые гончие нетерпеливо нарезали круги вокруг хозяина.

— Это мы нашли в траве неподалёку, — протянул амулет на оборванной цепочке рыжеволосый мужчина, размахом плеч могущий посоперничать с трёхдверным шкафом.

— Хм, — покрутил находку маг, — работа Брэга. М-да, на подопечной он не халтурит — недурственный артефакт. Жаль, не помог.

— Здесь, судя по следам, девушку связали и дальше понесли на руках, — рыжик ткнул пальцем в более глубокие, чем у сообщника отпечатки.

— С чего ты взял, что она не пошла с ними добровольно? — ну, не мог он не подпустить шпильку, уж больно она его бесила.

— Вот здесь всё вытоптано, а тут валялся небольшой обрывок платья, — он протянул кусок грязного кружева с подола нижней юбки.

— След, — Корд сунул находку под нос одному из псов. Остальные настроились на похитителей.

Взяв коней под уздцы, мужчины последовали за ними. Метрах в трёхстах нашлось место, где неизвестных ждали лошади и ещё один напарник. Собаки обеспокоенно закрутились по поляне, поскуливая и махая хвостами. Тот, который отвечал за девушку, жадно обнюхивал парочку выпавших волос.

— Любопытно, — маг разглядывал добычу, жалея, что Герардус Москополикус уже покинул столицу, прихватив с собой эталонные образцы. Было бы неплохо провести дополнительные опыты, только крови ещё добыть. На всякий случай, он аккуратно завернул их в носовой платок и припрятал во внутренний карман охотничьей куртки.

Наконец, они двинулись дальше, торопливо следуя за ищейками. На берегу реки их ждал один из охранников. Короткие кивки в качестве приветствия — на большее нет времени — и быстрый разбор поисков. Вся сложность заключалась в том, что Сиенна не была полноценной рекой, так, довольно мелкой речкой, самое глубокое место которой доходило коню до брюха. То есть похитители могли поехать куда угодно, без оглядки на брод или мост. Собак пришлось разделить. Наказав парочке псов слушаться Грида, благо, они не раз и не два работали вместе, Корд отправился на противоположный берег, копчиком чуя, что без подставы не обошлось.

* * *

Очнулась Люба поздним вечером от того, что ей резко сдёрнули мешок с головы. Во рту стояла невыносимая сухость, глаза больно резанул луч магического фонарика, или как он тут называется. Всё тело ломило, будто её долго пинали тяжёлыми ботинками, особенно мерзко чувствовали себя отбитые рёбра. Кое-как проморгавшись, она узрела лик своего спасителя... «М-да, лучше бы не видела!» Всё то же мрачное выражение, растрёпанные чёрные волосы и бездонные, как извечная тьма, глаза.

— Поднимайся, — коротко бросил главмаг, точными и быстрыми движениями разрезав путы.

Девушка испуганно вздрогнула, когда холодное лезвие клинка надрезало её кожу. Будто бы вскользь прошло, но кровь всё же выступила. Не обращая внимания на благородно протянутый платок (ага, плавали, знаем: кровь здесь нельзя давать никому, даже в микроскопических дозах!), она вытащила омерзительный кляп и сунула повреждённый участок в рот. Кровь остановилась, но пить от неё захотелось ещё больше.

— Воды, — с трудом прохрипела пересохшим горлом.

Нехотя он медленно подал фляжку, недовольно взирая из-за неудавшегося манёвра. Впрочем, ей было абсолютно параллельно на его мнение, ибо оно и без того не отличалось особой теплотой.

— Пошли, — он нетерпеливо протянул руки и, схватив за бока, рывком поднял девушку.

— А-а! — неожиданно даже для самой себя закричала Люба, почувствовав дикую боль в рёбрах. Ноги не держали, она вновь упала и ещё больше стукнулась и без того побитым телом о землю.

— Вот гмырь! — выругался Кордаван, сканируя повреждения, — зачем ты сломала рёбра?

— Ы-ы, — продолжала стонать псевдопринцесса, в очередной раз проклиная свою невезучесть.

— Ладно, сейчас помогу, — это что, сочувствие в вечно холодном голосе? — только не ной! — Фу, нет, показалось.

Он извлёк из кармана исцеляющий амулет, ибо для такой сложной операции не имел нужных навыков, всё же не лекарь. Но, как лицо государственного значения, да и просто богатый и влиятельный человек, он имел много бонусов и примочек.

Приятное тепло охватило измученное тело, стало легко-легко, как будто она парит. Ушла боль, холод и даже неприязнь к этому несносному субъекту. Тот, в свою очередь, задумчиво разглядывал её ауру, покачивая клювом. Ворон, он и есть ворон...

— Ну что, легче стало? — брюнет присел около неё на корточки.

— Да, спасибо, — девушка села, обхватив руками подтянутые к груди колени. Голова слегка кружилась, резкие черты лица Корда слегка расплывались, казались мягче. Его глаза перестали, наконец, излучать ярость и гнев, теперь они спокойно изучали её потрёпанный лик, на миг в них как будто мелькнула искра сочувствия. Жаль, ненадолго.

— За тобой теперь должок, — как ни в чём не бывало, продолжил мужчина.

«М-да, недолго музыка играла, недолго фраер танцевал».

— Позвольте поинтересоваться, чего вы желаете за вашу помощь? — она не смогла сдержать рвущееся наружу ехидство, пусть оно и слегка портило образ трепетной невинной девы.

— Не так уж много, рана была не смертельная, — он внимательно наблюдал, как трещала внешняя оболочка, приоткрывая настоящее нутро девушки — поэтому с вас простое молчание.

— А поточнее, — дотошность — наше всё! Пообещаешь, не глядя, и слова потом вымолвить не сможешь.

— Никому о ваших переломах, — он с удовольствием впитывал её удивление, абсолютно не собираясь объяснять мотивы своего требования.

— Странная просьба, — растерянно пробормотала Люба, лихорадочно анализируя причины и возможные последствия нарушения. — Кому могут быть интересны мои повреждения, кроме опекуна? — да и он, скорее, порадуетса, садюга молодящаяся, более того, захочет воспользоваться ситуацией... точно! — Это чтобы я на жалость не давила, да?

— Угадала, — с одной стороны, он слегка досадовал, что его так быстро раскусили, с другой — был рад увидеть её реальный облик, без наносного этикета и прочих ухищрений. Грязный, растрёпанный вид сбивал с неё лоск и в то же время как никогда оттенял нежный овал лица, хрупкую фигурку и упрямо поджатые губки. Взгляд, полный мыслительного процесса выдавал с головой — нет, она определённо не наивная дурочка, каковой её пытался представить Брэгдан. А, значит, вдвойне опасна, и её ни в коем случае нельзя подпускать к принцу!

— Ладно, тогда с вас ещё пара глотков воды, — нехотя согласилась засланка.

— Что здесь происходит? — неожиданно прогремел властный голос самого короля.

Рядом с ним стоял сын, охрана, и даже Брэг со Ждарой.

«Явились, не запылились, когда всё уже закончилось!» — со злостью подумала Любовь.

Компаньонка с слегка истеричным вскриком кинулась к подопечной, опекун состроил гримасу озабоченности, а принц растерянно озирался, всё никак не решаясь приблизиться к невесте.

— Принцессу Грэзиэну пытались похитить какие-то меравийцы, — коротко доложил главмаг, — полный доклад после того, как выйдем на заказчика.

— По-моему, и так понятно, кому больше всего невыгодна её жизнь, — пафосно изрёк Базальд, — новому...

— Прошу прощения, Ваше Величество, но пока это не подтверждено, — настаивал на своём Кордаван, не дав договорить до конца. Мало ли.

— В любом случае, девушка в серьёзной опасности, и я, как порядочный монарх, не могу пройти мимо такой вопиющей наглости! Итак, леди Дарийская, присваиваю вам официальный статус политической беженки с соответствующим уровнем охраны и неприкосновенности. Герцог Дагонский, будьте любезны предоставить мазель Грэзиэне защитный амулет вашего фирменного изготовления.

Последний недовольно скривился, в глубине души радуясь, что теперь сможет хоть как-то контролировать девицу: мало ли, что он сочтёт нужным добавить в функционал артефакта — всё для защиты жизни и чести, так сказать...

— Пойдите, — Брэгдан никак не ожидал столь решительных действий со стороны короля, напротив, такой довесок, как амулет одного из главных противников заговора был совсем не к месту, — я и сам хороший артефактор и смогу обеспечить надёжную охрану.

— Почему тогда возникла подобная ситуация? — надменно спросил главмаг, протягивая тому порванную цепочку с несработавшим кулоном.

— Я устраню сей недостаток, — за невозмутимым фасадом холодной вежливости бурлила еле

сдерживаемая ярость, — и усилию охрану.

— Этого недостаточно, — парировал Базальд, — она будущая жена моего сына. — Миральд радостно встрепенулся на последних словах.

— Вы готовы официально подтвердить помолвку? — приподнял белёсую бровь Брэг.

— Вы же понимаете, что прошло столько лет, надо проверить на соответствие, — заюлил монарх.

— Генетический анализ уже всё подтвердил, — говорил он ровно, без нажима, давая исключительно содержанием, дабы не перегнуть палку.

— Кровь — это хорошо, но восемь лет без образования, не считая ткачества, — подхватил лавирование Кордаван, — нужно всё тщательно проверить и подогнать девушку под необходимые стандарты.

— Неужели ваши следователи ещё не разобрались с этим воистину скучным делом? В таком случае я могу предоставить свои данные. Что касается образования, я об этом уже позаботился.

— Вы проводили расследование? — недоумённо уточнил король, в глубине души считая, что анализа крови вполне достаточно, а прочее — тактические уловки.

— Конечно, старая клятва не позволяла отступить.

— Не могли бы вы её озвучить, — расфокусировав взгляд, брюнет сосредоточился на привязке между этими двумя. Да, действительно, таковая имелась, с багровыми всполохами, свидетельствуя о кровном элементе.

— Ты и без меня знаешь, что я имею право не отвечать, — ухмыльнулся белобрысый, — скажу лишь, что обязался защищать сию девицу в меру своих сил и возможностей.

Связка усилила окрас, подтверждая данный компонент. Естественно, Корд был далеко не дурак, а уж играть формулировками умел не хуже оппонента. Но ничего не попишешь, кровные клятвы действительно можно было не озвучивать, более того, не рекомендовалось без острой необходимости. Только вот терзали его смутные сомнения, ведь на связке не было написано подробностей, она вполне могла иметь несколько иную основу, например, кровный договор.

— До первого инцидента, — строго отрубил король, прекращая затянувшийся спор. Ему не нравилось, что пришлось уступить, но он прекрасно знал, что за герцогом Брионским стоит немалая сила, в том числе магическая, с которой приходится считаться. И самое неприятное, что никак не подкопаться к этому скользкому типу — со всех сторон чист, кроме специфических пристрастий, но, поскольку, осуществлял он их исключительно на простолюдинках, предъявить было нечего. — Сударыня, жду вас завтра ровно в полдень в Большом зале совещаний на официальном оглашении. Документы, заодно, подпишите.

— К-какие? — ошарашенная Люба переводила взгляд с одного на другого, на Корда она боялась смотреть вовсе.

— Прощение о защите, конечно, — ядовито ответил чёрный ворон.

Глава 6. Вокруг да около

Добрую половину ночи бедной Любани не давали спокойно поспать. Сначала белобрысый долго и со вкусом расспрашивал подробности похищения, недовольно цыкая в экстремальных моментах, потом дотошно сканировал состояние организма.

— Давай, напрягись, — раздражение вырывалось сквозь стиснутые зубы, — как именно выглядел исцеляющий амулет?

— Да не помню я, правда, — противно ныла Люба, — темно было, а он мне вдобавок фонариком в глаза светил.

— Любимый приём, — прокомментировал маг. — Ладно, пойдём с другой стороны: что у тебя болело? — и без того невеликое терпение закончилось около получаса назад, от смертоубийства его отделяла лишь тонкая грань понимания необходимости.

— Всё! — с чистой совестью выдохнула девушка. Она и сама не понимала, зачем с такой бережностью хранит их общий с вороном секрет, ведь они и без того получили официальное покровительство монарха.

— Это не ответ! Должно было быть что-то серьёзное, раз он применил к тебе высшую магию.

— Ушибы, синяки, — задумчиво принялась перечислять, ещё больше раздражая своей неторопливостью, — порезов точно не было, до крови он не добрался.

— Уже неплохо, — напряжение начало потихоньку его отпускать.

— Ребра болели, кажется, тоже ушиб, — она демонстративно зевнула, скрывая выразительную мимику.

— Что ты ему успела выболтать?

— Ничего, — усталость всё больше и больше давила на переутомлённый организм.

— Посмотри мне в глаза, — он жёстко зафиксировал её голову своими цепкими пальцами, — не спи!

Она равнодушно, даже на дрожь не оставалось сил, смотрела в белёсые, как у варёной рыбы, глаза и проклинала свою внешность, ведь именно она оказалась решающим фактором при выборе лжепринцессы.

— Странно, — он сильнее сжал подбородок, намеренно оставляя синяки, — действительно не пытался читать. Да и не смог бы, пока не выполнены условия договора, он тебя защищает.

— Какая прелесть, — буркнула Люба и отрубилась. И даже не заметила, как ей залечили нанесённые повреждения, а после пристально изучали сосредоточенное даже во сне лицо.

Утром она проснулась в своей постели от настойчивого потряхивания за плечо.

— Ждара, — узрев одним глазом компаньонку, она закрыла его обратно, — давай ещё пять минут.

— Ну, уж нет, в третий раз я не куплюсь! — со смешком ответствовала шатенка и пригрозила, — либо ты встаёшь, либо я зову Брегдана.

— Испугала ежа голой задницей, — пробурчала попаданка, после вчерашнего чувствовавшая себя чуть ли не бессмертной.

«А что, он ведь действительно не заинтересован в моей смерти, по крайней мере, преждевременной. Да куда он денется с подводной лодки?!» — осенило на свежую голову. — «Не будет же он искать другую девицу и заново представлять её в качестве очередной потеряшки. Типа, извиняйте, обознался».

— Хороший настрой! — одобрила женщина. — Только не заигрывайся, всё же он садист. А вообще он, конечно, хорошо тем типам шею намылил.

— Кому? — не поняла девушка.

— Кто нанимал тех неумёх, кому же ещё! До непосредственных исполнителей не добраться — их королевский маг всю ночь допрашивал, — глаза подозрительно сузились. — Или ты не в курсе?

Люба промолчала, переваривая слова, сопоставляя факты, пока, наконец, мрачно не выдала:

— То есть эта фигня была подстроена?

— Конечно, — та взглянула на неё, как на дурочку, — неужели ты думаешь, что защиту герцога Брионского так легко обойти? Сорвал цепочку и поволок? — Она уже неприкрыто насмеялась. — Просто потребовалось дополнительно подтвердить легенду и повысить твою ценность, а то думают они, видите ли, размышляют: брать или не брать.

— Вот и я размышляю: бить или не бить? — В той же манере протянула Любовь.

— Кого? — снисходительный тон вопроса ещё больше разозлил девушку.

— Начну с тебя, за то, что заранее не предупредила, — резко выдернула из под своей головы подушку, метко запустив её в компаньонку.

Та рефлекторно испепелила снаряд, в комнате отвратительно завоняло палёным пером.

— Фу! — закашлялась магиня, оперативно отсылая последствия в открытую форточку, — прости, я автоматически.

— Ничего себе фокус, — она опешила от наглядной демонстрации опасной силы.

— Я, правда, не хотела, — успокаивала подопечную Ждара, в глубине души радуясь произведённому эффекту. Пусть знает своё место, человечка.

Любе ничего не оставалось, как примириться с объяснением, тем более, что выбора особо не было. Да только осадочек-то остался!

Умывшись и позавтракав, пришлось вновь подчиниться умелым рукам горничной. Как ни крути, но кроме косы, она больше ничего не умела делать, привыкнув к коротким причёскам, да и макияж здесь наносили несколько по-иному. А так хотелось заполучить свою любимую косметичку и с помощью всего пары средств получить куда более естественный результат! Это ещё хорошо, что эликсир значительно улучшил и структуру кожи, и густоту ресниц. Даже к пухлым щёчкам успела притерпеться, воспринимая их как побочный эффект к общему тюнингу.

И вот, закутанная в сизый плащ, прекрасная принцесса вплыла в Большой зал совещаний, уже битком набитый народом. Поначалу на неё не обратили внимания — на то и было рассчитано верхнее одеяние, зато, когда она осталась в изысканном бирюзовом платье, отделанным белоснежным кружевом, а жемчужные локоны освободились из плена глубокого капюшона, все взоры мгновенно обратились к источнику главных сплетен королевства. Компаньонку оттеснили в сторону, саму же подвели к тронам и заставили встать на колени.

«Вот ведь ироды!» — возмущалась про себя дитя XXI века, — «Хрупкую девушку на холодный твёрдый пол!»

Мягкое платье она не стала, аккуратно опустившись так, что оно легло вокруг живописными волнами. Тонкие чулки практически не защищали, каждой косточкой коленного сустава она ощущала стылую твёрдость отполированного до блеска мрамора. Как назло, терпеть пришлось долго: сначала ворон, сегодня получивший прозвище «снулый», ибо после бессонной ночи в допросной и прочих забот, выглядел отвратительно, толкнул вступительную речь. Его щёки, и без того впалые, сегодня казались настоящими кратерами, антрацитовые глаза ввалились, губы поблели, волосы, кое-как причёсанные, выпадали из низкого хвоста то тут, то там. Даже жалко его немного стало, пока не поймала полный недовольства взгляд. После него король, смотревшийся на его фоне особенно цветущим (уж он-то не отказал себе в здоровом сне), пафосно вещал о монаршей чести и простом человеческом сочувствии.

«Ага, конечно, страдает он», — язвила про себя Любаня, — «у меня сейчас кости начнут крошиться, а он всё никак не уймётся!»

Апофеозом её страданий стала речь герцога Брионского, восхвалявшего доброту и сострадание Базальда Варокского — человека слова и чести.

Грэзиэна Дарийская из последних сил держала лицо, лишь стиснутые кулачки свидетельствовали о том, как тяжело ей даётся смирение. Наконец, на неё соизволили обратить внимание и торжественно принять под политическую защиту. До наступления совершеннолетия, которое здесь начиналось с двадцати одного года, она продолжает оставаться гражданкой Меравии, если, конечно, до того не успеет выйти замуж. Далее по выбору. При всём при этом она имеет право проживания на территории Кординского королевства, экстрадиции не подлежит. Тему давней помолвки, кстати, пока замяли. Зато назначили официальной наставницей графиню Друзэллу Гарложскую, дабы та помогла вернуться ей на уровень, данный от рождения. Эдакий тонкий намёк на потенциальные плюшки в случае полного послушания.

Когда ей подал руку сам король, она уже практически ничего не соображала — настолько болели вхлам замёрзшие колени. Не глядя, подписала официальные бумаги: прошение о защите, добровольное согласие на высочайшую опеку, и лишь на третьем документе опомнилась. Перечитала подписанное, нахмурилась, но, уловив предостерегающий взгляд Брэгдана, промолчала. Приступила к последнему — соглашению о матримониальных намерениях. Вот тут — то и не выдержала душа документоведа.

— При всём моём уважении, но Вам не кажется, что третий пункт звучит несколько неуместно?

— Что там? — король скользнул взглядом по витиеватому почерку.

1. Принц Миральд Варокский имеет преимущественное право на заключение брачного договора с принцессой Грэзиэной Дарийской.

2. В случае реализации помолвочных соглашений между вышеупомянутыми посредством брака, права касательно престолонаследия королевства Меравия переходят к супругу.

3. Если по независящим от него причинам, как то неизлечимая болезнь или смерть, принц Миральд Варокский не имеет возможности заключить брак с принцессой Грээзиэной Дарийской, все его права переходят главе рода Варокских.

— Что здесь не понятного? — деланно удивился старый пройдоха. — В первую очередь — это ваша защита. Мало ли что!

Очередной грозный взгляд от белобрысого, и она смиренно подписывает кабальное соглашение, внутренне ухмыляясь размеру будущего облома главы правящего рода Кординии.

И даже после этого ей не позволили присесть! Всунули в руку бокал шампанского, заставили выслушать очередную напыщенную речь и выпить хмельной напиток практически на голодный желудок, ибо те крохи, что она умудрилась перехватить с утра, давно сгинули в недрах организма. Кстати, о недрах, в туалет хотелось ужасно!

Наконец, её отпустили припудрить носик в собственные апартаменты — теперь во дворце у неё имелся личный будуар с кроватью, плательным шкафом, трюмо и даже отдельной уборной. Ванну, правда, зажали, разместив лишь столик с тазом и кувшином плюс ночной горшок цвета осеннего болота. С облегчённым вздохом она плюхнулась на кровать, изрядно примяв тонкий шёлк платья.

— Фи, сударыня, что за плебейские манеры, — презрительно скривились тонкие губы похитителя.

— Лучше сядь — здесь тебе некому будет подол гладить, — строго поддакнула Ждара.

— Разве на этом не всё? — мученическим тоном спросила Люба, — давайте поедим домой.

— Через час торжественный обед, на котором мы обязаны присутствовать, а вечером бал. Готовиться будете здесь, я пришлю платье и служанок.

— Боюсь, я сегодня больше не ходок, — грустно констатировала принцесса.

— Не говорите глупостей, — резкая отповедь и властный жест подняться, — быстро!

В ответ ему приподняли подол и продемонстрировали синюшные, уже вовсю опухающие колени. Ну и что, что неприлично, после того, как он её голой в одном ошейнике оперировал, хуже может быть только секс.

Тяжело вздохнув, маг полез в карман и достал целительский артефакт.

— На тебя никакой магии не напасёшься — уходит как в бездонную пропасть, — недовольное ворчание сопровождало процесс исцеления. Вид повреждённых конечностей вызывал лёгкое возбуждение, единственное, что не устраивало Брэга, так это то, что сие произошло не по его воле и в не комфортных для продолжения обстоятельствах.

Ждара многозначительно молчала, хитро подмигнув Любане.

— Вообще-то, данное происшествие относится к производственным травмам, а они доплачиваются отдельно, — не обращая внимания на грозные гримасы компаньонки,

париовала пострадавшая.

— Ну, ты и наглая, — как ни странно, но злости не было ни в голосе, ни во взгляде, — я ведь уже всё залечил, — убрал амулеты назад, чтобы позже подзарядить.

Если честно, Люба ожидала всего: гнева, презрения, угроз, но никак не спокойной усмешки. Неужели он небезнадёжен?

— А как же моральный ущерб? — эксперимент продолжался, время полёта две минуты.

— Не бойся, получишь, — довольная, как у чеширского кота, улыбка отчего-то вовсе не радовала, — и ущерб и вознаграждение. Всему своё время.

Лучше бы он, как обычно, отбрил, на худой конец, придавил авторитетом. От томного предвкушения, прозвучавшего в обещании, внутри у неё всё похолодело.

Многозначительный диалог прервал неожиданный стук в дверь. Девушка мигом подскочила с постели и присела на банкетку около трюмо, Ждара скользнула к ней, а седовласый, напротив, отошёл к дальней стене.

— Кто там? — надменно спросила компаньонка.

— Графиня Гарложская и герцог Дагонский к мазель Грэзиэне, — говоривший намеренно прогассировал «р» в её имени.

— Входите, — неуверенно разрешила Люба, дождавшись одобрительного кивка опекуна.

Первой вплыла, как каравелла, леди Друзэлла, следом потрёпанной непогодой, но юркой байдаркой проскользнул Кордаван.

— Фи, как тут всё не обустроено, — высочайшая тётка с укором уставилась на спутника, — мне даже страшно заходить в уборную.

— Так не рискуйте, — с усталой учтивостью посоветовал брюнет, двинувшись в сторону принцессы.

— Даже не надейтесь! Где это видано, помещать в такую убогую нору невесту наследного принца? — Хлопнула дверь, раздался возмущённый вздох. — Я так и знала!

Ждара внимательно наблюдала за королевским магом, пытаясь считать истинную мотивацию.

— Между прочим, неприлично присутствовать мужчине, не состоящему в кровном родстве, в будуаре у незамужней девушки, — возвратившись из недолгого похода в соседнее помещение, она бросила презрительный взгляд, теперь в сторону Брэгдана, — замужней тоже.

— Что тогда здесь делает господин Дагонский? — кивок в сторону уже подобравшегося к блондинке ворона.

— Вашу руку, мазель, — отстранённо проговорил клювоносый, Люба даже не сразу поняла, что обращаются именно к ней.

— Я привела его для оказания лекарской помощи, — сочувственный кивок в сторону пострадавшей, — мне ли не знать, на что способен коварный камень.

— Можете не беспокоиться, я обо всём позаботился, — учтиво изобразил кистью нечто, напоминающее жест при поклоне.

Любовь сидела, боясь шевельнуться. С одной стороны, она была безмерно благодарна пожилой даме за трогательную заботу, и даже главмагу, не отказавшему той в помощи, а ей в потенциальном исцелении. С другой — её связывал контракт, из-за которого она вынуждена играть на противоположной стороне шахматного поля.

— Тогда будьте добры, позаботьтесь о достойных условиях проживания, боюсь, пока дело дойдёт до королевских исполнителей, Грэзи обростёт грязью. Счёт пришлёте в канцелярию.

— Думаю, обойдёмся без презренного металла, — великодушно ответил белоглазый, так взглянув на подопечную, что у той не осталось сомнения: вычтет из оплаты. Или, того хуже, захочет возместить натурой.

— Вот и договорились, — с выражением сытой гарпии она глянула на мужчин, — не смею вас больше задерживать.

Те, впервые за много лет оказавшиеся по одну сторону баррикад, слаженно закатили глаза и вышли.

— Старая гримза, — буркнул Брэг.

— И не говори, — устало вздохнул Корд.

Бал пролетел в бешеной круговерти. Ноги после исцеления порхали, как новенькие, вот только голова не давала покоя, точнее переживания относительно контракта. Потанцевать с принцем ей удалось лишь однажды, зато какое это было удовольствие! Никаких подколов, в отличие от язвительных магов, замучивших её как минимум тремя танцами, только неприкрытое восхищение и тёплые, бережные объятия. Чересчур деликатные, но от того особенно приятные, не то, что цепкая хватка ворона. То ли он успел поспать, то ли выпил бодрящего эликсира, но усталость покинула его тёмный лик, и он принялся доставать её с новыми силами.

— Следует признать, вы умеете очаровывать, — и вновь непослушная прядь вырвалась из плена подвязки, зацепилась за острую скулу, — давно я не видел леди Друзэллу такой активной.

— Две умные женщины всегда найдут, о чём поговорить, — парировала Люба, — и найти точки соприкосновения.

— Женщины? — он приподнял чернильную бровь, — то есть вы...

— Вот только не надо ваших нескромных намёков, — девушка повела тонким плечиком, — я употребила это слово, обозначив нашу половую принадлежность, не более.

— Интересно, — ехидца так и сочилась из тонкого рта, — это кормилица дала вам такое разностороннее образование или вы за неполный месяц занятий у Брэгдана успели освоить столь тонкие словесные нюансы?

— Вы забываете, что до десяти лет меня обучали лучшие учителя Меравии, — разворот, медленное и печальное па и вновь возврат к партнёру.

— И всё же то были детские годы, — он ловко крутанул партнёршу, вызвав короткий вздох от высокой скорости вращения, — а юность ваша прошла в освоении ремесла.

— У нашего соседа была обширная библиотека, — финальный реверанс, — он разрешал брать у него книги.

Как и следовало ожидать, его сменил седовласый контролёр.

— О чём вы говорили? — лицо равнодушное, как будто погоду обсуждает.

— Об уровне образования благовоспитанных девиц.

— Это они время тянут, — по-своему воспринял информацию Брэг, — скоро официальный визит правящей семьи Бравондии, у которой есть дочь на выданье. За неё дадут недурственное приданое плюс военная поддержка. Надо будет как следует к нему подготовиться.

Последнюю фразу он проговорил больше для себя. Уточнять подробности разговора Люба не стала, напротив, обрадовалась, что хоть что-то умудрилась скрыть.

«Отличная тактика! Надо будет освоить эту манеру: говорить коротко, но обтекаемо».

И только под конец Миральд вновь умудрился просочиться к своей невесте и проводить её до кареты. Трепетный поцелуй в ручку, оставивший небольшой влажный след на перчатке, полный надежды взгляд. Ей-богу, вылитый соседский щенок, облюнвывавший её при каждой встрече. Захотелось почесать его за ушами и дать семечек — тот их просто обожал, особенно солёненькие.

* * *

Как только не дрессировали Любу всю последующую неделю, подготавливая к встрече с представителями бравондской монархии: заставили выучить около сотни расхожих фраз, выдали стопку книг об истории и культуре этой страны, даже национальный танец пришлось отработать до автоматизма. Впрочем, последнее оказалось далеко не скучным занятием — он был куда энергичнее, чем всё то, что ей довелось здесь перетанцевать. Под конец её так и подмывало закинуть ногу на плечо партнёра, как это сделала девушка в фильме «Грязные танцы», та, которая блондинка. А что, физические данные позволяли — Любаня всегда отличалась хорошей гибкостью и даже перестав тренироваться, спокойно могла сесть в шпагат. «То-то будет весело», — ухмылялась девушка, — «жаль, что это может быть расценено, как нарушение договора».

Но вместо потенциальной конкурентки первым прибыл конкурент более, чем реальный, а именно сын Меравийского правителя в окружении послов и ослов. А как ещё прикажете называть высокомерных, чванливых и к тому же отвратительно одетых людей: белоснежные облегающие лосины, а поверх них шорты с буфами! Верхняя часть туалета изобиловала кружевами и прочими несуразностями, навроде гофрированного воротника. Попаданка долго не могла вспомнить, кого они ей напоминают, но мысли всё время отвлекались на более, чем занимательный диалог. Как непосредственно заинтересованное лицо, её допустили до официальной аудиенции, хотя она вполне бы обошлась кратким изложением новостей, желательно с резолюцией: «Не волнуйся, они до тебя не доберутся».

— Мы требуем выдачи самозванки для передачи её под суд, — пафосно вещало нечто в малиновом.

— При всём моём уважении, — судя по интонации, им здесь и не пахло, — но компетентной комиссией установлена принадлежность леди Грэзиэны к роду Дарийских.

«Надо же, а я думала, что ворон с удовольствием сдаст меня куда подальше при первой возможности».

— Протестую, — не успокаивался светловолосый принц, — нас, как наиболее осведомлённых в данном вопросе, не приглашали. О какой компетентности может идти речь?

«О, точно — на того обокраденного посла из «Иван Васильевич меняет профессию», вон и медальон сверкает!» — вспомнила, наконец, иномирянка, кого они ей напоминали.

— Независимой, — каменному выражению лица главмага позавидовал бы сам Гойко Митич[1], — эталоны предоставила Большая Семёрка.

— В таком случае прошу выдать магический дубликат результатов, — вступил в беседу посол, незаметно дёрнув за полу его высочество. Ну как незаметно, Люба увидела, насчёт ворона она тоже не сомневалась.

Недовольный блондинчик сжал кулаки, но сдержался, промолчал.

— Держите, — протянул свиток Кордаван, — я так и предполагал, что он вам понадобится.

Зашуршал пергамент, запыхтел наследник в малиновых шортах, король Кордиины закатил глаза, но потом спохватился и вновь вернул на лицо маску номер три: «вселенская скука».

— Ваши претензии удовлетворены? — спросил он, когда незваные гости таки осилили документ.

— Пока да, — осторожно начал посол, — но содержание должен проверить наш маг, поскольку это лишь в его компетенции.

— Отлично, — скука мигом слетела с пожилого мужчины, — а теперь, будьте любезны, подайте нашим высоким гостям копию ещё одного документа.

Корд с тем же невозмутимым выражением лица выдал очередной свиток, теперь уже с соглашением об опеке. По мере ознакомления, лица гостей вытягивались, постепенно приобретая поразительное сходство с лошадиными мордами.

— И как это понимать? — возмущённо вскричал один из самых завидных женихов Меравии. Вторым конкурентом у него был брат. Остальные не в счёт.

— Со всей серьёзностью, — Базальд сурово сдвинул брови, — теперь любое покушение на жизнь и честь этой девушки будет приравниваться к моему личному оскорблению.

«Блин, как же приятно, когда за тебя заступаются!» — умилилась Любовь, — «Даже жалко таких людей обманывать. Ну и пусть, что один старый ловелас, а сыночек малохольный, зато в обиду не дают».

— Да как вы смеете?! — возопил принц. — То похищение было организовано оппозицией, чтобы свергнуть наш род с престола!

— Я смотрю, вы отлично подготовились, — хмыкнул Корд, окончательно уверившись в их вине.

Посольство покинуло негостеприимный дворец спустя какие-то два часа после высочайшей аудиенции. В них кипел праведный гнев. Да как посмели навесить на них чужое преступление? Они и за свои-то отвечать не собирались.

И только двое из присутствовавших в зале знали, кто стоит за похищением, но молчали. Одна по причине уз контракта, второй, как непосредственный инициатор.

* * *

Теперь все дни напролёт Люба проводила с леди Друзэллой. Та муштровала её по истории Кордиини, заставив выучить имена правителей и их вклады в развитие государства за последние двести лет. Одобрила изучение бравондского языка — как-никак, а северные соседи. О принцессе Летиэссе она высказывалась положительно, поскольку та отличалась отменным здоровьем, неплохой родословной и достойным воспитанием. Первые два пункта наличествовали у Любы благодаря стараниям Брэгдана, третий она успешно наращивала, ночами жалуясь синей черепашке на беспросветную тиранию окружающих. Та неизменно являлась на страже цитадели, встречая девушку около фонтана на центральной площади. Между делом Люба изучала окрестности и обнаружила очередную стену с менее крепкой, но наглухо закрытой дверью. Проникнуть за неё она даже не пыталась, ходя вдоль каменной ограды и имитируя тем самым активную деятельность, дабы обмануть докучливый зов. А он не дремал: всё тянул и тянул дальше, заставляя бороться с собственными мышцами, поскольку лезть по кусачим булыжникам ей совершенно не хотелось. Люба рассказала своему молчаливому собеседнику практически всё: и о неудачном браке, и о маленьком зайце, который даже не подозревает, куда занесло его мамашу, и лишь о пресловутом договоре не могла вымолвить ни слова, как будто кто горло замыкал.

— Так вот, значит, как действует этот самый пункт о неразглашении! — изумилась девушка, когда впервые попыталась объяснить, какого чёрта она здесь забыла.

— Тебе всё равно не жить, — просипел череп, — если не отступишься.

— А если оступлюсь, то исход ещё хуже, — горько усмехнулась попаданка, — он убьёт мою дочь.

— Тебе решать, — резюмировал собеседник и в очередной раз «сожрал».

— Слушай! — приступила к пристрастному допросу на следующую ночь. — А почему ты не явишься Брэгдану? Сам знаешь — я только пешка. Что, кишка тонка до архимага добраться?

— Являюсь, — оскорблено клацнул челюстью ночной кошмар.

— И? Каковы результаты?

— У него слишком хорошая защита, — нехотя признался череп, — я не могу к нему приблизиться ближе, чем на три метра. Но, — прервал приготовившуюся съехидничать девушку, — дальше твоего пути он продвигаться не может. Ходит вокруг стены, только, в отличие от тебя, даже ногу не в состоянии поднять, чтобы попытаться залезть.

— Интересно, — задумалась блондинка. Где-то на заднем фоне маячила мысль, что если объединить усилия, то у них может получиться. — А он знает о том, что ты и ко мне являешься?

— Нет, и не вздумай говорить! — он угрожающе оскалился.

— Я подумаю, — после стольких запугиваний она попросту устала бояться, — но от тебя зависит, к какому решению я приду.

— Ты вздумала меня шантажировать, с-смертная? — ярость ультрафиолетовыми всполохами клубилась вокруг него.

— Просто договориться: ты не дёргаешь меня, я в свою очередь молчу о тебе.

Ещё немного поиграв inferнальным огоньком, Йорик успокоился.

— Не могу, это выше меня.

— Тогда объясни, кто ты? — в очередной раз попыталась Люба.

— Нельзя. Мне вообще с тобой говорить нельзя, не то, что договариваться!

— Тогда я пошла к Брэгу, — развернулась, вышла из ворот, потом на мост и благополучно провалилась в пасть к аллигаторам. Да, было жутко больно, но зато выбралась в явь.

Спать, как ни странно не хотелось — сказывались предыдущие спокойные ночи, организм успел восстановиться. Накинув халат, псевдопринцесса направилась на кухню, напевая под нос переделанную ещё в юности песню:

И треснул мир напополам, дымит разлом,

И льётся кровь, идёт война бобра с козлом.

И меркнет свет, в углах паук плетёт узор,

По тёмным улицам летит ночной дождоррр!

Сварганив гигантский бутерброд со всем, что под руку попало, она налила яблочного сока и со вкусом впиалась в незаконные калории.

Прикончив сэндвич с мясом и зелёной редькой, она решила, что маловато будет и взялась за нож. Неожиданно вспыхнул свет, строгий окрик заставил вздрогнуть и выронить инструмент.

— Ты что делаешь? — увидев на столе сыр с маслом, Ждара успокоилась.

— Перекусить спустилась, — Люба пожала плечами, подняла нож, вытерла его о полотенце и вернулась к делу, — будешь?

— Давай! — женщина села на табурет и с благодарностью приняла вкусняшку. — А тебе чего не спится, тоже кошмары?

— Тоже? — переспросила как можно нейтральнее, раздумывая, говорить ли о Йорике или нет.

— Да, что-то мне плохо стало спать, — передёрнула плечами.

— Да я, как сюда попала, вообще редко без ужастиков сплю, — аккуратно произнесла девушка, — то одно, то другое видится.

— А мне всё одно и то же, — тяжело вздохнула, — иногда жалею, что вообще связалась с вами.

— А я не иногда, — непрозрачно намекнула на вынужденное положение, а про себя подумала: «Значит, и её черепок не миновал... интересно..., а те дамы к товарищам заговорщикам имеют отношение? Пожалуй, умолчу я пока про содержание своих ночных походов, посмотрим, что дальше будет».

* * *

А дальше было посольство Бравондии. Принцесса Летиэсса в сопровождении двоюродного дяди, упитанного посла, кучки пажей и фрейлин, и это не считая слуг, кучеров и даже небольшой стаи охотничьих псов, часть из которых шла в подарок Базальду Варокскому. Следует отметить, что расширенными габаритами отличался не только посол, но и прочие представители бравондского дворянства. Не миновала сия участь и принцессу — симпатичную брюнетку с роскошными формами и вьющимися от природы волосами. Задорные зелёные глаза сверкали из-под изящных дуг смоляных бровей. В принципе, если отбросить худосочные нормы восприятия красоты, Люба могла назвать её красавицей, но общее впечатление портил турнюр. Он откровенно уродовал её невысокую фигуру, делая похожей на перекормленную утку. Вздёрнутый носик лишь усиливал сходство.

Летиэсса, в свою очередь с любопытством разглядывала утончённую конкурентку, не выказывая ни высокомерия, ни брезгливости, чем грешили некоторые дамы. Напротив, она вежливо поздоровалась и предложила прогуляться в саду. Чем дальше они удалялись от посторонних глаз, не считая охранников, державших трёхметровую дистанцию, тем раскрепощёнее она себя вела.

— Милая Грэзи, можно вас так называть? — щебетала пышечка, — только вы способны мне помочь в возникшем недоразумении. Можете в свою очередь называть меня Летти.

— Каком? — Люба по привычке старалась не проникаться особой симпатией к незнакомке. Мало ли, может, у неё тактика такая.

— Дело в том, — зашептала брюнетка, — что я совершенно не хочу замуж за Миральда. Он такой тютя, — она забавно сморщила носик.

Лжепринцесса хотела было возразить, что по сравнению с остальным серпентарием, он просто милый кролик, но вовремя прикусила язык. Нет, ей абсолютно невыгодно менять мнение своей главной соперницы, и в то же время становилось неприятно от, пусть правдивого, но обидного мнения.

— И? — краткость — сестра таланта.

— Я люблю другого! — порывисто выдохнула девица. — Но папа сказал, что негоже принцессе выходить замуж за простого рыцаря, особенно когда есть такие перспективные договорённости с соседями.

Если всё сказанное было искренним, то её оставалось только пожалеть. Узнав местные порядки, Люба прекрасно понимала, что рыцарю, будь он хоть трижды героем, принцесса светит только в качестве объекта охраны, а в случае неудачи с Кординией, её попросту отдадут другому принцу — тому же любителю объёмных шорт, к примеру. Единственный шанс выйти замуж по любви — либо убить всех неженатых принцев в округе, чтобы, как говорится, на безрыбье, либо пойти менее кровавым, но более тернистым путём — сбежать куда-нибудь подальше и не показываться как минимум десяток лет. Скандал с постелью может не

проканать — рыцаря попросту убьют, свидетелям подчистят память, девственность восстановят (не один же Брэг таких дел мастер) и снова в бой. Только вот вопрос: не уловка ли это?

— С папенькой спорить чревато, — осторожно ответила Грэзи.

— И не говори, особенно с моим, — искренняя грусть притушила задорный блеск, — но, знаешь, у меня есть отличный план!

[1] Немецкий и сербский актёр, прославившийся ролями невозмутимых индейцев, в том числе Чингуачкука Большого Змея.

Глава 7. Операция «Ы» и другие приключения прынца

То, что задумала Летиэсса, не лезло ни в какие ворота. На первый взгляд это казалось сумасбродно. На второй трудновыполнимо. На третий, когда стало ясно, что сроки проведения авантюры минимальны, так и вовсе нереально. О чём Люба аккуратно, но твёрдо сказала новоявленной сообщнице.

— Именно поэтому я к тебе и обратилась! — настойчиво шептала зеленоглазая авантюристка. — У тебя ведь опекун — великий чародей.

Естественно, её восторгов по поводу владения магией, будь она неладна, не говоря уже о великости седовласого извращенца, она не разделяла. Более того, всерьёз опасалась, что он может воспользоваться ситуацией и обвести восторженную и наивную девицу вокруг пальца.

— Ты хоть знаешь, где его искать? — в надежде, что план без основательного фундамента, поинтересовалась блондинка.

— Конечно! Иначе с чего бы я решила всё это затеять? Смотри, — она зашуршала потёртым пергаментом, извлечённым из украшенного бисером ридикюля.

Оказалось, что не в меру любознательная Летти, с детства отличавшаяся любовью к секретам, кладам и прочим приключениям, пару лет назад случайно наткнулась на тайник с загадочной картой. На ней красным по бежевому указывалось, где спрятан один из главных артефактов Бравондского королевства, похищенный более тридцати лет назад. А поскольку девушка, начитавшись рыцарских романов и наслушавшись рассказов о бывалых подвигах дядюшки Двара, давно грезилась приключениями, то планировала самостоятельно его добыть. Само собой, совершив в процессе массу подвигов и став впоследствии национальной героиней. Она так и видела, как сам батюшка преклоняет перед ней колена, как восторженно смотрит на неё сэр Гворд, в которого она влюблена с младых ногтей, как народ радостно приветствует свою принцессу, спасшую его от голода и болезней. И в воздух чепчики летят, и все мужчины в неё влюблены, и даже детей называют в её честь! Как все принцы съезжаются, чтобы побороться за её внимание, даже из-за Дальнего моря, но она, гордая и неприступная красавица, милостиво согласится принять предложение меча и шлема, тьфу ты, руки и сердца лишь самого достойного и доблестного рыцаря. И вот он, бряцая железом, несёт её в опочивальню..., а там! Там ложе из лепестков роз, таинственное мерцание свечей и прочая ерундистика, почерпнутая уже из любовного жанра, тоже весьма уважаемого подростком.

Мечты мечтами, но когда встала реальная угроза быть отданной за какого-то сомнительного во всех отношениях Миральда, Летти одумалась и, так уж и быть, решила уступить сию почётную миссию любимому Гворду, лишь бы им разрешили пожениться. В конце концов, жена

национального героя — тоже весьма почётная должность! Последний, кстати, пока не подозревал о её грандиозных планах, обхаживая довольно состоятельную вдовушку, и радовался, что безвременно почивший муж не успел сделать той ребёнка. Зато оставил доходный завод по производству бумаги — набирающий популярность писчий материал.

— Ну как? — взволнованно ожидала ответа энергичная девица.

— Послушай, — осторожно начала Люба, тщательно подбирая слова для отказа, — мой опекун...

— С удовольствием поможет деве в беде, — неожиданно прервал до боли знакомый голос.

Нетипичные для всегда холодного и надменного тона доброжелательные интонации резали ухо своей фальшивостью. К счастью для собеседницы, та не просекла подвоха и радостно подпрыгнула, тут же вновь приняв подобающий вид. Охрана ощутимо напряглась при виде внезапно появившегося мага. Тот самый герой девичьих грёз чеканным шагом двинулся в сторону беседующих.

— Ваше высочество? — он многозначительно положил руку на крестовину меча, прожигая незнакомца подозрительным взглядом.

— Всё в порядке, Гворд, — восторженное выражение лица не оставляло места для сомнений — принцесса по уши влюблена. Судя по сурово поджатым губам, без особой взаимности.

«И как она собралась его под венец тащить? Силком? Он ведь должен как-то сподобиться сделать ей предложение», — меланхолично размышляла Любовь, легко смирившись, что ситуация вышла из-под контроля и катится в совершенно неизвестном направлении. «В конце концов, если Брэгдан, подслушавший с помощью её защитного амулета разговор счёл необходимым поучаствовать, значит, в этом есть определённая выгода. Жалко только будет, если принцесса пострадает. И как она умудрилась вырасти такой наивной?»

Еле пережив бесконечный вечер, Летиэсса тайно покинула дворец, оставив вместо себя одну из фрейлин. В компании любимого рыцаря она напрямик направилась к герцогу Брионскому, куда по подземному ходу уже спешила её новоявленная подруга.

— Доброй ночи, ваше высочество, — склонился над ручкой в приветственном поцелуе белобрысый интриган.

— Доброй, — отозвалась Летти, радостно предвкушая приключение, — Грэзи.

— Привет, — откликнулась попаданка, заинтересованно разглядывая бравого рыцаря. Днём он настолько поразил её своей мощью, что она даже не успела рассмотреть черты мужественного лица. Воистину, он сильно отличался от всех, с кем она общалась в этом мире, причём в лучшую сторону. «М-да, не зря мелкая так бьётся за него. Лишь бы не обожглась. Судя по упрямому подбородку, характер у него далеко не сахар».

— Вы говорили о какой-то карте, мазель? — обходительный змей посадил её в кресло и всю потчевал пирожным.

— Вот, — довольная, как кошка, девушка уминала лакомство, попутно разглядывая чудную обстановку. Минимум роскоши, всё лаконично и в то же время массивно.

Разложив на столе бережно хранимую в аппетитном декольте реликвию, она громко вздохнула.

И столько надежды было в этом звуке, что даже всегда хмурый маг слегка улыбнулся. Правда, намешан в кривоватой улыбке был тот ещё коктейль, расшифровать который под силу разве что опытному менталисту.

Гворд решительно не понимал, зачем принцесса устроила весь этот балаган с обращением за помощью к незнакомым людям, более того, их непосредственным соперникам в предстоящих переговорах. Куда логичнее было отдать находку её отцу, дабы тот смог организовать полноценные поиски, а самой окучивать принца. «Всё-то ей игрушки! На кону национальная реликвия, а она дурит. Давно пора отдать её замуж и каждый год заделывать по ребёнку — чтобы времени на шалости не оставалось». Несмотря на нелюбимые мысли, он вынужденно держал невозмутимую маску, зорко отслеживая все действия подозрительного мага.

— Хм, пограничные горы, — задумчиво теребил подбородок Брэгдан, — там много зверья и один из самых свирепых тролльих кланов. С учётом длительного присутствия артефакта, их там размножилось...

— Я буду вам очень благодарна, если вы поможете нашему народу обрести утерянное благоденствие, — патетично молвила девушка, — вы можете рассчитывать на ответную услугу.

— Что вы, — ни один мускул не дрогнул на его лице, тщательно скрывая внутреннее довольство, — я всегда готов помочь деде в беде, — он многозначительно взглянул на Любаню.

Та приложила невероятные усилия, чтобы не закатить глаза или, хотя бы, не ухмыльнуться.

— Да, я слышана о вашей доброте, — Летти сложила ручки на груди, — воистину, вы человек слова! И именно поэтому я дарю вам свою дружбу и поддержку. Можете обращаться при первой же необходимости.

— В таком случае, — он в очередной раз поцеловал пухлую ручку, — примите сей скромный дар, — протянул изысканный золотой браслет с мелкими бриллиантами по окружности.

— Благодарю, — мышка сама захлопнула дверь собственной мышеловки.

— Как только вы захотите со мной связаться, обхватите его пальцами и позовите. Моё полное имя Брэгдан Бриольский. С радостью приду к Вам на помощь, если возникнет такая надобность.

От приторных расшаркиваний Любу слегка замутило.

— Ох, как здорово! — Летти захлопала в ладоши, искренне радуясь новой цацке, да ещё и волшебной.

Конечно, у неё имелся артефакт, выданный главным магом её батюшки, но он срабатывал лишь как защитный купол, не более. Что в этом интересного? Лучше бы дали зачарованный меч, разящий без промаха, на худой конец ножик с аналогичными свойствами. Одно слово, очень деятельная натура.

— Теперь о плане, — вернулся в деловую струю кознеплёт, — я смогу открыть портал к этому месту, — он ткнул пальцем в красный крестик, — радиус попадания сотня метров. Желательно идти с утра, пока ночные твари спят, а тролли малоподвижны.

— Но как же... — заикнулась Летти об обязательном присутствии на всех увеселениях.

— А вы подхватите насморк, — перебил маг, — это единственная не смертельная болезнь, которая не лечится магией.

— О-о, — с неприкрытым восхищением она взирала на молодящегося интригана и тем безмерно льстила его самолюбию. Мысленно он так и эдак прилаживал королевскую благосклонность, просчитывая варианты её использования.

Рыцарь, глядя на это, всё больше мрачнел. Ему совершенно не нравился ни мужчина, ни голубоглазая пигалица, молчаливо сидящая напротив него, ни то, как себя ведёт принцесса. Хотя нет, смиренная линия поведения блондинки весьма импонировала, да и на лицо миленькая. Мясца бы только наела, а то подержаться не за что.

— Завтра, точнее, уже сегодня вам занеможет, симптоматику я обеспечу, к вечеру сляжете с температурой. Следующим утром покажетесь целителю, потом выпьете второй эликсир и ко мне.

— А как же слуги? — возразила авантюристка. — Они ведь будут всё время около меня вертеться.

— Ах, да, — он уже и забыл, какими вредными бывают изнеженные аристократки, когда болеют. И когда не болеют тоже. Потому и предпочитал иметь дело с простолюдинками — те молча отлёживались и особо не беспокоили. — У вас есть надёжная фрейлина, которая сможет подменить свою госпожу?

— Конечно, — судя по хитрому взгляду, та не раз выполняла принцессозаменительную функцию, — только парик надеть и нужный макияж нанести — будет одно лицо.

— Отлично, тогда этот эликсир выпьете сами во время обеда, — он достал из шкафа несколько склянок и протянул одну из них с голубоватой жидкостью внутри, — вторую порцию дадите помощнице, пусть употребит перед сном. После того, как утром вас повторно осмотрит врач, примите вот это, — выдал пузырьки уже с зеленоватым составом.

Летти звякала стеклом, увлечённо разглядывая содержимое. Люба скептически косилась на мага, искренне надеясь, что там не отравы. С него станется и конкурентку угробить, и артефакт заполучить.

— Не вздумайте ничего принимать, кроме того, что я вам дал, иначе может быть побочный эффект. И фрейлине накажите пить только воду. Лекарства просто выльете в ночной горшок.

— Дальше я под видом Кармелы иду к вам, — обдумывала девушка следующий этап. — Не покажется ли это слишком подозрительным?

— Конечно, покажется! Ко мне ни в коем случае больше не приходите. Поедете к Грэзи передать привет от новой подруги и сожаление о том, что совместную прогулку придётся отложить. Кстати, ты тоже якобы подхватываешь насморк, — выдал очередную порцию голубого зелья Любе, — вечером пьёшь, наутро показываешь горничной свои сопли, выпиваешь антидот и обе ко мне. Ждара прикроет твоё отсутствие.

— А как же Гвورد? — брюнетка бросила на своего обоже обеспокоенный взгляд.

— Зайдёт ко мне, пока вы мило щебечете о женских тряпках, — они понимающе переглянулись, рыцарь даже слегка скривился, — через чёрный вход. Так, всё! Все по койкам,

завтра ответственный день. У вас обоих королевский пикник и театральная постановка вечером. Сбор послезавтра у меня в десять ноль-ноль. Не опаздывать!

* * *

Операция «внезапный насморк» прошла без сучка и задоринки. Принцессы и мрачный рыцарь в назначенное время стояли в порталной комнате и ждали активации пентаграммы переноса. Обе надели рубашки с брюками и плотные тёплые куртки — в горах всегда холоднее, чем на равнине. Тут-то и вскрылось, что попа у Летти весьма и весьма. Вечный турнир, без которого не показывалась ни одна уважающая себя дама Бравондии, наконец-то перестал искажать природные пропорции, и все узрели, что фигурка у неё ладная, гармонично сложенная, в дополнительном тюннинге не нуждающаяся. Противовесы равнозначны, излишнего жира не наблюдается. Да, бёдра полные, но при этом столь маняще округлые, что руки сами тянулись огладить. Естественно, у мужчин, Люба лишь про себя ухмылялась, глядя на подтекавшие слюнки в уголках причмокивающих губ.

Знакомая круговерть, и они уже высоко в горах щурятся от яркого весеннего солнышка. Люба никогда не ходила в походы, но картинки с их видами смотреть любила, так вот, ничего подобного она в жизни не видела. Прочие от неё не отставали, изумлённо разглядывая буйство зелени, практически поглотившее каменную твердь. Неимоверное количество цветов, умопомрачительные запахи, а бабочки мельтешили так, будто неподалёку обретался инсектарий. Мошкара жужжала, лягушки истошно квакали, периодически прерываясь на лёгкий перекус, но их усилия казались незаметными по сравнению с общей популяцией кровососущих.

— А это, похоже, эффект воздействия артефакта, — глубокомысленно изрёк Брэгдан, неаристократично хлопая себя по щеке, — одну минуту.

Порывшись в карманах, он извлёк серый, с виду совершенно обычный камушек и активировал его. С тихим шелестом посыпались мгновенно умершие бабочки вперемешку с гнусом, лягушки резко замолчали, даже трава начала чернеть в радиусе десяти метров вокруг четвёрки путешественников.

— Ччто это? — ужас вперемешку с любопытством выглядывали из расширившихся зелёных глаз.

— Поглотитель, — абсолютно спокойно ответил маг, — забирает энергию из не млекопитающих. Очень удобно, можно потом использовать для дополнительного источника силы.

— А на людей это как-нибудь действует? — похоже, кто-то всерьёз заинтересовался передовыми достижениями артефакторики.

— Он ведь сказал — только на не млекопитающих, — напомнила Люба, всячески стараясь свернуть неприятный разговор.

— Почему тогда лягушки сдохли? — возразила Летти.

— У них другой способ размножения, — оба мужчины заинтересованно смотрели на чересчур просвещённую блондинку.

— Как же тогда они превращаются в принцев? — похоже, всё прекрасное образование принцессы сводилось к этикету и геральдике.

— Мутации? — иномирянка вопросительно взглянула на белобрысого и в очередной раз внутренне содрогнулась от аномально белёсых глаз.

— Магия, — загадочно-ехидно протянул сказочник и поспешил заверить её высочество в абсолютной безопасности.

Не теряя времени даром, они двинулись вслед за поспешно улепётывающими от них насекомыми, логично рассудив, что большинство в первую очередь потянется к источнику благоденствия, инстинктивно ища у того защиты. Не прошло и полчаса, как они уже входили в сумрачную пещеру, под корень истребив местное поголовье улиток. Изверги!

— Гворд, твой меч берёт троллей? — между делом поинтересовался маг, зажигая световой пульсар.

— Конечно, — с характерным звуком он вынул грозное оружие.

— Тогда вперед, — и двинулся вглубь горы.

Чем дальше они уходили, тем влажнее становился воздух. Вскоре под ногами ощутимо захлюпало, благо, сапоги отличались отменным качеством и не промокли. Наконец, тоннель закончился, расширившись до довольно обширной пещеры, в углу которой журчал ручей. Он бурливо стекал в небольшое озерцо и вытекал из него десятком тонких струек, расплзавшихся по бугристому полу сеточкой вен и уходивших сквозь многочисленные щели в бездонные недра горы. Путники остановились, внимательно оглядываясь по сторонам, каждый про себя гадая: где искать реликвию? И лишь на лице седовласого интригана блуждала ехидная улыбка, отражаясь то в уголках бесцветных глаз, то в изгибе тонких губ. Первая перестала любопытствовать Любовь, безошибочно считав значение его мимики.

— И где же он? — глядя в упор, спросила она.

— Сама как думаешь? — решил поиграть хитрован. — Если бы ты хотела что-нибудь здесь спрятать, причём так, чтобы люди помучились в процессе поиска, куда бы ты его положила?

Лжепринцесса давно уже просчитала несколько вариантов и остановилась на самом опасном.

— В воде, — ведь неизвестно, что скрывается на дне и насколько оно зубасто. Температура, опять же, не самая приятная.

— Молодец! — Это была сейчас искренняя похвала, или ей почудилось? — Именно оттуда исходит излучение. Итак, господа, кто полезет за сокровищем?

Без тени сомнений, полная восторженного предвкушения, Летти смотрела на своего героя, ожидая красивый жест, вроде преклонённого колена и клятвы в вечной верности короне в целом и ей лично в частности. На худой конец решительного шага в сторону озерца. На деле же тот задумчиво смотрел на темные воды, не понаслышке зная, какие коварные твари могут в них водиться, а если учесть буйство природы снаружи, здесь можно ожидать чего угодно. Не то, чтобы он трусил, но рисковать жизнью без оглядки — не в его правилах. Иначе давно бы сложил голову в каком-нибудь бою.

— Разве господин маг не может его поднять с помощью левитации?

— Конечно, нет, — как ни странно, но ехидничать по поводу рыцарской осторожности он не спешил, напротив, лёгкая тень уважения промелькнула в циничном мозгу, одобряя разумный

подход. — Я могу его нечаянно повредить.

Ни один мускул не дрогнул на мужественном лице идеала девичьих грёз. Сначала он опустил свой полуторник, измеряя глубину, потом, обнаружив, что дна не наблюдается, даже если полностью погрузить туда руку, он принялся молча раздеваться.

Если говорить честно, то жалость, которую испытала к нему Люба, довольно быстро уступила место вожделению. Нет, она не обольщалась насчёт его характера и прочих душевных качеств, она вообще по жизни достаточно спокойно реагировала на мужскую красоту, но тут. Высокий рост, рельефное, мускулистое тело, подтянутая задница и бесконечные ноги. «Боже, похоже, ты был в ударе, создавая сей образчик! Как говорил священник из комедии Эдди Мёрфи, глядя на девушек в купальниках: «Я знаю, Бог есть! Бог где-то есть, ведь вы же понимаете, без Бога такое не создать! Дамы, повернитесь. О-о! Нет, ну точно, Бог сидит где-то наверху и точно знает, что мы хотим тут внизу[1]». Спустя пару минут девушка почувствовала, как что-то стекает по её подбородку. Умудрённая горьким опытом, она закинула голову назад и проверила, что именно течёт. Как ни смешно признавать, но это оказалась банальная слюна, над которой она посмеивалась около часа назад. Вот ведь!

Наконец, издевательство над женской выдержкой закончилось. Летти, кстати, вообще находилась в предобморочном состоянии, ну, или преднасильственном, в зависимости от того, на что у неё смелости хватит. Мужчина аккуратно вступил в воду, слегка поёжился от низкой температуры и, наконец, нырнул, не выпуская из рук свой доблестный меч. Брэгдан старательно подсвечивал ему дорогу, заодно демонстрируя девушкам слаженную работу мышц в процессе гребли.

Дно оказалось куда глубже, чем можно было ожидать. Вот уже только пятки виднеются, такие же мощные, как и сам индивид. Вдруг вода забурлила, растревоженная судорожными движениями ныряльщика. Девушки дружно вздрогнули, они вообще сегодня вели себя на редкость синхронно, лишь маг заинтересованно прищурился и вытянул руку для глубинного сканирования. Спустя бесконечные секунды ожидания к их ногам смачно шмякнулась тушка осьминога-переростка, обдав взвизгнувших прынцесс волной ледяной воды. Его белёсая кожа и ярко розовые присоски омерзительно шевелились, пытаясь хоть за что-то ухватиться. Пара щупалец оказалась отрезанными, тварь истекала голубой кровью, к счастью, пачкая лишь высокие сапоги. Следом за моллюском вынырнул добытчик, сжимая в руке пульсирующий золотистым жезл.

Не обращая внимания на артефакт, Брэгдан извлёк водонепроницаемый мешок, зачерпнул туда воды и лёгким движением руки отправил в него любопытный экземпляр. Видимо, на опыты. Пока маг возился с реликтовой диковинкой, Гворд вылез и предстал пред девчатами всей своей неопикуемой красотой в анфас. Хотя, из-за переохлаждения любоваться особо было не на что. То ли от неожиданности, то ли от расстройства, но тонкая девичья организация не выдержала, и Летти потеряла сознание. Поскольку руки у герцога оказались заняты, а Люба, пусть и не так эмоционально, но не менее сильно переживала за такую вселенскую несправедливость и впала в ступор, то пришлось ему ловить сомлевшее тело самостоятельно.

— Ваше высочество, — он трясся от холода, постепенно согреваясь лишь в местах соприкосновения с упитанной красавицей, — очнитесь.

— Одевайся, я держу её, — приказал седовласый, накинув на бесчувственное тело воздушную петлю.

Вторая принцесса старательно отводила глаза, лишь мельком заметив, что отогретый орган не так уж и мал, как показалось вначале.

«Фух, слава Богу! А то жалко мужика — такое тело и такой... поплавок. Хотя, какая разница? Всё равно не мне... хнык».

* * *

Не успев толком погостить, посольство Бравондии спешно отбыло на родину, едва принцесса выздоровела. Причём произошло это в рекордные сроки, королевский лекар ещё долго ходил в восторге от её иммунитета, сетуя на то, что упустили такую крепкую самку. Эх, какое она сможет дать здоровое потомство! Жаль, не здесь.

Посол лепетал что-то о деле государственной важности, принёс нижайшие извинения и, несмотря на недовольство Базальда, заморозил переговоры по всем пунктам.

Зато как радовался король Бравондии, когда один самых верных рыцарей вручил ему давно утерянный артефакт благоденствия! Теперь можно не переживать ни за урожай, ни за плодovitость скота, ни за здоровье жителей страны. Конечно, травм и прочих неожиданностей не избежать, но вирусные и бактериальные инфекции уже нипочём. Да и дети рождаются теперь крепкими, без врождённых патологий. Отлично послужил, пусть просит что угодно!

Гворду, как Люба и опасалась, даже в голову не могло прийти просить руки принцессы. Как-никак, а порядок монарших браков не предусматривал присутствия там родов ниже герцогского. Учитывая наличие изрядного количества холостых принцев в соседних королевствах, те тоже не особо котировались. Да и не любил он Летти, впрочем, как и вдовушку, там властвовали лишь плотские чувства. По большому счёту, ему было без разницы, кто согревает его постель, лишь бы она была мягка, улыбчива и покорна. А ещё имела крепкую спину и широкие бёдра, чтобы подарить ему кучу здоровых, выносливых наследников. И только благодаря прозорливости герцога Брионского, давшего в последний момент весьма неожиданный совет...

Сначала рыцарь подумал, что это невозможно, да и не к чему, ведь принцесса сызмальства привыкла, что всё делается исключительно в угоду ей. О какой покорности может идти речь? С другой стороны, за последние несколько дней он узнал о ней много чего интересного, например, что волосы пахнут вереском, а кожа нежна, как лепестки розы. Бёдра круглые, как его любимый щит, а тело жаркое, словно печка. И ещё, она влюблена в него, как кошка — вон на какую авантюру решилась, более того — провернула! Лестно. И выгодно! Быть зятем самого короля — высокая честь и большие возможности. Что ж, придётся перевоспитывать..., сама напросилась! Нет, он не был жестоким, комплексами неполноценности не страдал, впрочем, как и манией величия. Он был простым, суровым рыцарем, привыкшим крепко держать свой меч и дорого продавать жизнь на поле боя. Пока никому оказалось не по силам выплатить нужную сумму смертей за его поражение, и ни одной девице не удалось заставить сделать что-либо по-своему. Исключений он делать не собирался.

— Прошу руки вашей дочери, принцессы Летиэссы, — рискнул мужчина. В конце концов, не убьют же его за попытку, всё-таки герой.

Король удивлённо взирал на обнаглевшего рыцаря, не веря собственным ушам.

— Если только Летти согласится, — решил схитрить монарх, уповая на амбициозную натуру дочери, с детства мечтавшую выйти замуж за принца.

— Конечно! — как оказалось, девочка выросла, а вместе с ней и мечты. Зачем ей принц, если она сама принцесса? Куда лучше настоящий герой! Ну и что, что пришлось немного подсобить в организации подвига? Нырнул он сам, чудовище ужасное убил, жезл плодородия достал, а остальное уже детали. — Разве можно отказать спасителю нашего королевства?

Кокетливый взгляд, томный вздох... с ней всё ясно: на благоразумие рассчитывать не стоит.

— Ну, тогда, кхм, вот моя королевская воля! — Он величаво встал, дабы подчеркнуть торжественность момента и ещё чуть-чуть потянуть время. — Повелеваю! За заслуги перед отечеством графу Шадору присвоить титул герцога, а мою дочь, Леттиэсу Кудрявую отдать ему в жёны. Будьте счастливы, дети мои!

Под конец он так расчувствовался, что чуть не прослезился... от досады. Но, взглянув на светящееся от счастья лицо дочери и на слегка смягчившиеся суровые черты давнего соратника, он вдруг понял, что не прогадал с зятем. В конце концов, Летти у него не без характера, мало ли чего может набедокурить вдаль от родительского надзора среди чужих людей, а тут под боком, в мужьях свой человек, в случае чего быстро утихомирят. И служить будет ещё ретивее, хотя по данному вопросу нареканий не имелось.

* * *

Как ни странно, но больше всех от авантюры получил удовольствие не принцесса, практически единственная в своём круге, кто реально вышла замуж по любви, не рыцарь, неожиданно вознёсшийся до уровня королевской семьи, а пресловутый герцог Брионский. Вся соль его наслаждения ситуацией была в том, что когда-то именно он этот артефакт и украл. На спор. С Кордом. По условиям которого забирать себе трофей нельзя, да и чревато последствиями, если он вдруг обнаружится у студента магической академии. Совместными усилиями они спрятали пропажу и оставили подсказку в виде карты, достаточно примитивной, на их взгляд, кою подсунили в один из тайников королевского дворца Бравондии. Выбор места самого клада оказался до смешного прост — в горах, да ещё и на нейтральной территории результаты его присутствия никто не заметит, кроме местного населения. А кто ж с троллями разговаривает? Их боятся. В лучшем случае, бьют.

[1] Фильм «Поездка в Америку». Речь священника на неделе чёрного самосознания.

Глава 8. Фактор «Хэ»

Вернувшись после непродолжительного, но весьма занимательного похода за чужим сокровищем, Любаня решила озвучить терзавший всю дорогу вопрос:

— Скажите честно, зачем вы помогли Летти?

Её внимательно осмотрели надменным взглядом, как бы решая, стоит ли отвечать, или проигнорировать.

— Помимо очевидного? — всё-таки решил просветить. Не без подкола, конечно.

— Убрать соперницу? Вряд ли у вас не было своих вариантов, более радикальных. И я сильно сомневаюсь, что вы стали бы упускать хорошую возможность приобрести редкий артефакт исключительно из внезапной дружбы с иностранной принцессой.

— Молодец, быстро учишься, — хмыкнул Брэг, — а теперь продолжай в том же духе, — махнул

кистью в побудительном жесте.

— Значит, либо вы успели в процессе добычи заменить реликвию, либо она вам не нужна.

— Вторая версия, — удовлетворённо кивнул мужчина, с возрастающим интересом всматриваясь в прекрасную пленницу, — мне действительно без надобности ни повышенное плодородие, ни хороший иммунитет. Лично у меня с этим и так проблем нет, а слуги и подданные обойдутся.

Глядя на его холёную, высокомерную рожу, ей так и хотелось втащить правой снизу вверх, чтоб челюсть клацнула. Даже руки зачесались. Безошибочно прочитав скрытые намерения девушки, он лишь ещё выше задрал подбородок и скривил тонкие губы.

— Но вы могли обмануть принцессу, а сами выгодно продать сокровище, — высказала очередную нелицеприятную мысль Люба.

— Зачем? Я и так заполучил то, что весьма непросто достать даже за большие деньги, — он вновь взмахнул рукой, предлагая продолжить.

— Неужели Летиэсса настолько выгодный союзник? — удивилась блондинка.

— Она? Ни в коем случае, — он едко усмехнулся, — просто теперь Бравондия лишилась возможности заключить через политический брак военный союз с кем-либо из соседей. Старший принц уже женат, других детей у короля нет, так что её свадьба с простым рыцарем выгодна нам, как никогда. Ведь это, дорогая моя, имеет далеко идущие перспективы.

— Неужто вы хотите занять трон Кординии и напасть на соседей? — не сказать, чтобы её сильно волновали причины его сверхсложного плана, в котором она выполняла роль немаловажного винтика, Люба и без того знала, что он гад и не прав, но раз уж зашла речь. — А благодаря артефакту они станут ещё более лакомым кусочком?

— Вот это уже не твоего ума дело, — он провёл ногтём по нежной коже румяной щёчки, опустил к шее и сдавил её, — тебя к тому времени здесь уже не будет.

— Кстати, насчёт наших договорённостей, — прохрипела сквозь удушье, надеясь тем самым отвлечь ненормального собеседника. Уловка удалась, хватка ослабла. — Миральд, насколько я успела заметить, довольно простодушен, мне кажется, зелье можно подлить гораздо раньше свадьбы. И на меня тогда не подумают.

— Странно, что ты не заметила, как его пасут все, кому не лень, — сарказм сменил поднявшее, было, голову вождение, — сколько раз ты видела его пьющим или едящим?

— Пока ни разу. Да и наедине нас никогда не оставляют, но это всё потому, что нам постоянно мешает этот несносный Кордаван, — досадливая морщинка скользнула по лбу, — или Базальд.

— И дальше так будет, пока тебя не примут в семью, — он с сожалением убрал руку от выреза рубашки и потянулся к кубку с вином, — ему в принципе строго запрещены близкие контакты с непроверенными людьми, а пьёт и ест он только в королевской трапезной. — Смачный глоток, породивший аналогичное желание у собеседницы. — Всё, вплоть до одежды лично обследуется магом. Да и зелье не такое простое, чтобы ты могла легко и быстро его подлить. Вина? — последнее относилось к девушке, которой он протянул второй кубок.

— Давайте, — пряный хмель слегка опьянил её. На голодный-то желудок.

— Нет, ближайшая возможность представится не раньше первой брачной ночи, — продолжил поучительную тираду, — только тогда вас оставят наедине. И вот тогда... в спальне... после конsummации брака, — и фирменная ехидная ухмылочка.

Люба возмущённо вскинула взгляд вверх кубка и сдавленно закашлялась.

— Или перед, тут как выкрутишься, — иронично закончил издевательство и отпустил, наконец, восвояси.

* * *

Разочарованный сорвавшимися переговорами, Кордаван ходил ещё более хмурый, чем обычно, отчего приобрёл новую кличку — кислый ворон, или прокисший, в зависимости от степени недовольства на его клювоносом лице. От его выражения так и сводило скулы, будто ранетку незрелую погрыз. Видеться с Миральдом не получалось, зато тётушка хлопотала, как настоящая квочка. Именно по её настоянию Любана сегодня предстояло посетить очередной великосветский пикник, где собирались сливки сливок высшего общества. Судя по среднему возрасту присутствовавших, они давно прошли стадию сметаны и могли гордо именоваться маслом. Ну, или творогом, в зависимости от того, у кого как личная жизнь сложилась. Впрочем, лжепринцессе было всё равно, лишь бы для пользы дела.

— Видишь ту леди в тёмно-фиолетовом? — инструктировала Друзелла, указав на высокую статную даму с высокой белоснежной причёской. — Это бывшая фаворитка короля, с ней поаккуратнее.

— Почему? — недоумевала девушка, — бывшая — не настоящая, к тому же, насколько я слышала, таких у него половина королевства или около того.

— Потому что эта родила ему сына, более того, он его признал, правда, ненаследным. Она очень влиятельна и злопамятна, — сказала не менее влиятельная и злопамятная собеседница. — Насколько я помню, она дальняя родственница твоего опекуна.

— Да? — Люба удивилась самому наличию у того каких-либо человеческих признаков. Он ей казался таким воплощением пороков и аномалий. Хотя, одно другое не исключает. — Он ничего не говорил мне о своей семье.

— Странно, — насторожилась графиня, — у них довольно близкие отношения, всё-таки единственная родня.

— Не сказал и ладно, — махнула рукой, — надо будет — познакомит.

— А вот это ты зря, — она неодобрительно покачала головой, — как будущая королева ты не должна упускать из внимания ни одной мелочи. Поверь моему опыту: стоит пустить что-то на самотёк, потом последствия замучаешься разгребебать! Ты теперь не беглянка, не скромная ткачиха, а наследница королевского рода.

Так сказала, что даже флегматично настроенную попаданку проняло. Она выпрямила спину, приподняла подбородок и... мысленно фыркнула. «Нет, балда, это не твой мир, не твоё место и не твоя жизнь! Эх, скорее бы уже всё закончилось, а то с утра как-то муторно на душе. Непокойно, будто чует попа неприятности. Ждара куда-то укатила, оставила её на целых два дня одну. Родственница ещё эта объявилась... неоговоренная».

— Мне что-то нехорошо, пойдёмте в тенёк, — солнце сегодня разошлось не на шутку, от всей

своей широкой души согревая мир.

— Пойдём, дорогая, — взяла под ручку свою подопечную, — кстати, чтобы без компаньонки приезжала в первый и последний раз.

Нравоучительный тон разбивался о лёгкий гул, охвативший блондинистую голову. Она и без неё знала, что нарушает правила, но, поскольку, сам король назначил Друзэллу ей в наставницы, то наличие той на приёме вполне сглаживало ситуацию. В конце концов, именно она настаивала на обязательном присутствии в этом балагане престарелых куриц. Была бы Любина воля — сидела бы она сейчас дома и стригла нитки для Моне. Ей настолько понравилось ткать, что она решила штраф за полученные ранее повреждения взять натурой, то есть ткацким станком. Накупила шерстяных ниток и теперь резала их семисантиметровыми кусочками для будущего панно в стиле любимого импрессиониста. Иногда, но времени катастрофически не хватало, а вдохновение терзало. «Утро на Сене в Живерни» — одна из её любимых картин, которую она планировала воплотить в ворсе. Люба вообще любила воду во всех её проявлениях, в том числе и на полотнах.

Опустившись на скамеечку, девушка откинулась на спинку, чувствуя, что головокружение не желает отступать, более того, усиливается.

Вскоре ей стало настолько плохо, что она даже не заметила, как телепортационный вихрь закрутил тело, а после выплюнул на каменные плиты пола. Не успев ничего сообразить, Люба почувствовала, как её больно хватают за волосы, раскрывают пальцами рот и засовывают туда кляп. Солоноватый и подозрительно длинный. Автоматически она попыталась отбиться, но вторая рука похитителя сдавила шею, окончательно перекрыв доступ кислорода. Вот тогда девушка испугалась по-настоящему и распахнула зажмуренные глаза. То, что предстало перед ними, ей совсем не понравилось: крутые завитки чёрных волос, вытекающая из них дорожка, разделяющая поджарый живот надвое, далее она впадала в обширное озеро настолько густой поросли, что из добытой шерсти вышел бы неплохой коврик. На худой конец носки. А вот то, что она увидела выше, повергло её в не меньший шок, чем осознание природы кляпа.

На неё смотрела молодая и, соответственно, более темноволосая версия Базальда с той лишь разницей, что глаза были карего цвета, а губы полнее. Сейчас они растягивались в настолько отвратительной улыбке, что впору её назвать оскалом похотливого койота или чем-то вроде этого.

— Привет! — он улыбнулся ещё шире, ослабил хватку на горле и задвигался. Сильно, до конца, не считаясь ни с её потребностями в кислороде, ни с естественными рефлексам.

— Только попробуй! — прорычал он сквозь сжатые зубы, когда она уже была не в силах сдерживаться.

Слёзы текли из прекрасных васильковых глаз, делая их ещё ярче. Самым отвратительным, помимо раздражающей боли в горле, было мерзкое чувство беспомощности. Даже Брэгдан с его садистскими замашками не позволял себе такого! Хотя на этот счёт обольщаться не стоило. Страх парализовал тело, не осталось ни одной мысли, кроме как успеть вдохнуть между фрикциями, суметь выжить и открутить потом органы размножения, что бились сейчас об её подбородок.

— Не закрывать! — Командовал неизвестный. — В глаза смотреть!

Часто моргая, она кое-как держалась, боясь, что ещё чуть-чуть и всё содержание

великосветского пикника окажется на орудии пыток. В принципе, она ничего не имела против такого исхода, но инстинкт самосохранения голосил о страшных последствиях.

Закончив, наконец, ознакомительную процедуру, насильник, невзирая на полубморочное состояние жертвы, потащил её к гигантской крестовине и со вкусом приковал наручниками. Пара пощёчин, стакан воды на голову, и Люба с трудом открывает опухшие от слёз и недавнего напряжения глаза.

— Добро пожаловать в мой дом, леди Грэзиэна, — мужчина отвесил ей издевательский поклон и достал острый, как бритва нож. — Я так очарован вашей неземной красотой, — пара точных надрезов, звон металла — это лезвие «нечаянно» задело длинные серьги, рывок, и платье лазурной лужицей стекло к ногам.

Испуганный всхлип, лишь подзадоривший весельчака.

— Личико ваше я уже разглядел, ротик исследовал, — резкий звук вспарываемой шнуровки корсета, — посмотрим, что там у нас под обёрткой. — Нательную сорочку он попросту порвал.

Надежда всколыхнулась в ней, когда стал виден защитный амулет. Может, хоть это его остановит? Хотя, странно, почему тот никак не отреагировал на нападение? Девушка вообще чувствовала себя удивительно отстранённо от происходящего, как будто это всё не настоящему. Только чёртово жжение в горле не давало забыть о себе.

— Прекрасно, — деловитое ощупывание, — отличный экземпляр. То, что мне надо, заодно Миру насолю.

Он нажал на расположенный внизу рычаг, слегка наклонив крестовину назад. Теперь Люба полулежала на перекрещенных досках, руки и ноги ощутимо затекли от неудобной позы распятой звезды.

— Ну как, дорогая, — он вновь взялся за нож, с особым наслаждением разрезая последнюю преграду — шёлковые панталоны, чулки не в счёт, от их наличия уже ничего не зависело, — готова стать моей женой?

— Кхе-кхе, — закашлялась попаданка, с трудом успевая за извилистой логикой бородача, — ничего себе предложение! — говорить удавалось с трудом, но не высказаться она не могла.

— Да, я такой, оригинал, — подмигнул насильник, — расслабься, детка, тебе понравится! — И резко вошёл по самое немогу.

— А-а-а, — истошно захрипела уже снова не девушка, окончательно надрывая связки и теряя голос. Острая боль пронзила до самой макушки, казалось, что в неё воткнули раскалённый прут и теперь его проворачивают. Хороший такой прут, увеличенного диаметра. И ни прежний опыт дефлорации, ни даже роды не смогли подготовить её к такой боли. Хотя, что сравнивать — там были эндорфины и эйфория от результатов, а здесь жестокое насилие. Ничего общего, ничего хорошего.

Внезапно вокруг поднялся сильный ветер, прерывая столь увлекательное для мужчины занятие, и в центре комнаты материализовался ещё более бледный, чем обычно, Брэгдан.

* * *

Вернувшаяся к пустой скамейке леди Друзэлла обеспокоенно огляделась в поисках

подопечной. Зная, что без неё девушка никуда бы не ушла, по крайней мере, не попрощавшись, она напрямик направилась к выходу — именно там дежурила вся охрана, в том числе и личная. Поскольку пикник был на высочайшем уровне с закрытым доступом, присутствие стражи внутри периметра не требовалось, настолько силен защитный контур и жесткая система безопасности. Каждый слуга, официант, не говоря уже о поварах, проверены не на один раз, любое применение магии выше третьей степени автоматически блокируется. Какую неприятность умудрилась найти себе принцесса — непонятно! Где-то на задворках сознания мелькала мысль, что она могла просто отойти с кем-нибудь пообщаться. Да, могла, но не стала бы — графиня не сомневалась в благоразумности молодой леди. А ещё всё возрастающая тревога, что счёт может идти на минуты не покидала её.

Первым, кого она увидела, был служащий герцога Дарийского. В первые несколько секунд она засомневалась — не хотела, чтобы вмешивался этот несносный интриган, но, как назло, королевские охранники как сквозь землю провалились.

— Госпожа Гарложская, — вежливо поклонился Грэгг, зорко всматриваясь за её спину, — а где мазель Грэзиэна?

— Срочно, тревога, она пропала, — отрывисто выплюнула женщина и взволнованно сжала ридикюль.

Повторять дважды не пришлось. Он тут же рванул внутрь, как пёс, приюхиваясь к воздуху. К её величайшему изумлению, мужчина безошибочно нашёл ту самую скамью, повертел каким-то амулетом, зло сплюнул на землю и активировал экстренный вызов господина. Появившийся в сером вихре маг отличался отвратительным настроением, видимо, его оторвали от чего-то увлекательного.

— Если я сейчас сочту проблему недостаточно сложной..., - угрожающе начал он.

— Господин, принцесса пропала, — не дал договорить Грэгг, понимая, что за промедление он получит больше, чем за невежливость.

— Невозможно, — холодно отрезал герцог, на всякий случай проверяя парный амулет к тому, что висел на его подопечной. Усилил звук, дабы продемонстрировать всю нелепость предположения и услышал такой крик, от которого у него вздыбились волосы, даже на руках. Что уж говорить о впечатлительной даме престарелого возраста.

— Дьявол! — яростно ругнулся и активировал встроенный в амулет телепорт.

И никакой защитный контур не был помехой для его магии.

* * *

— Какого чёрта, Вилдар Варокский?! — гаркнул всегда холодный и надменный герцог. Сейчас от бывшего хладнокровия не осталось и следа.

— Дядя? — не прекращая процесса, он лишь слегка обернулся. — Какого ... ты здесь забыл?

— Прочь от неё! — насильника отшвырнуло к противоположной стене, явив взорам его окровавленные чресла. — Дьявол! — Брэг впился взглядом в обнажённое тело подопечной, с вожделением отмечая, как алые струйки перекрашивают белоснежные чулки в цвет похоти и разврата.

— Ты можешь мне объяснить, за каким..., - внезапно похитителю отказал голос. Он продолжал разевать рот, но без вербального результата.

— Дебил, — презрительно бросил маг и, тяжело вздохнув, приступил к врачеванию.

Люба резко расслабилась, самой себе удивляясь. Казалось, ещё совсем недавно она постоянно ожидала от него подвоха, была начеку, а теперь радуется тому, что он пришёл. И защитил. И снова лечит.

— Потерпи, малышка, — приговаривал Брэг, прикладывая амулеты к пострадавшим участкам. Внутри него росла ярость: как так, какой-то сопляк сорвал ему все планы! И по поводу девчонки, и касательно внедрения в королевскую семью. Последнее, кстати, для этого балбеса и делалось, — сейчас, я тебя подлатаю.

К счастью, восстанавливать плеву в данной ситуации было значительно легче: во-первых, кожа никуда не делась, только надорвалась, во-вторых, организм сейчас сам стремился зарастить повреждение, требовалась лишь небольшая корректура.

— Что ты делаешь? — вытирая причиндалы куском бывшего платья, Вилдар всматривался в странные манипуляции.

— Невинность восстанавливаю, — злость, казалось, сконцентрировалась в его голове, он говорил, будто ядом плевался, — ты едва не угробил чуть ли не единственную возможность взойти на престол.

Ошарашенный родственник только и мог, что хлопать глазами.

— Что, опять? — возмущённо вскрикнула Люба насчёт первой части высказывания, прерывая семейные разборки. Вторая ей не понравилась вовсе. Получается, её руками расчищают путь вот этому садисту? Яблоко от яблони...

— Не опять, а снова, — нравоучительно покачал указательным пальцем седовласый и звонко щёлкнул пальцами.

Кандалы осыпались на пол, онемевшее тело скользнуло вдоль крестовины, но было поймано старшим Злыднем. К слову сказать, выглядел он даже младше племянничка, если в глаза не смотреть. Именно в этот эпичный момент вошла та самая дама в фиолетовом с высококультурного пикника.

— Что здесь происходит? — надменно поднятая бровь, вымораживающий взгляд и гордая осанка — всё в лучших семейных традициях Брионских. — Вилдар, почему ты в таком непотребном виде? День ещё в разгаре, мало ли кто может пожаловать в гости.

«Ага, то есть цена вопроса — время суток», — ехидно заметила обнажённая Люба в чулках с авторской росписью, — «а не обстановка в целом». Она уже слегка пришла в себя, правда, не могла унять неприятную дрожь от прикосновений мага.

— Почему ты меня не предупредила о вашем приезде? — не менее вымораживающим тоном спросил глава рода.

— С какой стати я должна это делать? — определённо, по концентрации стержовности она могла переплюнуть весь придворный серпентарий вместе взятый.

— С тех самых, дорогая Флазара, — ему надоело стоять с голой девицей на руках, посему он решительно двинулся в сторону её комнаты, — как мы решили посадить Вилдара на трон Кординии. А этот великовозрастный балбес умудрился похитить ту единственную, которая способна расчистить нам путь.

Какое-то время госпожа Маронская молчала, переваривая информацию. Но, когда на её идеальную кровать положили какую-то грязную девку, она вновь подала голос.

— Что же ты тогда её не защитил, как следует? Если наш бесталанный в магическом плане Вил смог умыкнуть её с тщательно охраняемой территории, то любой другой смог бы это сделать.

Сынок, к слову, успел облачиться в домашний халат, отчего ещё больше стал похож на отца — его величество Базальда Варокского.

— Настройка амулета завязана на моей крови, — казалось, будь в комнате фонтан, он бы мгновенно замёрз и осыпался колкими сосульками, — сама знаешь, так удобней. А ещё я имел неосторожность дать ему амулет экстренной телепортации. Поэтому, — с нажимом продолжил уже в сторону младшего маньяка, — ты не подходишь к ней ближе, чем на десять шагов. Иначе так и останешься простым незаконнорожденным отпрыском старого короля. Ненаследным, — мстительно забил последний гвоздь в крышку гроба, в коем упокоил его самолюбие.

* * *

В её голове продолжала вертеться информация, услышанная в доме кухни. Они тогда вообще много чего друг другу наговорили, не обращая особого внимания на полуобморочную девицу. А та старательно прикрывала глаза, чтобы не дай Бог обратить на себя лишнее внимание. Оказалось, что предыдущих барышень он вводил в королевское окружение под разными личинами: одна работала горничной, другая стала дочерью-дебютанткой одного из заговорщиков, выросшая вдали от столицы. Естественно, обе соответствовали любимому типу наследного принца. Первую быстро устранили коллеги по работе, когда увидели неприкрытый интерес его высочества, вторую, похоже, кто-то из высшего света (или ищеек Корда), по тем же причинам. Подкупить уже имеющуюся любовницу не представлялось возможным, ибо о ней ничего не знали, в том числе существует ли она в природе. С Любой он решил пойти ва-банк, даже с королём Меравии договорился о генетических образцах и недавно разыгранном представлении оскорблённого посольства.

«Вот это интриган — всё продумал!» — не могла не восхититься изощрённым умом.

Расчёт был действительно хорош: давняя помолвка играла на руку, а к находящейся под покровительством самого короля принцессе просто так не подобраться. Да и слишком она заметная фигура, чтобы по-тихому устранить. Вот только собственного племянника он не учёл, за что и поплатился. Хотя, пострадала как раз таки Люба, он же лишь потерял сотню-другую нервных клеток и истратил очередной резерв исцеляющих амулетов. Неприятным шлейфом шла незапланированная отсрочка на три месяца — срок восстановления ментального фона пострадавшей, но кто сказал, что королевские свадьбы быстро играют? В принципе, пока они раскachaются на официальное подтверждение помолвки, пока платье сошьют да мероприятие подготовят... Тот же квартал и пройдёт, если не больше.

Примерно такого содержания крутились мысли в седой голове, пока девушка не проснулась и не осознала, что не может. Ничего. Совсем. Выйти на улицу казалось ей пыткой, говорить с людьми — камни ворочать. Да, физически её подлатали, а вот морально... душу истерзали настолько, что не осталось ничего, кроме безотчётного страха и тупой апатии.

— Ты и сама прекрасно понимаешь, что сейчас уже поздно отступать, — в своей любимой манере «все люди — смерды, кроме меня любимого» выговаривал ей Брэг. — Мы зашли слишком далеко — на тебе теперь очень много завязано.

Люба молча сидела в кровати, закутавшись в одеяло и смотрела на портрет розовощёкого и розовогубого принца.

— Я открыто заявился в качестве опекуна, а значит, моя репутация может пострадать. Заменить тебя невозможно, так что возьми себя в руки и поднимайся, чёрт возьми! — под конец он довольно сильно повысил голос, заставив вздрогнуть хрупкую фигурку.

Девушка продолжала изучать местную живопись. Её остекленевший взгляд начинал пугать собеседника. Слишком много свалилось на неё за последнее время, начиная с попадания и заканчивая вчерашним изнасилованием. Какой бы ни был герцог крутой маг, он не смог уберечь её от увечий. Более того, некоторые вообще лично организовал. Что бы он там ни говорил о строжайших условиях, которые выставил похитителям, она всё равно пострадала. О Вилдаре вообще отдельная статья — уголовная. Понравилась она ему, видите ли! Когда только успел разглядеть? За ту пару часов, что она провела на проклятом пикнике? Захотел он, видите ли, заполучить принцессу в жёны, одновременно насолив Миральду — ненавистному сводному брату. А что, он ведь тоже королевской крови, значит, имеет право. Вот тебе и тёмный властелин, как она его однажды про себя поименовала. Слишком много на себя взял, не посчитал нужным проинформировать всех заинтересованных сторон, да попросту не учёл фактор кровного родства. А ей теперь живи с этим: улыбайся, учи историю, соблазняй принца, лавируй от короля с его главмагом. Хватит! Устала... надо перевести дух... затереть воспоминания.

— Мне нужно время, — наконец, выдала измождённая девушка.

— Время, — он пристально изучал её осунувшееся лицо, потухшие глаза, — сколько?

— Не знаю, — зябко пожала плечами, — и лучше уехать из города, чтобы никого не видеть и не слышать.

— Как ты себе это представляешь? — он хотел добавить желчи, но она почему-то отсутствовала. — Король не отпустит тебя без веских оснований.

— Если честно, мне всё равно, — ответила Люба и сжалась от негодующего взгляда белёсых глаз.

Мосье Брионский тут же раскатал трубочку с контрактом и зачитал параграф с обязанностями.

Станный, противоречивый коктейль ощущений охватил блондинку: страх перед магом и страх перед всем остальным миром. Это были два разных чувства. Одно пугало конкретными последствиями, ужасными, но осознаваемыми. Второе же было безадресным, в какой-то степени иррациональным, но от этого не менее весомым. Даже череп не казался настолько ужасным, хотя и от него ничего хорошего ждать не приходилось.

— Я, правда, не могу, — она сглотнула вставший поперёк горла ком и заплакала. Тихо, безнадежно, в бесщётный за последние сутки раз.

В своей долгой и весьма разнообразной жизни он видел бесчисленное количество слёз,

большинству из них был причиной. Какие-то вызывали досаду, недовольство, либо, напротив, удовлетворение, а то и наслаждение. Страдания кузины обычно пробуждали злость на обидчика или раздражение, если предназначались для вымогательства каких-либо благ. Впрочем, последнее относилось ко всем представительницам женского пола. Но то, что он видел сейчас, не подходило ни под один известный ему тип. Девушка не работала на публику, не пыталась разжалобить, очевидно, в этот момент она успела позабыть, что находится не одна. Глаза смотрели внутрь себя, показушные всхлипы и прочие атрибуты истерики отсутствовали. Казалось, будто что-то в ней сломалось. Та пружина, которая выпрямляла её гордую спину всякий раз, как он пытался её прогнуть под себя, лопнула. Или растянулась и превратилась в обычную проволоку. Обвислую, не годную даже для обмотки, так как крошилась на сгибах.

— Ладно, — сам от себя не ожидал подобного ответа, — я что-нибудь придумаю.

Глава 9. Арт — терапия

Через три дня Люба, собрав остатки силы воли в кулак, стояла перед его величеством Базальдом Варокским, боясь даже мельком смотреть в его лицо — слишком оно напоминало его незаконнорожденного отпрыска. Возле него, как всегда, кружил ворон, которому даже эпитет дать сил не было. Встрёпанный? Лохматый? Без разницы — лишь бы отпустили, иначе она просто не выдержит. Миральд обиженно взирал на готовую ускользнуть на неопределённое время невесту, не понимая, зачем ей удалиться в родовое поместье Брионских, чтобы соткать ему ковёр в подарок на грядущий день рождения. В конце концов, он будет только через четыре месяца, можно успеть, никуда не уезжая и работая по вечерам... или утрам... когда у неё там свободное время?

— Вы не понимаете, — усердствовал Брэгдан, смотря только на короля, особо тщательно избегая встречи взглядами с бывшим однокурсником, — леди Грэзиэна — тонкой организации душа, ей нужна спокойная обстановка, свежий воздух и никаких помех.

— Это можно устроить в резиденции покойной королевы, — возразил герцог Дагонский, тщательно изучая мимику принцессы.

Люба испуганно сжалась, прекрасно понимая, что в таком месте уединения ей не видать, как селёдки под шубой — не водилась здесь такая рыба. Естественно, главмаг не упустил ни судорожно сведённых плеч, ни поникшей головы.

— Грэзи уже привыкла к той обстановке, там у неё есть уютная, обжитая комната, — на этих словах она чуть не хмыкнула, вспоминая минималистический дизайн в стиле пыточной, — рабочий уголок и любимое море под боком.

Насчёт последнего девушка была полностью согласна: мрачные воды Брионского залива как никогда подходили сейчас её настроению. Она осторожно подняла голову и утвердительно кивнула.

— Комната? — ужаснулся король, — такой прелестной леди требуются как минимум пятикомнатные апартаменты! — с его стороны это была явное издевательство, учитывая, какой клоповник ей выделили во дворце. Это возможной-то королеве! Если бы не вовремя подсуетившаяся Друзэлла, хитростью вынудившая Брэга сделать косметический ремонт и более-менее прилично обустроить, умываться ей в тазу, а причёсываться перед потемневшим от времени зеркалом. Ночевать она там никогда не оставалась, но в суматошные дни частенько освежалась и отдыхала между мероприятиями.

— Б-благодарю, ваше величество, — тихо и немного хрипло, хотя связки ей подлечили в тот же день, ответила Люба, — но мне действительно для вдохновения нужна вода. Я очень люблю эту стихию.

Слова отказа, уже готовые вырваться наружу, застряли посреди горла. Он сам не понял, что именно на него подействовало — обычно тихие интонации его лишь подзадоривали самоутвердиться — но внезапно он поймал себя на мысли, что не в силах отказать такой просьбе. Крепко задумавшись, он продолжал пристально наблюдать за девушкой, которая ещё больше съёжилась от его тяжёлого взгляда.

«Что же случилось с тобой, девочка?» — вглядывался Корд в равнодушную маску принцессы. Но, как бы ни старалась она держать лицо, её выдавали глаза, разом потерявшие свою притягательную синеву. Они как будто выцвели от времени. Или вылиняли от бесконечных слёз.

Переглянувшись с королём, он кивнул, чёрная прядь вновь упала на впалую щёку, рассекая её наискосок.

— Раз уж вы так сильно просите, — неожиданно мягко прозвучал густой бас его величества, — сколько времени вам понадобится?

— Не больше трёх месяцев, — поспешно отчитался Брэгдан, — а, может, и меньше.

Люба промолчала, еле держась на ногах от облегчения. Она предельно аккуратно, дабы не упасть, присела в реверансе и опёрлась о руку опекуна.

— Благодарим за понимание и оказанную милость, — поклонился герцог, а сейчас прошу прощения, нам надо торопиться в дорогу, — и они поспешно покинули двор. Мужчина едва успевал придерживать рвущуюся на свободу девушку. — Тихо, не спеши, держи спину и лицо, — шипел он ей в ухо.

Глядящий им в след Корд задумчиво крутил кончик хвоста вокруг пальца и размышлял, как лучше организовать слежку. То, что в имении все, вплоть до последнего таракана преданны хозяину, он знал не понаслышке, но есть же ещё и артефакты. Хотя, магическая защита там стоит не хуже, чем в королевских покоях, может исказить, а то и заглушить работу. «Как же к вам подобраться?» — побарабанил по стеклу, — «Надо будет лично туда наведаться... пару раз..., заодно посмотрим, что там у неё за тонкая натура. Поди, купят ковёр и выдадут за свой, а тут он, с инспекцией. Отлично!»

* * *

Собирая подготовленные нитки, Люба поймала себя на мысли, что ни о какой Сене она сейчас думать не может, не то, что ткать. Яркие цвета её раздражали и резали глаз. Так и не закончив сборы, она надела скромное платье, убрала волосы под чепец среднестатистической горожанки и отправилась в магазин пряжи. Ей было гораздо проще ходить незаметной скромницей, так она чувствовала себя куда в большей безопасности, чем под охраной Ждары и Грэгга. Компаньонка, кстати, так пока и не вернулась, пропадая неизвестно где. Впрочем, ей было уже всё равно, лишь бы убраться подальше от любопытных глаз и вездесущих ушей.

— Чем могу быть полезна? — вежливо улыбнулась продавщица, не узнав в скромной женщине высокородную леди. Иначе бы уже рассыпалась в поклонах и одолела услужливостью.

— Я сама выберу, спасибо, — откликнулась девушка и подошла к полкам с серой шерстью.

Размышляя над тем, что может получиться из той цветовой гаммы, на которую её потянуло, она вспомнила удивительные картины Айвазовского со столь любимым ей морем. Большинство из них изображали его либо в рассветных или закатных лучах солнца, либо отображали разные оттенки воды от глубокого синего до прозрачной бирюзы. Но имелся ряд полотен с мрачным, грозным морем, где волны бьются о серые скалы, где холодные брызги словно летят тебе в лицо, словом, всё то, что бушует сейчас в её израненной душе.

Когда она увидела объём упакованной покупки, то поняла, что без носильщика не обойтись. Прозорливая торговка кликнула сына — тщедушного паренька, закачавшегося, как лист на ветру, когда взгромоздил всю поклажу. Медленно и печально они продвигались к дому, распугивая прохожих опасными кренами.

Надо ли говорить, что королевские соглядатаи ухотались до колик в животе, глядя на сию эпичную картину. Им, конечно, приходилось сдерживаться, отчего неприятные последствия лишь усугубились. Главмаг после доклада о происшедшем глубоко задумался, особенно относительно пятидесяти оттенков серого. Что это будет за ковёр, для которого требуется уединение на берегу океана и куча шерсти унылой расцветки?

Любе, к слову, было глубоко наплевать на слезку, хотя она прекрасно знала, что одну её не оставят, пока она не выполнит условия проклятого контракта и не вернётся в родной мир. Обнимет, наконец, своего любимого зайца, попьёт чаю с мамулей и вновь пойдёт на нервную, но такую безопасную работу. Что ей там может грозить, кроме гнева шефа относительно опечатки в договоре? Максимум увольнение! Да после пережитого это просто тьфу и растереть.

Больше всего псевдопринцессу поразила кардинальная смена интерьера в комнате тёмного замка. Мрачные стены задрапировали нежной абрикосовой тканью, кровать заменили на более изящную, как и весь мебельный гарнитур. Райские птицы смотрели на неё с шёлковых штор, стыдливо прикрывая кованые решётки. Даже на ковёр раскошелились! Огромный, во всю комнату, с высоким ворсом цвета топлёного молока и замысловатым узором — как будто шоколад пролили. Зато когда она увидела уборную, то чуть не прослезилась... от идиотизма дизайнера. Нет, насчёт сантехники претензий не имелось, а вот тюлевые шторы вокруг ванны, повешенные на манер детского балдахина вызвали сомнение в его здравомыслии. Если он хотел прикрыть срам моющего, то кардинально промахнулся в фактуре ткани, а если таким образом создавал романтический антураж, то ошибся с временной владелицей апартаментов.

Горько усмехнувшись, она справила естественную нужду и пошла разбирать багаж. На платье ей было начхать, куда больше интересовали нитки, которые предстояло стричь и стричь. А ещё нарисовать образец, и, пусть, она была не сильна в живописи, сейчас ей овладел какой-то отчаянный азарт. Как будто нет ничего важнее, чем выполнить задуманное. Словно от результата зависит её дальнейшая жизнь. Странное ощущение... иррациональное, но такое поглощающее.

* * *

Главный королевский маг сидел в своём кабинете и слушал доклад соглядатаев, которых он отправил в поместье герцога Брионского.

— Каждый день гуляет вдоль обрыва, — отчитывался наружный наблюдатель, — сначала рисовала, потом стала просто подолгу смотреть вниз. — Он зябко передёрнул плечами, вспоминая мрачные воды залива. — Один раз даже чуть не шагнула в пропасть.

— И что её остановило? — Брэг незаметно сжал руки под столом, не отдавая отчёт в собственных действиях.

— Сложно сказать, но такое чувство, будто она напоролась на охранную преграду.

— Ты изучил потом местность? — он подался немного вперёд.

— Только визуально с дальнего расстояния. Территория вокруг замка закрыта для посторонних

— артефакты.

— А ты что? — он кивнул смазливой девице. Выглядела она лет на семнадцать, на деле же давно разменяла четвёртый десяток.

— В её комнату может входить только личная горничная и компаньонка, — бодро отчиталась шпионка со стажем, — обе молчат, как рыбы. Там, кстати, никто особо разговаривать не любит — боятся вылететь. Туда вообще очень сложно попасть, мне повезло, что пара служанок уволилась.

— Почему? — наклонил голову набок, отчего ещё больше стал похож на ворона.

— У хозяина прогрессирующий спермотоксикоз, — пожала плечами, мол, и не такое проходила, — лютует, как подросток.

Кордаван недовольно поджал губы и нахмурил смоляные брови.

— Что у него с подопечной? — выдавил, наконец, очередной вопрос.

— Кроме того, что он её хочет до зубовного скрежета? Ничего. Они практически не видятся.

— С чего такие выводы? — и только сейчас он обратил внимание, что Лара сменила свой любимый рыжий цвет волос на блонд.

— Да-да, именно поэтому, — заметила она его взгляд, — если раньше он предпочитал разнообразие, то теперь «балует» только с голубоглазыми блондинками. Ретиво, кстати, шалит, с огоньком. — Женщина давно перешагнула порог излишней скромности и романтичности. Потому и пошла на службу в королевскую разведку — за адреналином и специфическими приключениями. И стала одной из лучших, поскольку способна была выкрутиться из любой ситуации, даже самой щекотливой. В первую очередь за счёт отсутствия комплексов и табу.

Маг скривился от брезгливости. Он предпочитал не смешивать работу и личную жизнь, но поскольку результаты Лары зачастую превосходили достижения многих, промолчал. В который раз.

— Что-нибудь ещё?

— Пока всё.

— Тогда возвращайтесь на места, продолжайте наблюдение. Как только что-нибудь произойдёт, сразу уведомляете. Да, будете уходить, секретаря позовите.

— Вызывали? — как всегда собранный, с неизменным планшетом с бумагой и карандашом, секретаря присел по другую сторону стола и приготовился записывать.

— Официальное уведомление герцога Брионского о посещении его родового поместья высокой королевской комиссией для проверки условий проживания, здоровья и самочувствия подопечной его величества, короля Кордиины Базальда Варокского, Грэзиэны Дарийской. Подпись, дата, место для печати.

— Что-нибудь ещё?

— Нет, поторопись с документом. Как только придёт ответ, сразу же телепортируемся.

* * *

Дни для Любы тянулись серой монотонной чередой. Единственное, что её радовало, так это то, что и зарисовка и непосредственно панно получались отменно. Меланхолия оказалась в этом непростом деле на руку — девушка спокойно погрузилась в монотонную работу: брала ниточку, продёргивала её между нитями основы, завязывала узелок и так бесщётное количество раз. Где-то сверяясь с картиной, где-то действуя по наитию, она играла цветами. Оттеняла бледно-бирюзовые волны белёсыми шапками пены, вплетала более тёмные прожилки, из-за которых вода казалась мраморной. Подбирала тончайшие нюансы светло-серого для прибрежных скал, опушила их верхушки тёмной зеленью, даже умудрилась изобразить стоящую на краю обрыва пару. И всю эту мрачность, пусть слегка, ненавязчиво, пробиваясь сквозь толщу мрака, освещали сероватые солнечные лучи. К ним-то и стремилась заваливающаяся на волнах лодка с согбенными фигурами людей, пытающимися вытянуть из воды товарища по несчастью. До берега казалось рукой подать, но высокие, коварные волны мотали бедолаг туда-сюда. Несколько чаек, довольно схематичных, но вполне узнаваемых кружили над волнами. А в глубине тьмы, напорвшись на прибрежные камни, смутно вырисовывался корабль. Его было практически не видно, лишь мачты и кончик носа оттенялись скупым светом, да тщедушный флажок трепетал на ветру. Флажок цвета запёкшейся крови.

Это панно, как ничто другое отображало её внутренний мир, как будто его вывернули наизнанку и выставили на обозрение. Разбившийся корабль — её никчёмная, трагикомичная жизнь. Люди в шлюпке, упорно пытающиеся добраться до спокойной суши — она сама, с упорством носорога идущая к заветной цели. Вон она — виднеется невдалеке, но добраться до неё ой как непросто. А фигуры на скалах — самые близкие люди, до которых вообще непонятно как добираться.

И вот, когда ей осталось совсем немного — доткать верхушки деревьев на скалах да хмарь туч, в имение заявился Кордован своей собственной вороньей персоной.

* * *

Брэгдан откровенно тянул время. Согласие на официальный запрос о посещении подопечной он откладывал около двух недель. То у него дела в столице, то собрание тёмных магов, то ещё какой-нибудь предлог. В итоге, озверевший Кордаван уже открытым текстом пригрозил о жёстких мерах в случае препятствованию королевской комиссии. Делать нечего, пришлось впускать в свою цитадель каких-то сомнительных личностей, да ещё позволить им общаться с несносной подопечной.

— Неужели это случилось — я вновь попал в твой замок? — иронично поприветствовал ворон.

— Разве докладов соглядатаев недостаточно? — ехидно ответил седовласый.

— Ты сам прекрасно знаешь, что ближе, чем на сто метров к замку не подобраться, — не стал скрывать наличие наружных наблюдателей.

— А как же та блондинка? — заговорщицки подмигнул, — хороша, чертовка! Знает толк в плотских утехах.

— Меня не интересуют твои интрижки, — Корд брезгливо поморщился, — лишь бы принцессу не трогал.

— За кого ты меня принимаешь? — оскорблённо задрал и без того надменный подбородок.

— Брось, Брэг, я знаю тебя, как облупленного, — едкая усмешка, — проводи меня к Грэзиэне, или как там её зовут.

— Так и зовут. Бедная девчонка, не повезло ей с именем. Я её ласково Грэзи зову, но всё равно звучит по мышиному.

— Хватит мне зубы заговаривать, веди! — прервал пространные излияния Корд.

Естественно, наедине их ни в коем случае не оставили. В комнате, довольно неплохо обставленной, помимо принцессы сидела компаньонка, да и хозяин не спешил удалиться. Впрочем, он на такую удачу и не рассчитывал.

— Мазель Грэзиэна, — поприветствовал он девушку, отвесив придворный поклон.

— Мосье Кордаван, — та присела в ответном реверансе. Сегодня на ней было простое домашнее платье из жёлтого муслина, без излишних кринолинов или турнюров, что, несомненно, украсило тонкую, изящную фигурку.

— Прекрасно выглядите, — он пытливо вглядывался в милое личико, отмечая круги под глазами, напряжённое выражение и общую нервозность.

— К сожалению, не могу сказать того же о вас, — она коротко улыбнулась, открыто глядя в его чёрные глаза с не меньшими кругами от бесконечной работы и тонкой сеточкой мимических морщин.

Компаньонка даже привстала от такой дерзости, Брэг нахмурился, Корд же, напротив, криво ухмыльнулся.

— Вашими трудами, в том числе.

— О, неужели мысли о моей скромной персоне не дают вам покоя? — Люба картинно приложила руки к груди. — Смею вас уверить, я веду себя примерно и почти закончила подарок, — махнула рукой в сторону работы.

Заинтригованный, он подошёл к окну, около которого стоял ткацкий станок, и замер от неожиданности. Герцог никогда не видел такой удивительно тонкой работы, как будто перед ним застыло играющее волнами море. Величественное и мрачное.

— Такого не бывает, — едва слышно пробормотал он.

Девушка ничего не ответила, хотя всё прекрасно расслышала. Лишь смущённо отвела взгляд.

— Где вы так научились? — не сказать, чтобы он разобрался в ткачестве, но ковров повидал

немало: и простых, и заморских.

— Чему именно? — меланхолично спросила она. — Технике? У няни. Колорированию? Это моя душа, — грустно усмехнулась, глядя на мрачные тона, — какая есть.

— Плачущая, — не спросил, констатировал главмаг. — Когда вы планируете вернуться ко двору?

— А надо? — вопросом на вопрос не отвечают, но она надеялась, что её слова поймут правильно.

— Смотря кому, — столь же туманно ответил главмаг. — Прогуляемся?

— С удовольствием.

Компаньонка, и до того сидевшая, как на иголках, тут же подскочила. Опекун решил не нагнетать обстановку своим присутствием, предполагая, что и без него она ничего лишнего сказать не сможет — договор не позволит. Полунамёки же к делу не пришьёшь, да и Ждара в случае чего вмешается, а слушать разговор через амулет куда удобнее, чем зябнуть на ветру. Накинув на плечи плащи, они вышли на улицу. Как ни странно, но специфический антураж внутреннего убранства замка ничуть не удивил Корда, как будто он уже был здесь когда-то. Подметив сей любопытный факт и присовокупив его к предыдущим наблюдениям, Люба поняла, что этих двоих связывает куда больше, чем обычная вражда противоположных лагерей.

— Как вам? — с нескрываемым любопытством спросила принцесса, когда перед ними в какой-то паре шагов открылась суровая бездна.

Ждара предупредительно шикнула, держась подальше от обрыва.

— Жутковато, — честно ответил ворон, — и как вы решились? — еле слышно спросил он, непрозрачно намекая, что в курсе её попытки шагнуть вниз.

— Не от хорошей жизни, поверьте, — на том же звуковом уровне ответила блондинка и прямо, не скрывая горечи, взглянула ему в глаза.

Море шумело, чайки кричали, говорили тихо, поэтому магиня не услышала последнюю часть разговора. Впрочем, не расслышал её и Брэгдан, несмотря на расширенные функции артефакта — по тем же причинам.

«Что же с тобой случилось, девочка?» — в который раз задался вопросом Корд, взглядом вопрошая собеседницу.

В ответ она сжала его руку, так, чтобы никто не смог этого увидеть, и с силой сдавила пальцы. До хруста в костях.

* * *

Наконец, когда работа была закончена, Любу охватило потрясающее умиротворение. Вода с панно словно вымыла, растворила всю горечь и боль, скопившиеся за последнее время. Казалось, будто она оставила частичку себя в своём творении. Не самую лучшую, но самую болезненную. Конечно, она ничего не забыла, но воспоминания подёрнулись сизой дымкой, отгородив сознание от эмоций, но оставив жизненный урок.

Вот такая обновленная Любовь и вернулась обратно в Корданию, чтобы взять быка за рога и таки выйти замуж за этого несчастного принца, чего бы ей это ни стоило!

Глава 10. Бинго!

— Нет, — категорично возразила Люба, отмахиваясь от очередного портновского шедевра в стиле «баба на чайник», — надо что-то экстравагантное, чтобы душа развернулась, а потом свернулась.

Портниха, уставшая до нельзя от придирок заказчицы, чуть не застонала. Если с прошлыми туалетами споры решались довольно быстро: оборку лишнюю отпороть, кружев поменьше, вырез нарастить, чтобы грудь не вываливалась, то сейчас она забраковала все варианты костюмов для бала-маскарада. Все!!!

Проходящая мимо гор разноцветного шёлка, попаданка чувствовала лёгкую тошноту. Да, она сумела сублимировать свою депрессию, но осадочек-то остался! Нет, она точно не хотела ничего светлого и ничего яркого.

— Что же вы хотите? — в отчаянье спросила полная женщина.

— Мм, — девушка остановилась в раздумье, подошла к шкафу и выудила с антресолей свою тренировочную работу по ткачеству — панно с монохромной символикой инь-янь, — что-то в этом духе.

— К-как? — та недоумевающее уставилась на двуцветный круг с кривой разделительной полосой и кружочками противоположного цвета.

— Вот смотрите, в каждом из нас есть светлое и тёмное начала, — указала на соответствующие сектора, — а в рамках каждого из них... — она кратенько изложила смысл древнего восточного символа, уловив, наконец, отблески понимания.

Сказать, что портниха была впечатлена — ничего не сказать. С одной стороны, её поразила глубокомысленность идеи, к тому же она всегда любила работать на контрасте, с другой — это был вызов. Вызов всему: подбору цвета, основам кроя. Вот как, скажите на милость, шить округлые кривые так, чтобы они идеально легли по фигуре и нигде не топорщились? О криволинейном конструировании здесь слыхом не слыхивали, по крайней мере, такого уровня.

— То есть вы хотите таким же манером оформить костюм? — она прикидывала, где бы взять чёрный шёлк, с белым-то проблем не возникало.

— Да, надоело это разноцветье, — передёрнула плечами, — хочется строгости и элегантности.

— Вас не смущает, что ткань придётся покупать в лавке гробовщика? — вспомнила, наконец, где можно достать чисто чёрный материал нужной фактуры.

— Напротив, — после бесед с inferнальным черепом не до суеверности, — вот только не знаю, разные туфли надевать или не стоит настолько эпатировать публику?

— Давайте сначала эскиз набросаем, — творческий азарт проснулся и требовал реализации, — аксессуары надо ещё подобрать.

И они набросали... несколько вариантов переходов цвета от прямого до волнообразного. Больше всего их взгляд привлекала ассиметрия, причём прямолинейная, рассекавшая фигуру

по диагонали. Вильна тихо радовалась, что не придётся ломать голову с посадкой по фигуре, Любе же попросту нравилась красивая геометрия.

— Как думаете, чем лучше обозначить контрастные вставки? — девушка задумчиво грызла карандаш.

— На лифе уместна брошь, — портниха парой штрихов обозначила декор, — а на подоле вышивка.

— М-м, — сомнения терзали эстетический вкус иномирянки, — нет, мне не нравится. Вот смотрите, если мы уходим от прямой кальки символа, тогда и обыграть его можно по-другому. — Аккуратно стёрла ластиком последние нововведения и зачиркала сама. — По белому вороту можно отделку сделать контрастной, — обозначила полоску кружева, — а здесь пусть будет белая оборка по чёрному подолу, — отметила соответствующее место.

— Рукава делаем разными, я правильно понимаю? — увлечённые дамы не заметили появления в комнате опекуна.

— Приветствую! — он коротко кивнул головой и слегка прикрыл глаза от ряби разноцветья. — Платье выбираете?

— Да, господин маг, — радостно подскочила портниха, — вот только не можем определиться с вариантами.

Тот скривился, как от куска лимона без сахара, но они успели проворно подскочить и, пока он не опомнился, подсунуть лист с эскизами. Герцог уже поднял руку, чтобы чётко обозначить свою нейтральную позицию, как взгляд зацепился за оригинальные рисунки.

— Что это? — он взял наброски и изумлённо уставился на строгие линии.

— Ну, — протянула Люба, — это же маскарад, — к тому же нам надо привлечь внимание.

— Я как раз по этому поводу и пришёл, — он косо взглянул на женщину. Та понятливо кивнула, сделала книксен и вышла из комнаты.

— Я сейчас узнал, что на балу тебя попытаются устранить, — речь текла ровно, как будто он говорил о меню на ужин, — и к этому подключились неслабые маги.

— Кто? — из неё словно воздух выпустили. Плечи устало опустились, в глаза вернулась былая тоска. — Я так понимаю, это не вами запланировано?

— Нет, — он с интересом разглядывал рисунки, поражаясь лаконичности и строгости стиля. Ему определённо нравилось то, что он видел.

— Кордаван? — она застыла в ожидании ответа. Было бы очень обидно, если после того, как она сделала маленький шагок ему навстречу, он решил её убрать.

— Нет, угроза не от короля, — она еле сдержалась, чтобы не вздохнуть от облегчения, — в наших рядах нашлись недовольные твоей слабостью и длительной паузой. — Лёгкий упрёк, не произведший должного впечатления. Иномирянки давно поняла, что ждать сочувствия здесь не откуда. — Пока мы были в замке, здесь многое изменилось.

— И что теперь делать? — Девушка зябко обхватила себя руками за плечи. «Опять какие-то

траблы! Сколько можно?»

— Помимо усиления защитного амулета и повышенной бдительности? — Он взглянул своими невозможными глазами. — Хитрость и коварство!

— Кто бы сомневался, — закатила глаза.

— И это безобразие нам здорово поможет, — кивнул на эскизы, — но официально идёшь в голубом. Того же оттенка, что и на первом выходе в свет.

— Это как? — не поняла смысла тактики. — Переодеваться что ли?

— Нет, этого будет недостаточно, нужна полноценная подмена. Ждара, — многозначительная пауза, — парики, косметика и совсем лёгкий морок на масках. Так многие делают, чтобы сгладить отличительные черты и не быть узанными.

— Она выше меня, — возразила Люба, — не меньше десяти сантиметров.

— Значит, на туфли тоже иллюзию, будто там высокий каблук.

— Понятно, — кивнула девушка, — что посоветуете насчёт модели платья?

— Без разницы — ты там всё равно будешь инкогнито, — и тут его осенило, — кстати, а зачем тебе вообще туда ехать?

— Да без проблем, — пожала плечами, — мне же спокойнее.

— Разве что непосредственно перед полуночью вас поменять местами, чтобы когда наступит время снимать маски, была ты настоящая, — тонкие пальцы теребили подбородок.

— Тогда нужно шить два одинаковых платья.

— А ты что, — он с подозрением посмотрел на подопечную, — неужто, не хочешь повеселиться?

— Спасибо, повеселилась. Хватило. Больше не хочется.

— Да ладно, — он потряс бумажкой, — такие эскизы придумала, значит, пожелала, врунишка. — Протянул было руку потрепать по щёчке, но предостерегающий взгляд остановил его. — Потом быстро переодеваетесь в своём будуаре и всё.

— А если со Ждарой что-нибудь случится? — несмотря на испорченные в последнее время отношения с компаньонкой, она не желала той смерти.

— Она магичка. Сильная. Плюс моя защита.

— Знаем мы вашу защиту, — пробурчала под нос, но вполне слышно.

— Вильдар с матерью сейчас в замке, — он нервно дёрнул кадыком.

— Кто знает, сколько неизвестных отпрысков вашего рода ходит по Кординской земле, — с едкой иронией парировала Люба, — с такими-то семейными увлечениями.

Разозлившись, Брэгдан замахнулся для пощёчины, но вовремя успел остановиться. Девушка

шарахнулась от него, как от прокажённого, с одной стороны, понимая, что сама напросилась, с другой, чувствуя свою правоту.

— Я контролирую ситуацию, — сказано было так, будто он лично отловил и заспиртовал всех своих незаконнорожденных отпрысков, — и с Вилдом тоже, — добавил, предвосхищая готовый сорваться с языка протест.

* * *

Ждара после того, как получила порцию люлей за законные выходные, замкнулась в себе. Да, по-женски ей было жаль Любаню, но вины за собой не чувствовала. В конце концов, та могла бы и не ходить никуда пару дней без компаньонки. Или Брэг мог её не отпускать, каким бы важным не был тот пикник. А ещё лучше — присматривал бы за своим разлюбезным племянником, не умеющим держать удава в гультфике. Какой из него король, если он не той головой думает? А у неё, между прочим, личная жизнь есть! Целых две: Брис и Зарк. Одному семь, второму девять. И мама, присматривающая за ними. Да ещё клочок земли метр на два с крестовиной и синими ирисами.

Как ни странно, но на бал ей не хотелось совершенно. Нет, плохих предчувствий не наблюдалось, риска она давно не боялась — пусть её лучше боятся, как никак, а огневик первой степени. Раздражало голубое платье, которое сама она бы никогда не выбрала, от блондинистого парика чесалась голова, но больше всего ей не нравилось то, что Люба всё-таки решилась идти на бал в том странном чёрно-белом одеянии. Нет, наряд ей нравился, причём куда больше собственного, бесила беспечность. Какого, простите, ей не сидится в комнате в ожидании полуночи?! Отошла от предыдущих приключений? Новых захотелось? Вот только её пусть потом не винят в происшедшем.

«Так, ладно, сопли в сторону! Я профессионал или кто? Надо отрабатывать походку и жесты Грэзи, чтобы комар носа не подточил».

* * *

Наконец, настал тот самый день. Брэгдан на десять раз перепроверил настройки амулетов, добавив к ним маскировку аур. В маски, помимо изменения цвета глаз, добавили коррекцию носа и голосовых связок. Ждара теперь говорила на пару тонов выше, Люба, напротив, опустилась до грудного контральто. Вместо васильковых очей девушка обзавелась не менее выразительными радужками цвета гречишного мёда. Они искрились, как янтарь под солнцем, завораживая золотистыми искорками. К карминным губам — самое оно! Красным она решила накрасить и ногти. Сегодня их было видно, так как вместо перчаток надела митенки из чёрного кружева. Революция, однако. Не говоря уже о провокационном ожерелье из более плотного кружева с алой розой на овальном медальоне. Этакий изысканный ошейник.

В сочетании с белоснежной кожей длинной шеи выглядело сие на грани приличия. Алые губы с ногтями — уже за ней. Маска тоже не выбивалась из общей стилистики, оплетая лицо от бровей до кончика изящного носа ажурными путами. Стоило повернуть голову, и взгляд улавливал блики, играющие на тёмных, как сама ночь, камнях, вставленных в плетение нитей.

Парик Люба решила надеть белоснежный, как у эльфов во «Властелине колец». Видимо, чтобы окончательно добить чуткую психику придворных. Ведь сейчас, как никогда, были в моде кудри разной степени завитости, а тут прямые, как дождь пряди практически до талии. Дабы не перегружать образ, она ограничилась лишь парой бриллиантовых заколок.

Платье в своей основе представляло собой банальное школьное сочетание: белый верх, чёрный низ. На этом сходство с формой заканчивалось, и начиналась игра фактур, контрастов и геометрии. Корсетный лиф из белоснежного атласа волнообразно подчёркивал грудь, при этом довольно надёжно скрывая её от любопытных взоров. Учитывая рост попаданки, возможность заглянуть в пикантную ложбинку есть практически у каждого, не говоря уже о Корде, с его более, чем высоким ростом. Но, не тут-то было! Всё плотно прилегало, давая возможность любоваться лишь закрытой формой. «Так, и что я о нём вспомнила? Он, скорее всего, псевдо-Грэзи будет пасти. Фух, хоть потанцюю нормально». Обхватив левое плечо минималистичным рукавом, тончайший слой чёрного кружева чертил интригующую диагональ, перекрывая часть лифа. Ниже его линию продолжало такое же плетение противоположного цвета, забеляя черноту атласа, продлевая свет там, где уже царствовала тьма. Тем самым создавалась единая геометрия, разделявшая фигуру на две ассиметричные части, и в то же время в каждой из них существовал не только чистый цвет, но и смешанный, а контрастная подложка оттеняла изысканность узора. Белое кружево перекрывало практически всю заднюю часть юбки, не считая бокового заворота, пикантно выглядывая с противоположной стороны подола. Как будто её обмотали гигантским палантином, кончик которого было некуда девать, вот и приспособили. На деле же это был продуманный ход, довольно непростой в реализации, поскольку лишние складки испортили бы всё впечатление. С туфлями решили не мудрить, подобрав удобные белые лодочки с алыми розочками на пряжках.

* * *

Ждара с завистью окинула провокационный наряд подопечной, не замечая, что сама при этом восхитительна. Небесно-голубое платье с ассиметричным подолом верхнего слоя органзы, имитирующим лепестки василька, изящное сапфировое ожерелье, белокурые локоны — нежное, воздушное видение. Самое то для молодой принцессы.

— Не вздумай перепутать роли, — выговаривала она ей в карете, — сейчас ты — это я. Пришла, покрутилась около меня, чтобы все увидели, что я с компаньонкой, только плащ не снимай. Мы с Брэгом войдём в зал, а ты раздёнсья в каком-нибудь закутке, чтобы никто не заметил. Одежду положи в пространственный карман, чтобы не представляться слугам.

— Слушаю и повинуюсь, — заунывным тоном восточного джинна ответила Люба. Сегодня у неё было на редкость хорошее настроение. Что весьма странно, ведь она не сказать, чтобы сильно рвалась на местные танцуйльки.

— В зал войдёшь не раньше, чем через двадцать минут, — не моргнув и глазом, продолжала поучать, — чтобы не перетянуть с принцессы внимание. — Она упорно называла себя в третьем лице.

— Смотри, не назови сама себя принцессой при людях.

— Я похожа на идиотку? — резко отбрила магиня.

На этой оптимистичной ноте дворцовый лакей открыл дверь — они прибыли на бал. Поспешно натянув капюшон, чтобы не светить красными губами, девушка выбралась, старательно подчёркивая доминирующий статус Ждары. Отделившись, наконец, от магов, она в точности выполнила указания по заметанию следов и вошла, наконец, в переполненный зал.

Стоит ли говорить, что её появление вызвало немалые волнения? Конечно, стоит! Ведь основная масса дам представляла из себя цветы, животных и птиц. Одних только кошек она насчитала не меньше десяти штук, заек чуть поменьше, и всего пара лис. Зато роз, фиалок и

прочей флоры цвело в изобилии. Около одного кошмарного, на взгляд жителя её мира, костюма Люба зависла. Дама не погнушалась ощипать несчастного павлина и натывать его роскошные перья в хвост юбки. Сказать, что это выглядело красиво? Наверное. Если абстрагироваться от того, что птичку жалко. Зверская женщина даже хохолок у горемычной жертвы отрезала и прикрепила к причёске. Естественно, о том, чтобы присесть, речи не шло.

«Хоть бы у неё каблук сломался!» — мстительно подумала таинственная незнакомка и демонстративно отвернулась.

Мужчины, кстати, особой фантазией не блистали, ограничившись стандартными фраками и тематическими масками. Молодёжь, правда, оказалась более раскрепощённой и всю щеголяла зверскими образами. В какой-то момент она чуть не поперхнулась от неожиданности, узрев подобие человека — летучей мыши. Естественно, без излишнего облегания, но весьма похожего на киношный образ. Тот, заметив интерес экстравагантной дамы, поспешил пригласить её на танец.

— Удовлетворите моё любопытство, о, прекрасная незнакомка, — приступил к окучиванию монохромной клумбы кавалер, — что означает ваш наряд?

И Остапа понесло! Поскольку все, с кем она танцевала, задавали один и тот же вопрос, а отвечать одинаково ей надоело уже на третий раз, Люба изгалялась, как могла, повергая в немой шок молодых и не очень джентльменов. Причём, чем старше был собеседник, тем забавнее была реакция. Самое невинное объяснение звучало, как «извечное противостояние дня и ночи», тем, кто повзрослее, скармливалась версия о «борьбе и взаимодействии света и тьмы», самым высокомерным она с непроницаемым лицом вещала про «экзистенциальный дуализм». Теперь добрая половина зала судачила о на редкость глубокомысленной прелестнице, что воспринималось прочим зверинцем, как вызов.

Как ни странно, но за маской было совершенно не страшно ни танцевать, ни флиртовать, ни ёрничать. Прикосновения не вызвали дрожи, они вообще ничего не вызывали, что радовало невероятно. В глубине души Люба боялась, что не сможет нормально общаться с мужчинами, и именно поэтому решила пойти на бал-маскарад, ведь в случае неудачи она могла попросту скрыться и не переживать о подмоченной репутации. А так она мягко вливалась в нормальность и вспоминала, что не все мужики сво. Язык маска развязывала пуще шампанского: девушка острила, как бритва, не сдерживалась в терминологии и вообще всячески отрывалась на почве философских измышлений. В конце концов, таинственная дама исчезнет ещё до боя курантов, так и оставив всех в неведении относительно скрывающейся личности.

* * *

Ворон, то ли в силу вечной занятости, то ли просто не хотел играть в бирюльки, ограничился строгим чёрным костюмом с белоснежной рубашкой. Чёрная маска, как никогда подчёркивала его птичий пофиль. Он, как и следовало ожидать, зорко следил за «Грэзиэной», ограничивая их общение с принцем до минимума. Более того, попытался поговорить, чуть не подпалив всю контору.

— Вы сегодня, как никогда прелестны, — твёрдой рукой он вёл замаскированную Ждару в томной вариации вальса. К слову сказать, танцы на маскараде отличались большей энергичностью и изрядной долей фривольности. — Я вижу, вам стало значительно лучше.

— Благодарю за комплимент, — женщина догадывалась, что главмаг ничего не упустил из

вида, и уж тем более не купился на официальную легенду отъезда, — да, я прекрасно себя чувствую. То было сезонное недомогание, усиленное волнением от придворной жизни.

— Неужели? — он пытливо всматривался в синеву девичьих глаз и не понимал, что не так. На всякий случай проверил ауру — всё чисто. Тогда откуда странное чувство, что чего-то не хватает?

— Да, весной у меня такое бывает, ведь родителей убили примерно в это же время, — вовремя вспомнила нужные даты и притянула их в причинно-следственную цепочку.

— Даже так, — он сочувственно посмотрел ей в глаза и вновь ощутил подвох. Не было в них той изюминки, что так привлекла его. Необъяснимая тяга с самого начала знакомства невероятно его раздражала. Он старался всячески её игнорировать, вёл себя жёстче, чем обычно. Для противовеса. Зато сейчас, когда она испарилась, Корд почувствовал тянущую пустоту в центре груди.

— Вы изменились, — задумчиво выдал маг.

— Есть немного, — осторожно ответила Грэзи.

— Впрочем, ладно, — он тряхнул головой, сосредотачиваясь на текущих делах, — с принцем танцевать не больше трёх танцев, один уже был.

Мужчина ожидал, что девушка, как обычно, парирует его высказывание чем-то вроде «какая щедрость, в прошлый раз только один дозволили», но она промолчала, лишь кивнула головой. Странно... И тут он краем глаза уловил подозрительный восторг на лице принца. Тот с восхищением взирал на нетривиально одетую девушку, трепетно прокручивая под рукой. Маг уже успел оценить и смелость наряда и эпатажные аксессуары, даже услышал жаркие обсуждения её интеллекта и безнравственности. О первом говорили мужчины, о втором — женщины. Проводив принцессу к опекуну, он откланялся и поспешил лично оценить прелестницу.

— Позвольте пригласить, — он протянул руку и слегка наклонил голову. Разница в росте позволял одновременно соблюсти этикет и смотреть в глаза, не выворачивая шею.

— Позвольте отказать, — Люба дрогнула под пронзительным прицелом агатовых глаз.

— Что ж так? — её янтарные очи сверкали в прорезях изящной маски, губы, возмутительно алые, так и притягивали взгляд.

— Я немного устала, хотелось бы попить, — абсолютно на автомате она обвила кистью подставленный локоть, очнувшись только на полпути к столу.

— Подозреваю, вы сегодня бессчётное количество раз отвечали на один и тот же вопрос, но не могу не спросить, — он учтиво посадил даму в кресло, взял два бокала с соком и пристроился по соседству, — что означает сей дивный наряд?

Девушка сделала несколько глотков, прежде чем ответить:

— А как вы сами считаете?

— Дайте подумать, — оценивающим взглядом он прошёлся по алой розе на шее, обнажённым

ключицам, спустился к лифу и завис, — день и ночь?

— В том числе, — подбодрила незнакомка, поправляя на плече слегка приползшее кружево.

— Свет и тьма? Извечная борьба? — Он стянул перчатки и протянул руку. — Позвольте?

Немного поколебавшись, она вложила в его кисть свои не менее провокационные, чем всё остальное, пальчики. Кожа на внутренней стороне кисти у обоих была грубовата: её от ткачества, его от занятий фехтованием и верховой езды.

— Оригинально, — большим пальцем погладил оголённую кожу передних фаланг, прошёлся по яркому покрытию ногтей.

Неожиданно для себя Люба вздрогнула, судорожно выдернула руку, нервно сжала подол юбки. Да, она испугалась. Нет, не от отвращения. И это куда хуже, чем посттравматический синдром. Опаснее, так точно. Кое-как взяв себя в руки, она продолжила философскую беседу.

— То, что вы обозначили, лишь частности, мыслите шире, — она вновь глотнула питьё, — даю подсказку: без ночи нет дня, без тьмы нет света, без зла мы не узнаем, что такое добро.

— Вы говорите, как мой учитель по основам мироздания, — за усмешкой он попытался скрыть безмерное удивление. Всем. Своей реакцией на невинное прикосновение, её зрелым, недетским высказываниям, и за каким чёртом она решила впихнуть философию в бальное платье.

— Что ещё говорил ваш учитель? — она слегка обиделась на его вопрос, но не подала вида. «Что со мной? Какая разница, что он говорит?»

— Что нужен баланс. Если сильно упорствовать в одном направлении, то нарушишь равновесие, — он вновь взглянул на её губы и понял, что с ними ему вышесказанное равновесие точно не грозит.

— Ваш учитель очень мудр, — она аккуратно поставила бокал на соседний столик, резко обернулась и порывисто добавила, — мир не делится на белое и черное, в нём много нюансов и полутонов. — Провела рукой по белому кружеву, сквозь которое чернела атласная тьма, многозначительно посмотрела в прищуренные глаза.

— Музыка закончилась, — он вновь подал ей руку, сам при этом вставая.

Загипнотизированная хриловатым голосом, она, словно во сне, поднялась и буквально полетела за партнёром. Как назло, заиграли бравондский мотив, тот самый, который отличается пылким характером. Кровь забурлила, глаза подёрнулись поволокой, крышу ощутимо штормило от ураганного ветра под названием «Герцог Дагонский». Что тут началось... Сам не ожидая от себя такого порыва, он плотно прижал её стан, второй рукой недвусмысленно скользнул между пальцами, благо, митенки это позволяли, а перчатки он обратно так и не надел. Будто молния пронзила обоих, окончательно срывая последние предохранители. Каким образом они умудрились не перепутать шаги и не оттоптать друг другу ноги — вопрос интересный, поскольку ни один из них не обращал на технику никакого внимания. Они буквально сконцентрировались на извечном танце страсти, каждым движением, взглядом высекая искры. Он кружил её на немислимой скорости, а потом резко останавливал, буквально стискивая в объятьях. Её тело пылало от сильных, на грани жёсткости прикосновений. Когда приходилось уходить в фигуру расставания, оно тосковало, требовало вернуться, а потом пело, прогибалось в дугу подчинения, растворялось в партнёре. Чёрт

побери, да она так сексом никогда не занималась, не то, что плясала!

* * *

Брэгдан, пригласивший на танго дважды псевдо принцессу, в какой-то момент остановился, как и большинство участников бала, и гневно взирал, как растекается по партнёру его подопечная. Течёт, как сучка! Да он отсюда слышал запах её страсти, видел поплывший взгляд и со злостью сжимал кулаки. Чуть руку Ждаре не раскрошил. Она, конечно, успела вовремя среагировать и в последний момент выдернула пальцы из жёсткого захвата, но уже слегка примятые.

С трудом подавив желание прервать безобразие, схватить за волосы и уволочь негодницу прочь, а потом порвать это паршивое платье..., стоп, спокойствие... он взял себя в руки и замер, как истукан. Казалось, если он сделает лишнее движение, то не сможет остановиться. Желание жгло его изнутри, ярость рвалась наружу, окрасив белёсые радужки в красноватый цвет. Вовремя заметившая изменения магиня послала отвлекающий импульс пониже спины, слегка отрезвив.

— Ещё раз так сделаешь — убью, — прошипел он сквозь зубы.

— Не стоит благодарности, — парировала обиженная женщина.

Наконец, музыка смолкла. Сладкая парочка, даже не пытаясь скрыть своих намерений, направилась к балкону. Естественно, он последовал за ними, потянув за собой и Ждару.

— Брэг, нам там нечего делать, — заволновалась помощница, посылая очередной импульс, только теперь в колено.

Блондин запнулся, резко обернулся и со свистом втянул в себя воздух.

— Подожди здесь, — подвёл к стоявшей около стены софе, — не бойся, я не выдам своего присутствия. Вот ведь...

Не договорив, он скрылся за портьерой и незаметно направился в поисках бестолковой девицы.

* * *

Люба двигалась, как во сне. Голова в тумане, тело поёт, горячая мужская рука посылает волны дрожи до самых пяток. Признаться, она еле сдержалась, чтобы в финале не закинуть ему на плечо ногу. Впрочем, львиная доля причины пришлась на неудобство осуществления такого финта в многослойных юбках, да ещё и без разреза.

Очнулась она от того, что её спина упёрлась в шершавую стенку. Спереди же приплющило чуть более мягким телом. Люба подняла голову и поймала безумный, прожигающий до самого нутра взгляд, а потом окончательно потерялась. В шершавой теплоте ладоней, горячих, требовательных губах, жарких волнах, охвативших её со всех сторон.

Оторвавшись на пару секунд от манящих губок, мужчина стёр остатки помады, вызвав очередную порцию мурашек, и вновь ухнул в поцелуй. Он сам себе удивлялся: взрослый, давно состоявшийся мужчина, вдовец, а тут такой взрыв! С тех пор, как погиб его единственный ребёнок, забрав за собой и мать — та бросилась его вытаскивать из воды, все его чувства заледенели. Боль выжгла сам орган, отвечавший за положительные эмоции, много лет он вообще не обращал внимания на женский пол. Позже, когда плоть недвусмысленно заявила о

своих потребностях, он стал посещать частное заведение, каждый раз выбирая новую женщину. Чтобы не привыкать, не привязываться. А здесь какая-то девушка сначала поражает воображение незаурядным умом, довольно дерзким характером, а после практически отдаётся в танце. Да он кое-как сдержался, чтобы не телепортироваться прямо в собственную спальню!

«Нет, не стоит пугать девочку, лучше брать цитадель постепенно», — пробилась сквозь туман возжелания здравая мысль и заставила мышцы соблудности приличия — без провокационных жестов выйти на свежий воздух. А вот, остынут, болезные... «Три ха-ха! Постепенно, м-да», — издевались гормоны, ещё больше разгоняясь от близости, алых, манящих губ, их страстного ответа на первое же прикосновение.

Его руки были везде: держали за лицо, царапали шею, зарывались в волосы на затылке, оглаживали упругую грудь, до хруста в рёбрах сжимали тонкий стан. Губы обжигали, ставили клейма на вспухший рот, лебяжьей шеей и всё, до чего дотягивались. Зубы прикусывали мочки ушей, посылая искры острого наслаждения, распалая лоно. А язык... ох уж этот язык! Он решил, что раз уж главному желающему в данный момент приходится довольствоваться тренингом о собственных брюках, он, так уж и быть, возьмёт сию почётную миссию на себя. Он врывался в этот сладостный рот, проникал сквозь мягкие губки, овладевая девушкой. С глухим стоном она смаковала каждое движение, посасывала вторженца и отчаянно цеплялась за широкие плечи. Ноги ей отказали практически сразу, как началось это безумие, лишь поддержка крепких рук не позволяла упасть.

* * *

Прятавшийся в противоположном углу Брэгдан скрежетал зубами от бессильной ярости. Какого хрена?! Это его женщина! Это в его объятьях она должна стонать, за него цепляться в поисках опоры, от его поцелуев ходить с ума!

Забывчивая память даже не вспомнила, что на подобное он не давал шансов никому, предпочитая властвовать, брать, ломать.

И тут неожиданно он почувствовал жжение — амулет давал знать об опасности подопечной. Не той, что бесстыдно отдавалась в углу первому встречному, а той, кою он оставил в зале. Еле удержавшись от презрительного плевка, он поспешил обратно. Едва Брэг покинул балкон, Корду тоже пришлось прерваться, по тем же причинам. Только его побеспокоил личный помощник — Грид.

— Шеф, шеф, где вы?!

— Что опять? — такого зверского рыка тот ещё ни разу от него не слышал.

— С принцессой опять что-то неладное, — парень даже голову в плечи вжал от ментальных вибраций, — похоже на магическую атаку.

— Чёрт, иду! — он с огромным сожалением разжал руки. Поцелуй пришлось прервать, как только он ответил на вызов Грида, но объятья он не размыкал до последнего. — Солнышко, мне надо идти, — он провёл пальцем по манящим губам, — спасать принцессу, будь она неладна!

— Почему? — растерянно прошептала Люба.

— Потому что я отвечаю за её безопасность. Ладно, увидимся в полночь. Надеюсь. — короткий поцелуй на прощанье, решительный разворот, иначе он никогда от неё не оторвётся.

— Почему неладна? — последний вопрос услышала только темнота, главмаг успел уйти.

Опасливо выглянув в залу, она увидела лишь спины — все глядели вглубь, вытягивая шеи, приподнимаясь на цыпочки. Что ей делать? Идти к сообщникам или скрыться в апартаментах, пока есть такая возможность?

— В свою комнату, быстро, — злобно прошипело из амулета, прикрепленного ко внутренней стороне парика.

«Ой, он что, мысли мои читает? Боже, я совсем забыла о Брэге! Он ведь был там и всё видел... и не только он. Слава Богу, никто не знает, что это я, иначе всё, mission fall, the hero is dead[1]».

В первую очередь она достала из пространственного кармана плащ и закуталась с головы до ног, дабы не быть узнанной. Аккуратно выбравшись с злополучного балкона, девушка двинулась вглубь дворца. К счастью, по пути ей встретилась лишь пара горничных, на всех порах спешащих к бальной зале и увлечённо обсуждающих переполох. Фигура в капюшоне их не заинтересовала — был бы преступник, уходил бы в противоположную сторону. По их незатейливой логике, конечно. Наконец, заветная дверь личных покоев, удобное кресло и полный графин воды.

— Фуу, — протянула Люба, выхлебав половину жидкости. Сердце до сих пор бешено колотилось, грозя проломить тугой корсет. — И что это было? — Она нервно заходила из угла в угол. — Мы ведь не единожды с ним танцевали, он прикасался ко мне как минимум раз десять. Правда, в основном в перчатках... точно! Дёрнул же меня чёрт надеть сегодня митенки. Довыпендривалась! Доэпатировала! Довольна?

Зеркало глядело на неё с молчаливым укором, отражая горячечно блестящие глаза, вспухшие губы и перекошенный ошейник, тьфу ты, ожерелье.

— Блин, что со мной? Может, всё дело в маске? Я такая смелая, потому что никто не знает? — Девушка вплотную подошла к своему отражению, провела дрожащими пальцами по местам, всё ещё чувствующим жаркие прикосновения ворона. — Нет, дело не в этом. Похоже, всё куда сложнее — это немного другая я: таинственная незнакомка, без лишнего багажа невзгод... Ладно, хватит рассусоливать, пора раздеваться — время уже половина одиннадцатого.

Не успела она облачиться в шёлковый халат и снять парик, как в комнату вошли Ждара и Брэгдан.

— Ты — раздеваться, ты — живо сюда, — не дожидаясь, когда попаданка подойдёт поближе, он притянул её магическим порядком. — Какого ты там устроила? Приключений захотелось? Тебе мало моего племянника, теперь Корда подавай! — он больно схватил её за локоть, оставляя синяки на нежной коже.

Все попытки оправдаться не имели ни единого шанса, поскольку вставить слово в пробивший его словесный поток было попросту невозможно.

— Брэг, давай потом, — окликнула его Ждара, — пусть переодевается. После накажешь.

Тот зло зыркнул на компаньонку, но Любу отпустил и даже отвернулся. В рекордные сроки на девушку натянули платье, маску и парик, имитирующий собственные волосы. В последний момент они вспомнили о туфельках, чуть не погорев на такой заметной улике.

— Что там у тебя случилось-то? — шёпотом поинтересовалась псевдопринцесса уже у бывшей псевдопринцессы.

— Попытались наложить чары подчинения, — азартно ответила женщина, спеша следом за разгневанным магом, — подлили какую-то дрянь в сок и почти взломали его защиту, — кивок в сторону напряжённой спины.

— Ого! — глаза сами собой округлились, — и что дальше?

— Я сделала вид, что остолбенела, причём посреди танца, — довольная ухмылка исказила довольно красивое лицо, — и активировала вызов. Ты бы видела, как все забегали! Грэзи то, Грэзи сё, а настоящая-то Грэзи сегодня отожгла, — она заговорщицки подмигнула.

— Сама не знаю, что на меня нашло, — смущённо пробормотала Люба, — как будто током шарахнуло.

— Чем? — переспросило дитя иной цивилизации.

— Молнией. Как прострелило от макушки до пяток, так весь ум и отшибло.

— О-о, — заинтересовано протянула Ждара, — у меня так с мужем было. Мы вместе делали лабораторную по алхимии...

— Тихо! — прикрикнул на болтушек главный Злыдень. И еле слышно процедил, — жженщины.

Магиня лишь махнула рукой, мол, мужчина, ему не понять. Собеседница согласно кивнула, и они бодрой рысью продолжили свой путь.

* * *

Отдышавшись перед входом в бальную залу, они, наконец, показались на люди. С одной сторону принцессу поддерживала компаньонка, одетая в простое, небальное платье, с другой — дражайший опекун. Миральд тут же бросился к девушке, но споткнулся о строгий взгляд Кордавана. Король окинул Грэзи обеспокоенным взглядом, пригласил присесть.

— Как вы себя чувствуете? — подал бокал с вином, но девушка отрицательно покачала головой.

— Спасибо, уже намного лучше, — глубокий вздох, — я больше испугалась, чем успела пострадать. Странно, что на меня напали на королевском балу, на виду и множества людей и охраны.

— Потому что в другое время вы всё время под надзором, а здесь невозможно за всем одновременно уследить, — старательно сжеживая яд, пояснил Брэгдан.

— Вы поймали нападавших? — спросил Базальд у подошедшего Корда.

— Нет, следы затёрты, будем вычислять по остаточным эманациям. Мне потребуется полное обследование мазель Грэзиэны для снятия слепка.

Люба похолодела от страха.

— В этом нет необходимости, я уже всё сделал, — надменно отвечал герцог Брионский, протягивая тому амулет с информацией. Ложной, так как с этими шакалами он будет разбираться лично. Мало ли, в какую сторону у них языки развяжутся?

Тот, скрежетнув зубами, взял пластину. Сердито зыркнул на Брэга, вскользь прошёлся по скромно сидевшей девушке и зацепился за её взгляд. Теперь он вновь таинственно манил, тогда как пару часов назад оставил абсолютно равнодушным. «Плевать! Хочу ту незнакомку в чёрно-белом. Кстати, где она?» Оглянувшись, внимательно сканируя помещение.

— Позвольте пригласить, — совершенно неожиданно принц просочился в узкий круг и подал девушке руку, — вы обещали мне последний танец.

Миральд очевидно волновался: лицо покраснело, лоб покрылся испариной, но он мужественно терпел и руку не убрал даже после гневного взгляда отца.

— Обещания надо выполнять, — многозначительно промолвила недоневеста и приняла приглашение.

Танцевать с принцем после того фейерверка с главмагом было всё равно, что обниматься с зефиркой: мягко, липко и приторно. Но девушка держала лицо и даже улыбалась.

— Я так за вас испугался, — откровенничал кудряш, выпучив от искренности глаза, — вы не представляете, как без вас было тоскливо эти долгих три месяца. Они показались мне вечностью. И вот, вы возвращаетесь, и вас пытаются убить.

— В который раз, — грустно констатировала факт.

— Что?

— Ой, я совсем забыла, — Люба от досады даже язык прикусила.

— То есть это не впервые? — он вновь начал покрываться красными пятнами волнения, — а мне рассказать не посчитали нужным?

— Простите, — ей действительно было стыдно перед этим хорошим, в общем-то, парнем, — мне приказали молчать, но я...

— Я вас ни в чём не виню, — перебил её принц, — я прекрасно знаю, как может давить отец и его помощник.

Она смущённо опустила взгляд, молчаливо подтверждая правоту его слов.

— Всё, мне это надоело! — он порывисто прижал её к себе, и тут в зале наступила кромешная тьма. Раздался бой курантов.

— Ой, что это? — пискнула, притиснутая к мягкому животу Люба.

— Не бойся, милая, — в темноте его голос производил куда большее впечатление, чем при свете, лаская слух приятными интонациями, — я тебя защищу.

Когда молотки перестали бить по колоколам гигантского часового механизма центральной башни Родении, вновь вспыхнул свет. Принц, уже без маски стоял около неё, сурово поджав пухлые губы. Взглянув на Любу, он задорно улыбнулся и потянул за подвязки маски.

— Вы забыли снять, — мягкие руки скользнули по лицу, принеся приятную теплоту, не больше.

Щурясь от яркого света, девушка огляделась, мельком заметив недовольное лицо Корда, так и

не нашедшего свою провокационную партнёршу. Сердце сжалось от промелькнувшей в антрацитовом взгляде тоски, которую быстро сменила сосредоточенность.

— Внимание всем! — Вдруг раздался зычный голос всегда тихого наследника. — Хочу официально представить свою невесту, прелестную принцессу Грэзиэну Дарийскую! Жду не дождусь, когда мы поженимся и подарим папе дюжину внуков. Так что прошу любить и жаловать свою будущую королеву!

В зале воцарилась оглушительная тишина. Последние отзвуки резко оборвавшейся мелодии растворились, и даже её собственное дыхание остановилось в предчувствии взрыва. Спустя, казалось, целую вечность безмолвие нарушили одинокие хлопки самого короля. Медленные, значительные. Окружающие тут же подхватили тенденцию, и зал взорвался от аплодисментов. Наконец, когда овации стихли, Базальд раскрыл свои объятия, приглашая в них заробевшую девушку.

— Я так рад, что сын принял наконец-то верное решение! — похрустывал он рёбрами несчастной жертвы. — Жду не дождусь обещанных внуков!

«Эк он замахнулся... дюжину», — изумлялась про себя Любаня, сильно сомневаясь, что с такими данными он способен зачать хотя бы парочку. — «Да хватит меня уже ломать!»

Как будто услышав её мысленный зов, мужчина прекратил издевательства, но кисть так и не выпустил. От его прикосновений даже сквозь перчатки прошла нервная дрожь неприятия: не те руки, не тот мужчина...

[1] Миссия провалена. Герой мёртв.

Глава 11. Выбор

Как и следовало ожидать, Брэгдан смачно оттянулся по поводу Любаниного загула. Нет, физически, он не причинил ей никакого вреда, да и столь скоропалительное продвижение планов радовало его чёрную душу. Зато морально... Он рисовал перспективы, одну «радужнее» другой:

— Представляешь, если Корд узнает, что именно тобой чуть не овладел посредине бала, — он издевательски ухмыльнулся, — невестой наследника престола! Разодетой, как гетера, устроившей балаган с переодеванием с собственной компаньонкой.

— Я не собираюсь ничего ему рассказывать, — в который раз проговорила девушка, — мне не нужны проблемы ни с Миральдом, ни с вами. Повторяю в последний раз — это была досадная случайность, неконтролируемый всплеск гормонов, в конце концов.

— Что же они так не вовремя у тебя всплеснулись? — продолжал цепляться, как репей к подолу, маг. Причём с таким лицом, что даже слепому было бы ясно, что дело не в гормонах, а том, на кого именно они отреагировали.

— Этого больше не повторится, — монотонно пробубнила попаданка, — обещаю, что ни словом, ни взглядом не выдам себя.

Признаться, она уже десять раз пожалела, что вообще пошла на этот треклятый бал. К чему эта страсть, если перспективы её развития как минимум печальны? Нет, ей проблемы не нужны! Пусть всё идёт своим чередом: свадьба-похороны-домой. «Надеюсь, Миральд встретит в

новой, некоролевской жизни хорошую женщину и у него будет та самая дюжина детей. Крепких и здоровых!» — от души пожелала Люба.

— Кстати, о похоронах, — неожиданно повернула тему, — Что вы собираетесь класть в гроб?

— Муляж, — тот даже опешил от неожиданности, — тебе какая разница?

— Да так, любопытно просто, — пожала плечами, — можно идти? Скоро придёт модистка — будем согласовывать свадебное платье.

— Ладно, иди, — величественно махнул рукой, — но не забывай, о чём я тебе сказал!

Забудешь тут такое...

* * *

Принцу тоже пришлось выслушать много нелюбезного в свой адрес, и от батюшки, и от главмага. Последний, правда, не особо свирепствовал, частенько пребывая в глубокой задумчивости. Как он сожалел, что помыл тогда руку со следами помады — была бы зацепка для магического поиска. Какая-то странная девица. По могуществу он второй после короля, любая особь женского пола была бы счастлива обрести его благосклонность. Испугалась? Удивительно, с учётом столь горячего темперамента.

— Сколько раз повторять: не лезь вперёд батьки в пекло! — горячился его величество, прекрасно понимая, что всё к тому и шло, просто не вовремя ускорилось. — Мне нужна была иллюзия твоей свободы для заключения договора о торговле вином с Жидарией.

— Ты думаешь, они согласились бы снизить цену без надёжных гарантий? — очнулся от размышлений Корд.

— Не факт, но шансов было бы больше, — слегка поостыл Базальд.

— Держи карман шире, а то ты жидарцев не знаешь! Да они умудряются снег зимой продавать, причём по завышенным ценам, дескать, он у них экологически чистый.

— И одну и ту же принцессу в третий раз замуж отдают, — вспомнил король, — есть такое. Вот бы наш министр финансов у них поучился!

— Тогда я первый уволюсь! — честно предупредил маг. — Ладно, отпускай уже мальчишку, у меня к тебе важное дело.

— Свободен, — снисходительно выдал монарх своему непутёвому дитяти и полностью переключился на ворона.

— Ты у нас опытный ловелас, всех девок в округе знаешь, — дверь тихо затворилась за принцем, — ты случайно не узнал, кто был под чёрной кружевной маской? Такая, с алыми губками.

— Ха! — вдохновенно потёр руки мужчина, — неужели эта птичка так тебя зацепила?! Танцевали вы, конечно...

— И на старуху бывает проруха, — развёл руками брюнет, — ну так что?

— Нет, хотя я практически всех опознал. Может, она раньше жила не в столице?

- Может, — он задумчиво потёр подбородок, — надо будет разузнать.
- Смотри у меня, — погрозил пальцем, — чтобы не в ущерб государственным делам.
- Я уж постараюсь, — скривил губы тот, кто не то, что отпуска, выходных толком не брал.

Служба давно стала для него единственным времяпрепровождением, не считая мимолётных свиданий с жрицам любви. Да если сложить вместе все неиспользованные выходные, наберётся около десятка лет. И это, не учитывая праздничных дней. Может, именно поэтому он так спешил найти ту единственную, что сумела пробудить забытые доселе чувства? А, может, охотничий азарт не давал покоя: как так, он — главмаг его величества и упустил какую-то девицу?! Кто его знает, всё смешалось в холодном, расчётливом разуме. Невозможно просто взять и отмахнуться от этого, когда тело напряжено, когда верный друг каждое утро, день и вечер недвусмысленно напоминает о своих естественных потребностях, но от мысли о привычном удовлетворении воротит, как от безвкусной баланды. А ночью, во сне приходит таинственная незнакомка, танцует, манит, прогибается в его объятьях и вновь растворяется туманной дымкой. Что тут сделаешь? Вот и ищет в поте лица своё наваждение, кое-как справляясь с плотью своими силами, закрыв глаза и вспоминая сладостную мягкость губ, проникновенный взгляд цвета гречишного мёда, податливость стройного, миниатюрного тела.

* * *

Свадьбу готовили долго и основательно. Начиная с костюмов жениха и невесты, заканчивая декорированием дворца и храма. На одни приглашения ушла уйма гербовой бумаги, литры чернил и морально покалеченный писец. Физически он тоже пострадал — рука отказывалась работать ещё столько же времени, сколько писала километры витиеватых строк.

Наряд невесты тянул стоимостью на годовой бюджет семьи среднего сословия, а весом на добрую половину Любы. Её злая половина не преминула возмутиться и заставила спороть половину драгоценных камней, оставив лишь по краю подола и на лифе. Из трёх нижних юбок согласовала лишь одну, парировав возмущение королевской модистки тем, что как честная жена намерена качественно исполнить свой супружеский долг в первую брачную ночь, засим силы надо экономить. Шутка ли — двенадцать наследников пообещали. И вообще, она принцесса, а не вьючное животное!

Естественно, о возмутительных высказываниях оперативно доложили его Величеству. В надежде на усмирение норова, ага. Но тот, как ни странно, лишь огорчённо вздохнул и настрого запретил перечить будущей невестке.

- А девица-то темпераментная, — глаза монарха масляно блестели от воспоминаний милого облика.
- Рыба, — припечатал Корд, — по сравнению с той красоткой.
- Кстати, ты её нашёл? — лениво скосил глаза на скривившегося мага.
- Как в воду канула, — хмуро признался брюнет, — хоть целуй всех подряд для проверки.
- Не самое неприятное занятие, — подмигнул престарелый ловелас.
- Да ну тебя, — отмахнулся от старого друга, — это ты у нас любитель хаотичного слюнообмена.

— Теперь ты тоже в моей команде, — задорно тряхнул бородой, — и не смей этого отрицать после того, что учудил на маскараде!

Стоит отметить, что наедине с главным магом король вёл себя куда свободнее, его грозный лик преображался, сбрасывая добрый десяток лет. Они буквально выросли на одном горшке, по крайней мере, в летнее время. Ближе людей трудно себе представить. Единственное, маг выглядел заметно моложе — сказывалась семейная генетика и магический дар. Регенерирующее зелье тоже давало омолаживающий эффект, а им приходилось периодически пользоваться — служба-то опасна и трудна. Всякое случается.

— Давай устроим приём и соберём всех девиц столицы, — предложил рациональное решение Базальд, — будет Грэзи официальный девичник.

— А смысл? — передёрнул плечами от сомнительных перспектив, — мужчинам туда путь заказан.

— Придёшь в качестве охранника, — хохотнул от комичности предложения, — будешь обеспечивать безопасность девчатни.

— И слушать их глупый щебет? — и без того унылое лицо окончательно скисло, — увольте. Нет, я уже две трети приглашённых семей проверил, немного осталось. Сложность в том, что на маске был частичный морок, небольшой, но глаза, скорее всего, другого цвета.

— А какие были?

— Янтарные, — от волнующих воспоминаний тело пронзила сладкая судорога.

— Значит, свои светлые. Скорее всего, серые, девушки отчего-то не очень любят этот цвет.

— Тебе виднее, из нас двоих ты больший спец.

— Что значит из нас двоих? — возмущённо прогрохотало в комнате, — да я главный спец всего королевства! Всё, иди уже отсюда, ищи свою беглянку, не мешай нормальным людям работать.

— Как прикажете, Ваше Величество, — издевательский поклон, нарочито громкий хлопок закрываемой двери.

— Топай-топай, — пробурчал сам с собой мужчина, — быстрее найдёшь — быстрее завалишь и успокоишься.

— Стража! — спустя пару минут послышалось зычное из-за двери, — леди Маризу мне в опочивальню, немедленно! — А потом уже тише, — Ох уж эти разговоры о бабах — всегда один исход...

* * *

Во избежание конфуза Любу практически изолировали от двора. Мало ли, вдруг Кордаван опознает походку или ещё какой нюанс? Плюс, конечно, из соображений безопасности. Сидеть взаперти было скучно до зубовного скрежета. Пришлось снова заняться ткачеством, благо, настроение соответствовало нарезанным когда-то нитям. Поскольку сроки до именин поджимали, предыдущее панно вышло настолько мрачным, что годилось в подарок злейшему врагу, а никак не будущему мужу, она выпросила у опекуна магическую помощь. Тот недовольно кривился, сетовал на занятость, но памятуя, что может сделать скучающая

женщина без занятия и какие могут быть последствия, таки вник в процесс и зачаровал станок. Теперь её работа состояла исключительно из подборки цвета и поднесения нитей к основе. Далее они обретали самостоятельность и сами собой крепились нужным образом. Красота!

Наконец-то она сможет отвлечься от противоречивых чувств, распиравших и без того полную грудь! Видит Бог, она всячески старается сохранить холодную голову, забывая внимание всевозможными делами. Ждара, после происшедшего сменившая гнев на милость, прекрасно её понимает и всячески поддерживает. Они с ней даже несколько песен выучили, правда, содержание отличается такой скабрёзностью, что перед слугами как-то неудобно. Но это всё днём, зато ночью... право слово, лучше бы Йорик приходил — от него голова не кружится, ноги не подкашиваются, а сердце не стучит, как отбойник. Хотя, нет, насчёт сердца неправда, просто его биение происходит несколько в ином ритме. Хорошо, что нашлось действительно увлекательное дело, в которое можно выплеснуть эмоции!

Сена в Живерни отливала пятьюдесятью оттенками синего, разбелёная облачными небесами и золотом солнечных бликов. Казалось, сама нежность приложила свою руку к этому чудесному пейзажу. На него хотелось смотреть и растворяться в прохладной неге цветовой палитры.

Вода казалась настолько реалистичной, что Любу так и тянуло скинуть одежду и занырнуть в неё бодрим карасиком. А потом уплыть далеко-далеко, чтобы больше никогда не видеть белёсых глаз Брэга, похотливых рук Базальда, по-детски пухлых губ Миральда, разве что Корда она бы прихватила с собой. С тем условием, что он сцедит свой яд и отдаст его белобрысому — тому без разницы литром больше, литром меньше. Кстати, из главмага вышел бы неплохой осётр — такой же носатый и ершистый.

Пока одни занимались художественным творчеством, прочие рыли копытом землю в поисках счастья. Брэгдан в поте лица искал покусителей, а после долго и со вкусом их изничтожал. Кордавану повезло меньше — он так и не нашёл таинственную незнакомку. Те, кто подходил по росту, даже с учётом каблуков, расходился в прочих параметрах. И это он совсем не учитывал цвет глаз и волос. Со временем он таки выявил отличительную черту своей зазнобы — удивительно тонкая талия и полная, высокая грудь. Такого, увы, не наблюдалось, по крайней мере, не с нужным ростом. В столице вообще миниатюрных дев было не так уж много, одна из них ожидала свадьбы с принцем и никак не могла быть той самой, поскольку стопроцентно присутствовали на злосчастном балу.

Что касается королевского поиска нападавших на принцессу, то уже на следующий день был найден человек, чей отпечаток силы совпадал с образцом в амулете, выданным Брэгом. Тщательная проверка памяти и окружения не дала никаких зацепок. Да, покушался, за деньги, заказчика не знает, любит жареную форель и мужской стриптиз. Всё. Очередной вредоносный член общества выявлен, арестован и сидит в тюрьме до окончательного решения его судьбы. На самом деле, таких, как он его Величество любил использовать в качестве пушечного мяса или подсадной утки. И только сей факт продлевал его никчёмную жизнь в мрачных застенках подземелья.

* * *

Поскольку через неделю намечалось бракосочетание, празднование дня рождения принца пришлось проводить довольно скромно. По королевским меркам, естественно. То есть никаких венценосных гостей, только собственные подданные, а из уличных гуляний лишь бесплатное вино, сыр и фейерверк. Немного странно, что так подобрали даты, но на этом настоял сам

Миральд. Нет, вы не ослышались, именно настоял! Сказал, что не хочет откладывать своё счастье из-за какого-то совпадения. Ему глубоко параллельно, насколько он постарел, куда важнее обрести любимую и начать новую, полную счастья жизнь. Люба чуть не прослезилась от такого трепетного отношения. А уж стыдно ей стало — не передать словами.

Естественно, на торжественный обед её не могли не пустить, и они со Ждарой и Брэгданом отправились во дворец. А там полным ходом шли декораторские работы. Вазоны вдоль подъездной аллеи теперь украшали белоснежные шапки каких-то пышных цветов, напоминавших смесь пионов и гвоздики. Колонны оплела нежно-салатовая лоза, и вообще стало ощутимо теплее — лето вступало в свои права. Внутри дворца обновили драпировки и шторы, особо тщательно начистили люстры, даже диваны со стульями заново перетянули тканью в цвета-компаньоны.

Прибытие кареты герцога Брионского, как всегда прошло на высокой скорости и с шиком. Очередь к трону тоже стоять не пришлось — все почтительно расступались при виде прекрасной невесты. Миральд, в очередной раз удивив всех повышенной своевольностью, поднялся с трона и вышел навстречу Грэзи. Поцеловал ручку, а после того, как увидел подарок, и вовсе потянулся к губам.

В голове у Любани тревожно загудела сирена. «Нет, только не это!» — верещала она. Кровь отлила от лица, ноги подкосились в попытке избежать слюнявых лобзаний, но принц слишком долго ждал. Возможно, не стоило так мариновать парня якобы в целях безопасности жизни и здоровья. При виде очаровательной невесты у него попросту отказали тормоза. А у Любы сознание, которое из-за Корда вообще значительно пошатнулось.

— Вот видишь, что ты натворил со своей нетерпеливостью, — ехидничал король, пока Ждара и ещё пара женщин хлопотали над обморочной.

— Я и не думал, что она такая чувствительная, — мямлил сын, — она ведь столько пережила и не сломалась.

— И что? Это повод набрасываться на девчонку? — Базальд «заботливо» наклонился к девушке, любуясь мраморной кожей и красивым изгибом сочных губок. Эх, словно земляничина на торте, так бы и съел!

Единственный, кого сейчас волновало брошенное на пол панно — был Кордаван. И он определённо понимал, что принцесса где-то схитрила. Он прекрасно помнил унылое очарование того, что сотворила Грэзи в замке Брэга. Да, уникальное, бесподобное и прочее, но совершенное иное по содержанию и палитре. Там была боль, отчаянье и серость. Здесь же казалось, что сами небеса упали на землю и окрасили её в свои нежные тона. Очаровательно, восхитительно, невероятно — именно такие слова приходили на ум при взгляде на ковёр.

«То есть либо она вообще не владеет ремеслом, а вместо неё работает наёмная ткачиха, либо умудрилась сотворить целых два шедевра, причём последний в рекордные сроки», — размышлял брюнэт, поглаживая подбородок, — «как бы мне её заманить на приватный разговор?».

Кое-как замяв конфуз, вереница поздравителей двинулась дальше. Люба, отлежавшись в своём будуаре, вышла на люди только к ужину, где скромно молчала и вообще старалась не отвечивать. На балу она большей частью сидела, отплясав обязательный минимум с будущим мужем, прочим же отказывала. Кое-как вытерпев до конца, девушка с облегчением отправилась домой. Стыд и отвращение бурлили в голове. Первое она испытывала к принцу,

весь вечер старавшемуся сделать ей приятно, отчаянно жаждущего счастливой семьи, впервые почувствовавшего вкус к жизни. Последнее относилось к собственной персоне — лживой, пусть и вынужденно, но всё же. Да она на себя в зеркало смотреть не в силах, боясь поймать собственный взгляд и прочесть в нём презрение.

* * *

Брэгдан, естественно, плевал с высокой колокольни на надежды и чаяния Миральда, а стыд и совесть он продал ещё в детстве. По спекулятивной цене.

На следующий же день он решил приступить к Любиным тренировкам — отточить процесс.

— Смотри, здесь довольно непростой механизм, дабы никто посторонний не смог открыть, — мужчина медленно показывал на какую точку надо нажать для срабатывания скрытой пружины.

Роскошный перстень с гигантским топазом притягивал взгляд. Он был невероятно красив и в то же время неуместен на тонком девичьем пальце. А когда вскрылось двойное дно, то и вовсе произвёл гнетущее впечатление. Внутри него лежал серый порошок с земляным запахом, несильным, чувствующимся лишь при близком расстоянии.

— Не бойся, сам по себе он абсолютно безвреден, можешь даже попробовать, — провокационно поднёс к губам.

— Спасибо, не надо, — отпрянула девушка.

— Правильно, нечего всякую гадость в рот тянуть, — от его самодовольного вида хотелось посетить уборную, — теперь сама пробуй.

Люба старательно пыталась повторить движения пальцев, но с первого раза у неё пока не получалось. Наконец, когда на — двадцатый раз она достигла цели, маг изрядно рассердился.

— Каждый день будешь упражняться, пока в темноте на ощупь не сможешь сделать! — Взрыкнул белобрысый и сверкнул слегка потемневшими глазами. — Следующий компонент — жидкость.

Небольшой кулон в виде капли, отделанный мелкими бриллиантами, понравился ей куда больше перстня. Такой она не отказалась бы иметь в своей шкатулке с украшениями. Открывался он не менее хитроумным способом и содержал желтоватое вещество с кисловатым запахом, тоже, кстати, якобы безвредное само по себе. Проверять Люба не собиралась.

— А вместе они, значит, убивают? — голос дрогнул, несмотря на то, что она пыталась выглядеть равнодушной.

— Ты забыла, что я тебе говорил? Лишь усыпляют, — недовольно пробурчал маг, — очень глубоко, дыхание практически не фиксируется, жизненные показатели на нуле.

— А что потом? — заинтересовалась фармакокинетикой.

— Потом я тебя возвращаю обратно с заработанным в исходном состоянии, — последние слова он подозрительно довольно проинтонировал.

— Это само собой, меня интересует механизм реанимации.

— А, ты о принце, — он скучающе поковырял под ногтем, — не всё ли равно?

Если он своим вопросом хотел поставить её на место, то у него это явно не получилось, а лишь привело к увеличению и без того высокой степени подозрительности.

— Мне просто любопытен сам процесс, — продолжила настаивать на своём.

— Ну, раз ты у нас такая любознательная, так и быть — через семьдесят два часа после принятия зелья завершается процесс его усвоения. Соединившись с кровью, оно образует новое вещество, что-то вроде адреналина, которое запустит сердце.

— А какой процент негативных результатов? — вспомнила Люба методику испытания лекарственных средств.

— Никто пока не жаловался, — злорадная ухмылка, — всё, прекращаем разговоры, отрабатываем моторику!

Вот тогда Любовь и поняла, что поступать против совести ни в коем случае не хочет. Да, она была не в восторге от принца Миральда, как от мужчины, но он был хорошим человеком и ломать ему жизнь не хотелось. Если не того хуже — отнимать. Мало ли что говорит Брэг! Верить его словам нет никакого смысла. Если он, даже имея желание, не смог выполнить своё обещание о защите, что уж говорить о таком спорном моменте. Вспомнить то же похищение — никто её не предупредил, что это инсценировка, а рёбра и вовсе ломали по-настоящему.

Её подозрения подтвердил ночной гость, который в последнее время практически прекратил визиты. Теперь она смогла пройти аж до дверей в сам замок. Там и наткнулась на inferнального товарища.

— Привет, — меланхолично прислонилась к косяку и скрестила руки на груди.

— Если не остановишься — умрёшь, — оптимистично ответил череп.

— А если остановлюсь, то умрёт моя дочь, причём в страшных муках, потом меня снова изнасилуют, изувечат и в конечном итоге тоже убьют, — нарисовала «радужную» перспективу.

— Ты однобоко мыслишь, — продолжил вещание на своей любимой загробной волне, — что у тебя прописано в договоре?

— Ни словом, ни ментально, ни письмом, — уж этот пункт она особо тщательно запомнила, — даже нарисовать нельзя.

— Плохо читала, — скрежетнул костяной друг, — и мало думала.

На сей жизнеутверждающей ноте аудиенция закончилась, даже без любимого кусь-куся. Странно.

С утра она бросилась перечитывать контракт. Долго, вдумчиво, до слезящихся глаз. И таки нашла! Небольшую, сложновыполнимую, но вполне себе реальную тактическую лазейку. И возможна она только с Кордом. Вот только как привлечь его внимание, если её никуда не выпускают, а он и знать не знает о том, что нужен? Эх, была не была! Хватит бояться собственной тени. Ну не убьёт же он её за тот маленький обман на маскараде? Поди, давно забыл о странной незнакомке да утешился на чьей-нибудь груди. От последней мысли стало неприятно, но она старательно запинала непрошенное чувство ногами, остудив горячую голову

воспоминанием его вечно сердитой физиономии.

«Пора выплеснуть бурлящие чувства наружу, пока они меня не взорвали», — девушка поспешно принялась снимать домашнее платье, — «как говорится: сублимация — наше всё».

Вновь переодевшись в простую неброскую одежду, Люба поехала в любимую лавку пряжи. В отличие от предыдущего раза, теперь она выбрала буйное разноцветье, начиная с солнечного жёлтого и карминного алого, заканчивая ярко синим. А потом трое суток (спасибо магической автоматизации!) творила очередной шедевр. При посетителях на станке валялась та самая, первая работа, прикрывая новую. Ждара добросовестно делала вид, что не в курсе, стараясь как можно меньше беспокоить девушку, заодно косметических эликсиров наварила, пока время есть. Знала бы она, чему потворствует!

И вот он момент истины — окончание работы. Панно вышло ярким, как огонь, разожжённый однажды в, казалось бы, заледенелом сердце. Динамичным, как памятное танго, собственно, его и изображавшее. И, самое главное — острохарактерное по стилю, о котором лучше всех были осведомлены Ждара, Брэгдан и Кордаван. Последнему и предназначалось сие многозначительное послание. Осталось улучшить возможность и передать коврик. Перевязав алой ленточкой, ага.

* * *

Но рискованное подношение не понадобилось. Не успела она решить в какую контору по доставке посылок обратиться, как их с компаньонкой совершенно неожиданно пригласили на... девичник. Никогда ещё Любу не уведомляли о собственном празднике в письменном виде! Вот что значит ненормальный мир с его ненормальными порядками.

Пока одевались и причёсывались, девушка прикидывала варианты, как бы ускользнуть с праздника и пересечься с главмагом. «Что там бывает на девичнике? Сначала подарки, потом вино, неприличные танцы», — перебирала в уме просмотренные на эту тему фильмы. У неё самой когда-то всё ограничилось домашними посиделками с парочкой закадычных подруг.

— Странный праздник, — Ждара сидела напротив Любы в карете и подозрительно косилась в окно. То в одно, то в другое. — Тебе не кажется, что здесь какой-то подвох?

— Кажется? — попаданка изобразила наигранное изумление, — Да я просто уверена в этом! Более того, жду не дождусь узнать причины.

— Надеюсь, ты не думаешь обыграть Брэга? — подозрительно прищурилась шатенка, — при всём моём к тебе расположении...

— Я похожа на дуру? — ощущая сквозь плотную ткань ридикюля перстень и кулон, блефовала девушка. — Просто хочу посмотреть на него поближе.

— Зачем? — и столько тоски было в её голосе. Уж она-то как никто другой знала, что, сколько ни смотри, всё равно будет больно.

— Ещё пара дней, и я отправлюсь домой, — Люба сама себе не верила, казалось, конца-края не будет этой проклятой миссии, — напоследок хоть посидеть около него.

— Зря, — больше женщина не нашлась что сказать, ибо знала куда больше, чем эта наивная девица. И объяснять расклад раньше времени она не собиралась, чтобы рыбка не сорвалась.

Тем более, что по факту всё действительно так и будет: Люба вернётся домой... довольно оригинальным способом. И вряд ли он ей понравится.

— Сама знаю, — тяжёлый вздох, — но ничего с собой поделаться не могу.

— Ладно, сделаю вид, что не заметила, как долго ты припудриваешь носик, — добродушная усмешка, — про лишнюю болтовню, надеюсь, говорить не надо?

— Кто ж мне позволит, — характерный жест, изображающий отрезание головы, грустный взгляд.

Горько улыбнувшись, Ждара вновь выглянула в окно, а спустя несколько минут уже выходила вслед за подопечной.

Люба шла и тихо радовалась, что компаньонка утратила бдительность, иначе рискованный план остался бы лишь неосуществимым проектом. Спасибо её брезгливости! Каждый раз, когда приходилось тренироваться, девушку перекашивало от отвращения, и по окончании она сразу же отдавала шатенке опасные драгоценности. Пару раз даже пыталась избавиться от содержимого, резонируя тем, что может нечаянно просыпать или пролить ценные ингредиенты. Не тут-то было! Ей тут же ответили, что без этого страха она станет небрежна, и толка от таких тренировок будет ноль. Постепенно Ждаре надоело постоянно лазить туда-сюда в сейф, и она стала хранить их в одном из ящичков письменного стола, вчера даже на ключ не стала закрывать — всё равно иномирянка обходит их по дуге. Обходила... до сегодняшнего дня.

А дальше был «девичник». Полный приятной музыки, разных вкусовостей, фальшивых улыбок и дурацких подарков, вроде приторно сладких духов, от одного намёка на запах которых начинала кружиться голова. Или ночнушки до пят. Нет, Люба и не надеялась получить здесь сексуальные чулки или провокационный корсет, но не монашескую же хламиду! Слегка приукрашенную кружевами. Пара более сообразительных девиц решили подмазаться и привезли аж целую семью канареек. Тщедушные птички так верещали, что клетку поскорее унесли в её покои.

Апофеозом идиотизма стал..., нет, не стриптиз, тут о таком и не слыхивали, но такое акробатическое шоу, с такими обтягивающими трикушечками, что, право слово, раздевание до трусов выглядело бы куда приличнее. И вот, в самый душещипательный момент, когда парни начали строить сложные фигуры посредством собственных тел, Любу кто-то потянул за руку, и, не успела она оглянуться, как её засосало в портал.

Бережно поддерживаемая крепкой, явно мужской рукой, принцесса приходила в себя, постанывая от противного головокружения.

— Простите, — раздался глубокий голос, мгновенно вызвавший табун мурашек, — но другому вас было не достать.

— Как вы обошли защиту? — изумилась девушка, взглянув в антрацитовые глаза. Зацепилась взглядом за непокорную прядку, вновь рассекавшую по диагонали худощавое лицо. Еле сдержалась, чтобы не заправить её за ухо и на всякий случай сжала кулаки. Мало ли, вдруг пальцы не послушаются.

— Мы учились у одних учителей, мне ли не знать, что заложено в основе и как это можно обойти, — он вглядывался в небесные очи и понимал, что тонет.

— Прекрасно, — Люба чуть не поинтересовалась, не тот ли это преподаватель, что научил их

экзистенциальному дуализму, — но разве кровную защиту можно обмануть? Если вы, конечно, не близкий родственник, — неприятные воспоминания, пусть зарубцевавшиеся, но до сих пор саднившие, всплыли на поверхность.

— Можно, если телепортация не дальше, чем на десять метров, — ворон успел уловить едва заметный отголосок боли, который тут же исчез в глубокой синеве.

— Понятно, — она скромно опустила взгляд, — зачем вы меня сюда привели?

— Вы ничего не хотите мне сказать? — он многозначительно показал на панно, висевшее за его спиной. — Оно существенно отличается от того, что я видел в замке Брионских.

— Сказать? — она как бы невзначай притронулась указательным пальцем к нижней губке. — Нет.

— Показать? — подхватил волну недомолвок маг.

— Возможно, — она настороженно взглянула на заострившиеся от азарта скулы и неуверенно потянулась к сумочке.

Корд едва сдержался, чтобы не поторопить, но побоялся спугнуть настрой. Аккуратно, стараясь не просыпать содержимое, Люба раскрыла ридикюль и шагнула в сторону письменного стола. Выложила страшные по своему содержанию драгоценности и прерывисто вздохнула.

— Интересные украшения, — профессиональный взгляд быстро выявил излишнюю «надутость» изделий, осторожно протянул руку, — можно?

— Не стоит! — взволнованно воскликнула девушка. — Мало ли...

— Хорошо, не тревожьтесь, — он успокаивающе похлопал её по руке и слегка вздрогнул. Нахмурился, но отмахнулся от странного ощущения, поглощённый разгадкой.

— Это трудно, — судорожно сглотнула, — очень.

Наконец, она по очереди открыла тайные механизмы и показала их содержимое. Руки тряслись, серый порошок чуть не просыпался на пол. Корд придержал её кисти, отчего зажгло кожу даже через двойной слой перчаток. Слишком увлечённый изучением состава, брюнет не заметил неловкости.

— Очаровательный ансамбль, — спустя несколько минут задумчиво проговорил он, — правда, даже в сочетании он абсолютно безвреден.

Люба лишь пожала плечами в ответ.

— Это всё? — он испытующе взглянул на ещё больше заробевшую девушку.

— Всё, что мне положено знать, — уточнила формулировку.

— Ясно, можете убирать, — подождав, пока она защёлкнет замки и спрячет драгоценности, он продолжил, — то, что вы мне показали, не несёт в себе никакой угрозы. Ни по отдельности, ни вместе.

— Вы уверены? — голос дрогнул. — Но Брэг сказал... — болезненная судорога сжала горло, принцесса закашлялась.

— Я так понимаю, вы связаны магическим договором? — Отрицательный кивок, судорожный, явно не согласующийся с выражением глаз. — И не выполнить задание вы не можете?

Снова кардинальное расхождение мимики и жестов.

— Ясно, — он вновь потянулся к её руке в успокоительном жесте, но Люба испуганно её отдернула — не дай Бог, опять пойдёт реакция. С другой стороны... она ведь уже соткала то панно... и даже положила его в пространственный карман. Пусть оно и не пригодилось непосредственно для того, для чего задумывалось.

Но сейчас, глядя на жгучий взгляд, скульптурный абрис скул и безумно притягательную прядь волос цвета воронова крыла, она робела, как настоящая малолетка. «Нет, не сейчас, иначе я сорвусь и завалю всю миссию к чертям собачьим! И так еле держусь. Тем более, что внятно объяснить я ничего не могу, а он может превратно понять. Ладно, завтра отправлю с посыльным».

— Что вы хотите за свой благородный поступок? — прервал он мечущиеся мысли.

— Чтобы вы дали возможность Брэгу исполнить условия конт..., - и вновь перемкнуло связки, не давая произнести ключевое слово.

— Я понял, — успокоил маг, — договорились.

* * *

Кордаван не спал всю ночь. Он перерыл энциклопедию ядов и три монографии по их синтезированию, но так ничего и не нашёл. Даже по отдельности эти компоненты нигде не использовались, только в лекарственных средствах.

— Может, это тактический ход Брэга? — почесал макушку, окончательно растрепав хвост. — Тогда браво актрисе.

Полез в блокнот, с записями контактов.

— Так, где у нас комбинация магистра алхимии...

Начертив на специальной доске с уже готовой пентаграммой координаты и символы вызова, он стал ждать ответа. Минута, две, десять. Наконец, над схемой возникло лицо старого мужчины, до сих пор преподававшего в академии, хотя мог бы давно почивать на лаврах и в ус не дуть.

— Доброй ночи, учитель, — почтительно склонил голову.

— Доброй, — добродушно ухмыльнулся вороньему гнезду на голове бывшего ученика, — судя по виду, тебе нужна срочная помощь?

— В точку, — он пригладил вихры и приступил к изложению проблемы.

— А ты уверен, что порошок — это кости моргулиса, а не, скажем, экстракт желчи махагона? Вспомни точно, какого цвета, запаха и консистенции он был.

— Мучнистый, серого цвета с лёгким запахом земли, — доложил и сам себя дополнил, — с

небольшими жёлтыми вкраплениями.

— Вот ты и ответил на свой вопрос. Теперь жидкость: она расслаивается на оттенки или однородного цвета?

— Однородного.

— Значит, мочу сколопендры исключаем, — деловито зашуршал страницами собственноручно составленного справочника, — цвет ближе к лимонному или апельсиновому?

— Скорее, как яичный желток.

— Хмм, значит, либо желчь богомола, либо кровь морского огурца. Так, что там у нас в свойствах?

— Богомол, — отрывисто бросил Корд, — это желчь богомола, которая в сочетании с желчью же махагона и ароматом калл становится смертельным ядом. А в королевских традициях именно этими цветами украшают покои новобрачных... и букет невесты.

— Молодец, пять! — по привычке брякнул профессор и сам же рассмеялся над застарелым рефлексом. — Осталось сделать противоядие — там несложно, всего неделя варки. Если хочешь, могу помочь.

— Нет времени, — ворон вновь схватился за волосы, улучшая мозговое кровообращение, — нужно другое решение.

— Убери цветы, — предложил учитель.

— Исключено, — мрачно буркнул главмаг, — национальная традиция, чтоб её. И враг всполошится.

— Купи искусственные, — воистину, простое и изящное решение, упущенное взмыленным Кордом.

— Точно! — он даже подскочил от радости. — Что бы я без вас делал?!

— Вылетел бы со своей адской службы и женился на хорошей женщине! — сказал, как обухом огрел.

— Сами-то, — быстро придя в себя, заметил ученик.

— Да кому нужны старые развалины? — по-доброму усмехнулся и неожиданно оглянулся на чей-то женский зов, — только для постельных утех, не более.

И отключился, оставив переваривать ценную информацию.

— Вот это да! — он снова заходил из угла в угол, размышляя на тему правильно выбранной профессии. — Надо было в алхимию идти: и работа спокойная и эликсир потенции всегда под рукой.

Остановившись, он оглушительно расхохотался. До слёз в глазах, до колик в животе.

Остаток ночи мужчина провёл, ворочаясь с боку на бок. Покоя не давали тревожные мысли о принцессе. «Это какую надо иметь силу духа, чтобы осмелиться противостоять Брэгу! Зная о

его характере и манере обращаться с женщинами..., хотя, возможно, именно из-за этого она и решилась. Что, кстати, отнюдь не умаляет её храбрость. Надо же, а я думал, что девчонка размазня. Интересно, каковы условия контракта и как их обошла Грэзи? Кстати, а Грэзиэна ли она? Неужто и впрямь... И чем смог взять её Брэг, если она так волнуется за условия?»

Заснул он только на рассвете, а через пару часов к нему уже стучал помощник с сообщением о срочной доставке. Не вылезая из кровати, Корд с подозрением осматривал рулон и тщательно сканировал на предмет подвоха. Ничего. И от этого ещё более странно. Наконец, он решился развернуть презент. Аккуратно, словно от увиденного зависла его жизнь. Яркие, сочные краски буквально резанули глаза, контрастируя со сдержанной гаммой спальни. Ковёр буквально буйствовал разноцветьем, поражая мастерством цветоподборки. Он видел нечто подобное лишь дважды, но оба образца отличались куда большей сдержанностью, чем этот экземпляр. А содержание... от него у мужчины перехватило дыхание и на мгновение остановилось сердце. Мужчина и женщина в страстных объятьях, глаза в глаза, душа в душу. Оба в чёрно-белой гамме, отсвечивавшей при этом практически всеми оттенками радуги. Их будто поймали в движении, неожиданно заставив замереть. Казалось, стоит щёлкнуть пальцами, и они сорвутся под пламенные звуки бравондского танго.

— Ё... твою ...! Это что, ..., такое? Какого ...? О, небо, неужели? Но КАК?!!

Глава 12. Ах, это свадьба!

Вот он и настал — день X, когда контракт будет выполнен. Пусть, в несколько скорректированном варианте, но официально ни одно слово не будет нарушено. По крайней мере, лично исполнителем. А за действия третьих лиц она ответственности не несёт. Люба долго билась за вышеозначенный пункт. Брэг настаивал на том, что договор считается исполненным лишь в случае благополучного исхода предприятия, на что она предъявила тысячу и одну случайностей, никоим образом от неё не зависящих, соответственно, отношения к качеству её работы не имеющих. В конце концов, девушка смогла ограничить круг своих обязанностей основными вехами: привлечение внимания Миральда, приветливое обращение, безоговорочное согласие на брак и сопутствующие сему мероприятию условия и, наконец, чёткое выполнение инструкций по нейтрализации объекта. Последнее она отработала до автоматизма. Точным, незаметным движением открывала перстень, высыпала его содержимое в вино, после вскрывала кулон и добавляла финальный штрих. Не забывала при этом прикрыть рукой бокал, дабы погасить небольшое шипение, попутно встряхивая для тщательного перемешивания ингредиентов адского коктейля. После с милой улыбкой подавала Брэгдану, в глубине души надеясь, что тот забудется и выпьет. Наивная.

Утром её не миновала генеральная репетиция, как раз перед тем, как придти горничной, модистке и парикмахерам.

— Молодец! — расщедрился на комплимент белобрысый. — Не подкачай, малышка, и вернёшься домой.

— Правда? — неверяще взглянула иномирянка. — Такое чувство, что этот геморрой никогда не закончится.

— Да, история затянулась, — поморщился маг, — Вилдар не вовремя вмешался.

— Где он сейчас? — голос невольно дрогнул.

— Ждёт своего часа, — успокаивающе похлопал по плечу, — далеко. Прибудет только завтра

утром.

— Надеюсь, я его больше не увижу, — зябко передёрнула плечами.

— В крайнем случае, издалека, — подозрительно покладисто заверил мужчина, — ладно, не буду мешать готовиться.

И вышел, томительно предвкушая финальную часть выполнения обязательств. Ту, что перед отправкой назад.

Во время приготовления невесты в кляре (иначе это непотребство она обозвать не могла) Люба умудрилась отрешиться от издевательств, тщательно подыскивая формулировки объяснений для сексоворона. Именно так она именовала герцога Дагонского последний месяц. Тот факт, что он пригласит её на танец, девушка даже не ставила под сомнение. Представлять его реакцию было любопытно и одновременно страшно. Кто знает, какие выводы может сделать искушённый в политических интригах мужчина. Единственное, что успокаивало — она поступила правильно, раскрывшись перед ним, иначе не смогла бы смотреть себе в глаза, пусть даже в зеркале. Да, принц ей никто, а этот мир не родной. Человеком надо быть в любых обстоятельствах, а не только в комфортных условиях!

— Ваше высочество, пожалуйста, — служанка впервые обратилась по титулу, Люба даже не сразу сообразила, что речь идёт о ней, — не наклоняйте голову, мне плохо видно.

Подопытная исполнила просьбу и вновь окунулась в собственные мысли. Теперь они вертелись вокруг любимой дочурки, о которой она старалась много не думать — опухшие глаза трудно замаскировать даже под хорошим слоем штукатурки. Но сейчас уже можно... немного... совсем чуть-чуть... чтобы собраться с духом. Мягкие завитки волос, глаза цвета жжёной карамели, курносый носик, алые губки, сколотый передний зуб — результат попытки отгрызть кусочек глиняной свистульки. Самый сладкий в мире запах, мурашки удовольствия от нежных объятий маленьких ручек, вечно пинающиеся во сне ножки и маленькая вертящая задница!

— Что с вами? — запаниковала девушка, делавшая макияж, — что-то болит?

— Нет-нет, всё в порядке, — сморгнула наворачнувшиеся слезинки новобрачная, — просто предсвадебное волнение.

— Да, это дело такое, — понимающе кивнула парикмахерша, — вот, помнится, я перед свадьбой вообще белугой редела — так не хотелось выходить за того, кого родители выбрали.

— И что? — невольно увлеклась интригой.

— Что-что, — хмыкнула женщина, откинув со лба прядь волос, — в земле давно лежит, болезный. А я потом вышла за Врыльку — конюха, шельмеца проклятого.

— Это тот, кто ни одну юбку не пропускает? — ехидно уточнила модистка, пользуясь более высоким статусом и, соответственно, безнаказанностью. В то время как прочие наводили красоту на голове, она заканчивала последние штрихи портновского шедевра.

— Я работаю над этим, — Люба вскрикнула от неожиданной боли — расстроенная женщина слишком резко дёрнула за прядь, — простите, госпожа, я ненарочно!

— Скоро уже? — спросила жертва произвола.

— Ещё чуть-чуть и будем платье надевать, — успокоила маникюрша.

Многострадальный вздох был ей ответом, ибо борьба с местной модой давно сидела у Любы в печёнках.

* * *

Поездка до храма прошла как в тумане. Из-за высокого статуса брачующихся пришлось ёрзать под тысячью взглядов в открытом ландо. Звуки, как и запахи Брэгдан перекрыл защитным куполом, отчего было до жути странно видеть открытые рты, покрасневшие от крика лица, беззвучные аплодисменты и отскакивавшие от невидимого купола цветы. Их бросали радостные горожане, пытаясь тем самым выразить своё восхищение принцессой. Что хотел сказать снайпер, запустивший надкушенный пирожок — непонятно. С одной стороны, это не помидор и тем более, не протухшее яйцо, а вполне съедобная еда. Да и начинка не абы какая, а мясная! Она живописно пролетела мимо мага, посыпая окрестности рубленным фаршем. И не жалко было с таким добром расставаться? Может, кидавший таким образом намекал на излишнюю худобу будущей матери дюжины детей? Хотел поддержать монаршее потомство, так сказать превентивно. Или оказал высшую честь, разделив последний кусок хлеба? В общем, сие кануло в Лету, или через что здесь мертвяки переплывают.

Наконец, бесконечная череда вспотевших от яркого летнего солнышка людей закончилась, под сенью величественного храма стояла приятная прохлада. Высокопоставленные счастливики смогли избежать перегрева, посему выглядели куда бледнее и приличнее простого люда. И высокомернее.

Люба шла по центральному проходу, проклиная местную моду, боясь споткнуться в самый ответственный момент, а многочисленные взгляды обжигали кто интересом, кто презрительной холодностью. Никто не остался равнодушным, ибо начиналась новая веха в истории государства, и какой она будет для каждого из них — пока непонятно. Обретая жену, а впоследствии наследников, принц Миральд становился куда более весомой политической фигурой, чем был. Впрочем, был он практически пустым местом, зато теперь с ним придётся считаться, хотя бы как с промежуточным звеном между поколениями.

И лишь один взгляд рождал в её груди приятное тепло и томительный трепет. Пусть, в нём горело множество вопросов, мелькали сомненья, но пронзительные глаза цвета беззвёздной ночи жадно всматривались в милые черты, искали соответствия, ждали подтверждения. Смело встретив немой вопрос, она аккуратно кивнула и дошла, наконец, до своего румянощёкого жениха. В своём белоснежном камзоле с золотым позументом он выглядел краше самой разнаряженной девицы, кудрями так точно.

Обряд Любе практически не запомнился, только момент с разрезанием ладоней и кровоприношением древнему алтарю. Смысл сего действия ей давно объяснил Брэг, не преминув поглумиться, а также побахвалиться собственной прозорливостью. На самом деле, такое бракосочетание давало многое: гарантию, что невеста невинна, а значит, родит кровного наследника, уверенность в том, что муж, насытившись женой, не решит развестись и взять более молодую женщину. Также он исключал саму возможность измены, хотя, говорят, некоторые умудрялись и здесь выкручиваться, ведь суть преграды заключалась в том, чтобы не наплодить бастардов, а какие могут быть дети между однополыми интрижками?

Если раньше венчаться на древнем алтаре было почётно, допускались к этому только дворяне, то сейчас большинство старалось избегать сомнительных последствий «благословения». Больше того, теперь, за неимением лучшего, к святому таинству стали допускаться

состоятельные горожане, за хорошую плату, разумеется. Куда мир катится? И только члены королевской семьи в обязательном порядке соединялись со своими супругами в соответствии со старинными традициями.

Закономерный вопрос о дальнейшем будущем Любани оказался легко решаемым, примерно тем же способом, что и отсутствие девственности. Достаточно не консуммировать брак в течение месяца, либо согрешить с другим. Последний вариант так и крутился в блондинистых головах, вот только вектор направлений существенно отличался.

Следует отдать должное деликатности жениха — первый брачный поцелуй был лёгкий и ненавязчивый. Чего нельзя было сказать о последующих, которые пришлось вытерпеть за этот воистину бесконечный день. Отвращение Люба, как могла, маскировала скромностью: смущённый румянец, потупленный взор, главное — губы расслабить, чтобы не выдали недовольными складками. В какой-то момент она осознала, что не чувствует их, как будто те онемели от творящегося над ними слюнявого издевательства. Естественно, в таком предрвотном состоянии кусок в горло не лез, лишь невероятное количество бокалов с напитками, которыми она пыталась замаскировать чужой вкус.

— Дорогая, с вами всё в порядке? — обеспокоенно взглянул на прелестную супругу принц. — Вы так бледны.

— Простите, я просто переволновалась, — последствия от излишнего потребления жидкости не заставили себя ждать, — мне надо припудрить носик.

Еле успев добраться до вожделенной сантехники, девушка облегчённо вздохнула и истерически рассмеялась. Воистину, эпическая картина: молодая красавица в сногшибательном во всех смыслах этого слова платье сидит на горшке и радуется, что смогла хотя бы на минутку улизнуть с собственной свадьбы. А что вы хотели? Взять тот же танец молодожёнов: он, путающийся в ногах и потеющий от счастья и она, изо всех сил расслабляющая то спину, то руки (всё вместе не получалось), чтобы не показаться совсем уж деревянной. Малоприятные воспоминания прервал настойчивый стук. Пришлось оперативно оправляться, выходить из временного убежища в комнату и спрашивать:

— Кто там?

— Опекун, — раздалось насмешливое.

Делать нечего, надо впускать. К счастью, за Брэгданом следовала вездесущая Ждара, за что она была ей бесконечно благодарна.

— Ты как? — сочувственно спросила компаньонка.

— Держусь, — для убедительности Люба даже кивнула.

— Хочу тебе напомнить, — блондин приподнял её подбородок и вымораживающее посмотрел своими белёсыми глазами, — один неверный шаг, и всё, о чём мы говорили в самом начале нашего увлекательного знакомства, я сделаю без малейших колебаний.

— Нне сомневаюсь, — вздрогнула принцесса.

— Это так, — он провёл жёстким пальцем по нижней губе, — вдруг забыла.

Уже наклонился, чтобы вновь испытать еле державшийся организм на прочность, но очередной стук заставил отвлечься.

— Ваше высочество! — резкий, словно взмах шпаги тон, пронзающий до самого нутра.

— Надо открыть, — шёпотом уведомила мучителя, — иначе шум подымет.

— Проходите, господин главный маг, — учтиво промолвила Ждара, распахнув дверь.

— Вас потеряли, — не обращая внимания на гневное сопение бывшего приятеля, ворон галантно подал руку заробевшей девушке, — скорее, муж ждёт.

Лёгкая складка, через мгновенье убежавшая со лба, не осталась незамеченной.

— Из вас плохая актриса, — доверительно шепнули обжигающе горячие губы в миллиметре от изящного ушка.

Шея тут же покрылась мурашками, к счастью, не замеченными вездесущим Брэгом, ибо по каким-то необъяснимым для попаданки причинам они оказались далеко впереди.

— Каюсь, — в том же звуковом диапазоне ответила Люба, — низжайше прошу прощения и жажду искупления.

— В таком случае позвольте пригласить вас на танец, — он вовремя уловил начальные аккорды вальса, прозвучавшие совсем близко.

— Как мы так быстро дошли? — изумилась давно на всё согласная принцесса и заморгала от яркого света, дезориентирующего после полумрака коридоров.

— Секреты мастерства, — он улыбнулся уголком губ и, не дожидаясь ответа, обнял её за талию. От первого же прикосновения всё окончательно встало на свои места. — Почему вы сразу не сказали, что были той самой, а дали знать лишь сегодня утром? Я мог бы многое исправить, например, жениха.

— Мне нельзя срывать миссию, а рот перекрыт конт... ну, вы и сами знаете, — в который раз повторила она.

— Кто был на маскараде вместо вас? Компаньонка? — Согласный кивок. — И что нам теперь делать?

— Ммм, — Люба даже облизнулась от предвкушения, — прощальный секс? — На большее она даже не смела надеяться. Да и Зойка с мамой её ждут.

— Что? — не поверил своим ушам Корд.

— Понимаете, — старательно подбирала слова, чтобы не произнести ключевых терминов контракта, — моё исходное состояние несколько отличалось от нынешнего, — многозначительный взгляд, — и я бы хотела его восстановить именно с Вашей помощью.

Мужчина надолго завис. С одной стороны, предложение звучало крайне неприлично, с другой настолько многозначительно...

— Насколько я понял, в условиях прописана ваша безопасность, раз речь идёт об исходном состоянии.

— Какая пронизательность, — восхищённый вздох.

— Надо же, — поразился маг, — он научился составлять нормальные документы?

— Не без моей помощи, — лихо подмигнула девушка.

— Хотел бы я знать подробности торга, — теперь уже в его глазах мелькало восхищение.

— Поверьте, это специфическое зрелище, — прекрасные очи застыли от тяжёлых воспоминаний, лучше любых слов передавая смысл.

В ответ её ещё сильнее стиснули в объятьях.

— Через три танца снова будет вальс, — повёл в сторону принца хрупкую блондинку, — обещайте его мне.

— Разве я могу отказать такому умелому партнёру? — обожгла горящим взглядом статного красавца.

Но новоявленную сноху поспешил позвать дражайший свёкр, не менее прочих жаждавший пообниматься с прелестной девушкой.

— Прошу прощения, Ваше Величество, но я был первым, — нагло вклинился Корд и перехватил невесту за талию, — иначе Её Высочество рискует прослыть лгуньей.

Удар был рассчитан с ювелирной точностью: репутация монаршей семьи должна быть безукоризненна. Кто против, имел приватную беседу с отделом безопасности. Совершенно случайно именно сей несносный тип являлся его начальником..., как говорится, круг замкнулся.

* * *

Не успела Любаня насладиться крепкими объятьями главмага, как её тут же перехватил новоиспечённый муж. Он беспечно щебетал о том, как рад, что добрый Корд спас его жёнушку от посягательств похотливого батюшки, что именно он является тем умом, что правит Кордией и прочая и прочая. Девушка особо не вслушивалась, сосредоточившись на том, чтобы не упасть в голодный обморок. Лишь мельком проносились мысли о беспросветной наивности наследника, о том, что живи Корд в её мире, она бы давно выскочила за него замуж, или хотя бы попыталась... В какой-то момент они стали бессвязными, а после и вовсе затерялись в круговороте окружающего пространства.

Очнулась она в незнакомой спальне, без платья, но в шёлковом халате. Кто-то, а, скорее всего, Ждара, позаботился о стыдливости, которую в последние полгода с особым рвением испытывали на прочность. Огляделась. Интерьер в голубых и кремовых тонах, повсюду расставлены изысканные каллы, вот только нежного запаха не ощущалось.

— Странно, — хриловатый голос утонул в вязкой пустоте, — почему цветы не пахнут?

Она соскочила, подбежала к ближайшему букету, вдохнула и озадаченно стала ощупывать муляж.

— Подделка? Зачем?

Внезапно она заметила до боли знакомый отблеск. Да, её действительно передела Ждара, не

забыв добавить смертельных аксессуаров. Рука метнулась к горлу, проверяя наличие кулона. На месте. Любу резко бросило в жар, а следом тут же прошиб озноб. Страшно. Противно. Но ведь Корд в курсе, он должен был что-то предпринять, иначе вряд ли бы растанцовывал с потенциальной отравительницей наследника престола!

— Милая, ты пришла в себя! — раздалось радостное за спиной.

От неожиданности она подпрыгнула и схватилась за сердце.

— Ох, Миральд, вы так меня напугали!

— Прости, — он подошёл и мягко приобнял за плечи, — к чему формальности, после сегодняшней ночи можешь смело говорить мне ты.

— Спасибо, — невпопад ответила девушка, лихорадочно соображая, что же ей делать.

— Ты такая красивая, — он развернул её к себе, пригладил второй рукой слегка помятую причёску, — и трепетная. Я люблю тебя! — пылко воскликнул и потянулся своими пухлыми губами к уже законной жене.

Почти законной. Осталось совсем немного, и тогда она уже не сможет быть ни с каким другим мужчиной, пока Мир не умрёт. Последнее в её планы не входило, впрочем, как и первое.

— Я тоже, — помахала покрашенными ресницами и притворно закатила глаза, приложив для достоверности руку ко лбу, — Боже, у меня голова кругом от вашей близости!

— И у меня, — не понял тонкого намёка принц, увеличивая напор. Правда, у него при этом так тряслись руки, что девушка испугалась, как бы его удар не хватил.

— Давайте выпьем! — напрямую предложила новобрачная, — это нас немного успокоит, иначе мне грозит повторный обморок.

— Давай! — радостно согласилась святая простота, и кинулся откупоривать вино.

Зря Люба боялась, что не сможет улучшить момент с подмешиванием. Тремор плохой союзник моторики, благо, страдала им не она. Принц не просто чуть не выронил бутылку, но и умудрился облиться. Брезгливо сморщив курносый нос, он снял испорченный камзол и пошёл в туалетную комнату мыть руки.

Быстро, пока благоверный не успел вернуться, она наполнила бокалы и на полном автомате выполнила нужные действия. Фух, кажется, за это время даже спичка не успела бы сгореть! Зато потом пришлось ждать... по ощущениям, так полчаса, не меньше. Наконец, на пороге спальни появилось встрёпанное нечто, похоже, впервые самостоятельно совершившее гигиенические процедуры. Рубашка мокрая, брюки частично тоже, волосы всклокочены... обнять и плакать.

— Милый, — Люба едва заметно запнулась, но уверенно продолжила, — я налила нам вино.

Она многозначительно сделала ударение на слове «нам», грациозно двинувшись в его сторону. С лукавой улыбкой подала бокал, чокнулась и пригубила напиток. Попыхтев ещё немного, переживая прошедший бой с ушатом, он забрал напиток и резко опрокинул его внутрь. Естественно, подавился, закашлялся, отхаркивая попавшую не в то горло жидкость. И вот уже

в дыхательных путях ничего нет, а спазм не проходит, душит. И лицо из пунцового становится синюшным, ноги подкашиваются, судорожно взбивают роскошный ковёр.

— А-а-а! — изо всей мощи своих лёгких заверещала Люба. Бросилась переворачивать Мира и стучать по спине: мало ли, может, в бронхи попало. Принц продолжал дёргаться и никак не реагировал на её тщедушные попытки.

— Ко-орд! — уже хрипловато продолжила голосить принцесса.

К счастью, тот не заставил себя ждать, материализовавшись в центре комнаты.

— Отойди, я сам, — он схватил наследника за плечи, перевернул, открывая отёкшее лицо, — чем ты его напоила?

— Тем же самым, что и показывала, — срываясь в плач, прохрипела девушка.

Пока она отвечала, ворон разместил на нём лекарские амулеты, а сам быстро взял образец слюны для анализа. Парень затих, изредка подрагивая конечностями.

— Амулет Брэга, быстро, — он требовательно протянул руку.

Люба вздрогнула, неуверенно потянулась к цепочке, на секунду замерла, но всё-таки сняла её и отдала Корду. В этот самый момент дверь с треском отворилась, впуская Базальда и кучу стражников.

— Что здесь происходит? — громогласно возопил король.

— Покушение, — ровно ответил маг, — удавшееся.

— Как удавшееся? — она изумлённо уставилась в холодные антрацитовые глаза. И тут иномирянку осенило, что, похоже, её банально подставили. Virtuозно. Обвели вокруг пальца, как глупого кутёнка.

— Тело на обследование, девчонку в камеру, — отрывисто бросил главмаг подошедшему подчинённому.

Глава 13. Нежданчик

Леденящие душу слова до сих пор эхом отражались в пустой, словно выдолбленная тыква черепушке. Сердце будто сжали железными клещами, вырвали наживую и положили на алтарь злобного бога интриг. Вон он стоит, ухмыляется!

«Как же так? Ведь я ему доверилась, показала всё, что на тот момент могла! Он так меня обнимал... будто я единственная женщина в мире! Боже, как больно! Пожалуйста, не дай мне пропасть, ты ведь знаешь, что без меня мама с Зойкой не справится. А я... я засуну обратно своё искалеченное сердце, зашью грудь как та девица из очередного сиквела про «Чужих», и буду жить назло всем! Пусть подавятся своей властью, козлы позорные!»

Дорога до тюремного подземелья кажется бесконечной. Наконец, один из провожатых открыл железную дверь, жутким скрипом резанувшую и без того натянутые нервы. Крутой спуск вниз, запах стылого камня, щербатые ступени под ногами и снова дверь, такая же «мелодичная», но Люба уже не вздрагивает, лишь недовольно морщится. Теперь прямо и вот она — мечта агорафоба: глухая одиночка с зарешённым окном. Внутри апартаментов узкая скамья с

неопределённого вида тряпицей и ведро в углу. На цепи, чтобы не смогла использовать в качестве ударного инструмента. Кто сказал, что только балалайку можно применить не по назначению?

— Все свободны, дальше я сам, — лязгнули наружные засовы, оставляя одного из мужчин внутри, — ну что, дорогая, не по нраву тебе пришёлся наш принц? Ничего, сейчас ты попробуешь настоящего мужчину!

Люба равнодушно взглянула на хорохорящегося самца и с удивлением отметила, что он даже не пытается реализовывать свои угрозы. Напротив, дождавшись, когда штатные тюремщики с похабным хохотом удалятся, проскрипит дверь, деловито пошарил по стене и нажал парочку камней. Часть стены бесшумно, что вдвойне подозрительно после той какофонии, от которой у неё до сих пор уши не отошли, отодвинулась.

— Что встала столбом? Вперёд! — не стал особо церемониться с чуткой девичьей психикой. Вытащил из провала грубо сшитую куклу, из прорех которой торчала солома, пристроил на лежанку, прикрыл «одеяльцем» и подпихнул неуверенно шагнувшую Любу. — Давай-давай, нам ещё наверх топать.

Что сказать, так высоко горожанка двадцать первого века без лифта никогда не поднималась. Разве что к подружке в общежитие, но, то было один раз и по пьяни. А тут и ступеньки не по ГОСТу, и не ела сегодня ничего, плюс трэшевость происходящего зашкаливает. Наконец, они добрались до очередной железной двери, открывшейся так же бесшумно, как и стена, и оказались в квадратном коридорчике. Ехидно ухмыльнувшись, бородач втолкнул её во вторую за эту бесконечную ночь спальню (камера не в счёт, там балдахина не было) и развернулся обратно.

— Сиди здесь, а мне возвращаться пора — дел невпроворот, — отрывисто бросил и удалился, оставив Любаню лупать от растерянности круглыми глазами.

* * *

— Тело на обследование, девчонку в камеру, — отрывисто бросил Корд. Вслух. Ментально же добавил, — *там подложишь муляж с магической ловушкой. Принцессу ко мне, так, чтобы никто не видел.*

И, не дожидаясь, когда стражники поднимут труп, вместе с ним перенёсся в лабораторию. Активизировал оповещатель помощника, уже через пять минут явившегося на рабочее место

— Так, слюну под увеличитель, тело на вскрытие, я к королю.

Успокоить монарха оказалось куда сложнее, чем он думал. Нет, тот не пылал большой любовью к недотёпистому наследнику, но теперь встал вопрос о престолонаследовании, а это дело серьёзное.

— Ты ведь и сам прекрасно понимаешь, что сейчас понабежит желающих целая свора, — борода тряслась от ярости, слюна брызгала в разные стороны.

— Да, и в первую очередь твой бастард, — ядовито заметил главмаг.

— Точно! Хорошо, что остальные — девки. — Он снял корону и устало отёр лоб. — Слушай, неужели пройдоха Брэг думал, что мы не заметим его интриги и допустим Вилдара к власти?

— А у нас выбора нет, — меланхолично протянул брюнет, — кто ещё? Племянников по крови у тебя нет, а те, что со стороны почившей королевы — ещё более бестолковые, чем Мир. Восьмидесятилетний кузен со дня на день обещает преставиться, пара внучатых племянников под стол пешком ползают, даже не ходят. Только сын Флазары и остаётся.

— Категорически нет! — взорвался Его Величество.

— Успокойся, — вконец обнаглевший ворон поднялся и направился к двери, — у меня нет ни времени, ни сил сейчас с тобой спорить. Дела, знаете ли, — коротко кивнул и вышел.

— Вот наглец! — подлокотники жалобно затрещали под пальцами Базальда.

Неожиданно дверь снова открылась, явив нахальный клюв.

— Не вздумай принимать никаких решений, пока я не допрошу Грэзиэну! — и хлопнул дверью.

— Разбаловал я его, — проворчал король и двинулся в сторону бара, — совсем от рук отбился!

В тиши кабинета раздалось многозначительное бульканье.

— Стража! — торопливые шаги. — Леди Шалырду в опочивальню. Живо!

* * *

Люба сидела тихо, как мышка, окончательно перестав понимать суть происходящего. Куда её привели? По чьему-то приказу или она просто понравилась бородатому мужику? Чего ещё можно ожидать от этого распроклятого мира? Если честно, её так достали эти американские горки, что она с удовольствием послала бы всех в Ад и собственноручно захлопнула за ними дверь. Если потребуется — изнутри. Зябко обхватив плечи руками, девушка продолжала накручивать себя, погружаясь в пучину собственной мнительности. Так что к тому времени, когда в дверь вошёл ни кто иной, как сам герцог Дагонский, она подскочила, словно освободившаяся, наконец, из тисков пружина.

Сердце ходит ходуном, глаза пылают, кулаки сжаты до побелевших костяшек. Лишь в общей нервозности движений угадывается страх.

— Не бойся, — Корд протянул перевернутые ладонями вверх руки, — пока все думают, что ты под арестом, тебе ничто не угрожает.

И устало улыбнулся. Из Любы как будто весь воздух вышел: запал потух, а с ним ушли и последние силы. Он едва успел подхватить потерявшее опору тело.

— Всё хорошо, результаты вскрытия и анализа слюны показали, что принц умер от банальной аллергии. Реакция произошла настолько быстро, что даже целительская магия не помогла. Представляешь? Мы с тобой ломали голову, как бы его спасти: ты рисковала своей жизнью, я вывихнул мозги в поисках выхода, и таки нашёл его, а он... у него оказалась острая непереносимость желчи богомола.

Параллельно с объяснениями он аккуратно усадил девушку в уютное кресло, открыл шкаф, где хранил запасы готовой еды в стазисе, быстренько сервировал стол и пристроился напротив.

Облегчение позорно затопило все муки совести. В данный момент ей было несколько не жалко усопшего, лишь безмерное счастье, что завтра её не отправят на плаху. «Стрёмно!» — скажете

вы? «Да пофиг!» — ответит вам инстинкт самосохранения. Конечно, позже, когда сильные эмоции улягутся, она ещё не раз вспомнит о неплохом, хоть и слабохарактерном парне. Помянет, поставит свечку в храме за упокой души.

Ели жадно, молча, наслаждаясь приятным ощущением наполняющегося желудка. Лишь после того, как была съедена последняя крошечка последнего кусочка, они осмелились перейти к разговору.

— Даже не знаю с чего начать, — резко выдохнув, приступила к объяснениям Любана.

— Может, с самого главного? — не стал теряться главмаг, — или хотя бы простого, — заметив смущение, добавил он.

— Блин, — она в волнении закусила губу и лихорадочно выбирала: говорить о ребёнке или сразу приступить к тому, что она иномирянка. Если бы дело касалось кого другого, вопрос бы даже не стоял (кому какое дело до её личной жизни?), но этот мужчина совершил в ней настоящую гормональную революцию. А уж как смотрит, чертяка...

— Занимательное начало, — не дождавшись продолжения, пошутил Корд, — давай ты скажешь, как тебя по-настоящему зовут.

— Люба, — с облегчением выдохнула девушка, а потом поправилась, — Любовь.

— Любовь, — он смаковал, перекачивал буквы по языку, наслаждаясь красотой звучания, — интересное имя, но странное. Я такое даже в других языках не встречал.

— Оно нездешнее, — сцепила пальцы, — я сама нездешняя.

— Понятно, — кивнул маг, наклоняясь всё ближе к прекрасной незнакомке, — а как же генетический анализ?

— Подделка.

— Это я и так знал, — ехидно ухмыльнулся, — вопрос: откуда образцы?

— От короля Меравии, — удивила — это слабо сказано. С учётом того, что меравийское посольство изрядно тогда потрепало нервы.

— Чёрт, я так не могу — это просто какая-то невообразимая бесконечность! — внезапно он оказался совсем рядом, схватил в охапку и запечатал рот обжигающим поцелуем.

Стоит ли говорить, что коленки у бедняжки, и без того ослабшие, подкосились, голова закружилась, а гормоны с криками: «Наконец-то! Давно пора! Гип-гип ура!» и прочими непатриотичными лозунгами заполонили и без того потрёпанный мозг.

Очнулись они в кровати, запыхавшиеся, как два сердечника, с частичной потерей одежды. У неё куда-то таинственным образом исчезли чулки (странно, что не халат — любимый, точнее не любимый, учитывая то, что снимать его обычно спешили в первую очередь, предмет одежды у мужчин), у ворона отсутствовал камзол и пара верхних пуговиц на рубашке. Люба, определённо, не испытывала страсти к чулочно-носочным изделиям.

— Давай сэкономим время нам обоим, — коварно предложил товарищ допроситель, — ты откроешь мне своё сознание, я быстро посмотрю, что мне нужно, и мы вернёмся к твоей

первой брачной ночи.

И так при этом горячо улыбнулся, что даже Фаина Григорьевна не смогла бы ему отказать.

— Давай, — облегчённо вздохнула Люба, радуясь, что не придётся подбирать слова и тянуть кота за хвост. А что, скрывать ей от него нечего, терять тоже. Хуже не может быть точно, потому что куда ещё?

— Расслабься, — он слегка отстранился и вновь посмотрел своим проникновенным взглядом. Завораживающим. Обещающим. Обжигающим. — Ничего не бойся. Доверься мне, я не обижу.

Люба буквально тонула в чёрных очах притягательного, как медовый торт, мужчины. Она мысленно считала звезды, отражавшиеся в бездонных омуты, пока её саму в них не засосало. Перед глазами замелькали, словно в ускоренной перемотке, кадры её дурацкой жизни, замедляясь в самых неожиданных местах, например, как она прыгала с трансформаторной будки в сугроб, или как на пару с подругой собирала по пустырю бутылки. Долго искала открытый приём стеклотары, выбирала, что купить..., а потом стояла в углу с выпоротой жопой, глотая горькую слюну. Отец так и не позволил съесть ни кусочка из того небольшого тортика, на который ей всё-таки хватило денег. В воспитательных целях, чтобы впредь помнила о времени и не опаздывала с прогулки. Как сам не подавился, когда ел? Потом развод родителей, облегчение матери от гнёта давно не работающего, но много о себе мнящего мужчины, занятия танцами, учёба, институт, нереализованный аборт, гонка за выживание и отчаянное сопротивление одному наглому, беспринципному магу. И тут её накрыло ответкой.

Совершенно другие картинки понеслись перед внутренним взором: жестокий отчим, исполосовывающий худую мальчишескую спину за достаточно невинные проказы, муштра в магической школе, драки за место под солнцем. Не детские: до крови, до сломанных рёбер и перебитых конечностей. Снова проказы, только уже совсем иные. Вовремя остановившийся парень, едва не переступивший через последнюю черту, после которой трудно вернуться, по крайней мере, нормальным. Ссора с Брэгданом, давно нарушившим все мыслимые табу. Приём на работу в королевскую службу безопасности, пока рядовым сыскарем. Трагический брак и полная пустота в выжженной от боли душе.

Они потерялись друг в друге, как две реки, слившиеся воедино. Казалось, будто воспоминания перемешались до такой степени, что уже не отличить, где заканчивается её жизнь и начинается его. Жаль, она не успела досмотреть до того момента, как он её встретил. Она вообще много чего не успела, но поняла главное: этот мужчина как никто другой заслуживает счастье. Простое, человеческое, без условностей и вранья. Он же в полной мере осознал, что не в силах оставить её на произвол судьбы. Ни в одном из миров. Хватит! Она и так вдосталь наигралась девчонкой, проверяя на прочность силу воли. И не важно: кто, откуда и зачем пришёл, у кого какой багаж за плечами, главное — есть они и их близкие, а всё остальное — пыль под подошвой дорожных сапог.

* * *

Как ни хотелось Корду остаться с Любой, пришлось выбираться из мягких объятий постели. Только тонизирующего эликсира хлебнуть и вперёд! Но, сперва прикрыть одеялом хрупкую фигурку, в последний раз поцеловать влажный висок и, преодолевая сопротивление собственного тела, выйти вон.

Девушка с непривычки отключилась, не выдержав напора чужого сознания. К слову, он вовсе не собирался углублять контакт, хотел лишь считать воспоминания за последний год, но,

увидев её в мужском костюме перед светящимся экраном, тыкающей пальцами в чёрные кнопки, понял, что лёгкий вариант не подойдёт. То, что он узнал, сразило его наповал. И дело даже не в том, что она оказалась из другого мира — это достаточно известное явление в магических кругах, а в том, какая у неё оказалась жизнь. Такое чувство, будто госпожа Судьба ставила над ней жестокий эксперимент: сможет ли выжить и сохранить человечность хрупкая девушка в море житейских невзгод или сорвётся. Единственный бонус, который был ей даден — любящая, самоотверженная мать, а после чудесная малышка, от появления которой, впрочем, проблем только прибавилось. Что самое удивительное, ни Люба, ни мать не считали чем-то ненормальным жить отдельно, не пытались найти себе мужей, хотя обе были выше всяческих похвал. Правда, не пытались — это не то слово, скорее, не попадались им на жизненном пути достойные индивиды. Что ж, теперь всё изменится, вот только дела уладит с этими треклятыми заговорщиками, и откроет портал. Будет у него вместо погибшего сына живая дочь. Не считая совместных детей, разумеется. И иномирная тёща. М-да!

К сожалению, из приятных мыслей пришлось выныривать, тем более, что ещё тридцать минут назад Грид оповестил, что птичка попала в клетку.

— Какие люди! — издевательски поклонившись, поприветствовал высокородного узника главмаг. — Какими судьбами?

— Эта сучка предала меня! — вся холёная утончённость улетучилась, не прошло и получаса заключения. — Имей ввиду, за мной стоят такие люди, о которых ты даже не подозреваешь!

— Например, король Меравии, — лениво поинтересовался Корд, — или глава торговой гильдии, по совместительству новый любовник твоей кузины?

От неожиданности тот даже дара речи лишился.

— Как низко пала герцогиня! — продолжал издеваться главмаг. — После самого короля опуститься до неблагородного...

— Зато у него денег больше, чем у вас вместе взятых! — не стал отрицать очевидного, лишь удивляясь, откуда тот узнал о сговоре с меравийским правящим домом. Ведь даже эта мерзкая предательница ничего не знала, лишь о том, что... точно! Это пустые догадки, основанные на паре фактов.

— Ничего, это временное явление, — ехидно осклабился глава национальной безопасности, — впрочем, как и твои интриги. Скажи, Брэг, вот только честно: неужели ты так настолько любишь своего племянника, что решился на такую авантюру? Или жажда власти застила твои выгоревшие глаза? Нет, ну, правда, ты что, идиотом меня считаешь? Думаешь, я не слежу за всем и вся? Не знаю, какая гниль набухла под покровом чрезмерного богатства?

— Я никогда не сомневался в твоём уме, — заюлил бывший однокурсник, — разве что, когда ты на королевскую службу поступил.

— Я помню, что ты мне тогда сказал, — саркастически заметил Корд, — на память пока не жалею, хотя и выгляжу старше тебя. Кстати, ты не знал, что побочным эффектом омолаживающего зелья является сокращение печени? Чем больше потребляешь, тем меньше она становится.

— От одного раза в год ничего не бывает, — недовольное бурчание.

— О, я смотрю, ты досконально изучил сей вопрос! — внезапно брюнет отключил магическую защиту клетки, чтобы быстро войти внутрь и вновь её активировать.

— Хм, ты всегда был рискованным парнем, — слегка опешил Брэг, даже не пытаясь выбраться. — Чего же ты хочешь от меня, раз и так всё знаешь?

— Пароли, явки, адреса, — попытался зафиксировать пленника, но не тут-то было! Тот извернулся и понеслось... Нет, гром не гремел, молнии не сверкали, полчища подземных чудищ тоже отсутствовали, лишь быстрые, на грани видимости движения, игра на пределе. Чуть неверный угол наклона или неверно отмерянная энергия — и последствия фатальны.

— Фух, давно я так не развлекался! — устало отбросил седую прядь один из противников, развалившись в позе морской звезды на жёстком полу.

— Тебе бы не помешали тренировки, — еле отлепившись от не менее твёрдой стены, куда он с хрустом впечатался, прокомментировал ворон.

— Не с кем! — патетически встряхнул кистью и снова безвольно её опустил.

— Кстати, весело было, — хмыкнул Корд и резво скрутил его в баранку магическими путами, — а теперь о деле. — Весёлость, как рукой сняло. — Кто, где, когда и как?

То, что узнал главмаг от главгада оказалось лишь каплей в море: львиная доля информации находилась за таким блоком, что даже трепанация бы не помогла. И дело вовсе не в том, кто из них был более сильным магом, кровный договор, продуманный до мельчайших нюансов не позволял сказать больше, чем положено. Даже если бы допрашиваемый вдруг раскаялся и решил сознаться. Единственное, что удалось получить в полном объёме — это информация по Любе: координаты мира, места и времени изъятия. Тоже, конечно, хорошо, иначе, кроме как через смерть, путь невозможно было бы определить. И это совершенно ни к чему, да.

— Ладно, пока, пора мне, — еле двигая от перенапряжения ногами, зашаркал Корд.

— Скатертью дорога, — кое-как ворочая языком, съязвил Брэг и отрубился.

* * *

Отоспавшись под боком прекрасной девушки, он вновь вернулся к делам. Как ни крути, но данная ситуация не терпела отлагательств. Дело было к вечеру, солнце уже практически село, а дел невпроворот! От движения матраца Люба встрепенулась, суетливо подорвалась и вместо того, чтобы нормально поздороваться, набросилась с расспросами.

— Когда я смогу попасть к Брэгу — вы ведь обещали? — затараторила блондинка, всё ещё не отошедшая от тревожного сна. Естественно, ей снилась дочурка, сидевшая в углу и плакавшая горькими слезами. Синяя, потрёпанная обезьяна, отданная одной из подруг, но самая любимая малышкой, торчала из маленьких ручек.

— Он сейчас слишком опасен для тебя, — успокаивающе погладил по руке, — я с ним пока не закончил.

— Но ведь с моей стороны контракт выполнен, — возразила девушка.

— Я не хотел тебе говорить, — он тяжело вздохнул, — но... ты ведь не знаешь, что означает формулировка «стандартная процедура возврата в исходную точку»?

— Нет, — озадаченно нахмурилась, — я думала, раз стандартная, значит, отработанная, следовательно, безопасная.

— В каком-то смысле, — покачал головой, — в зависимости от крепости твоей психики.

— О, насчёт этого можешь не беспокоиться! — нервно воскликнула блондинка.

— Позволь с тобой не согласиться, — возразил Корд, — собственную казнь мало кто спокойно пережил.

— Что? — не поняла с первого раза.

— В этом и состоял его план. Ты убиваешь наследника, тебя судят, потом отрубает голову. Или вешают — в зависимости от приговора. Как только наступает момент смерти, ты возвращаешься в тот самый миг, из которого пришла, — о том, что ему известны координаты, брюнет упорно молчал, ибо прекрасно понимал, что на нервах она себя совершенно не контролирует. Нет, сначала он сделает то, что считает нужным, а потом...

— О, Боже! — с ужасом выдохнула Люба, — Вот козлина!

Потом опомнилась, ойкнула и виновато посмотрела на ворона. Тот лишь поняливо хмыкнул и улыбнулся. Тепло-тепло. Обнял, зарылся клювом в макушку и вздохнул. О том, что герцог Брионский собирался с ней сделать накануне казни, он говорить не стал. Впрочем, из ментала стало понятно, что на сей счёт она особо не обольщалась. Хорошо, что подробностей не знала! А ведь даже стражники оказались заранее подкуплены. Ну, ничего, теперь их никуда выше дворников не возьмут.

А потом снова ушёл, лишь томительно нежно поцеловав в сочные, манящие губы.

* * *

В отличие от опытного мага, Люба тяжело отходила после незапланированного слияния. Несколько дней слились в одну муторную липкость. Голова гудела, словно чугунная. Девушка просыпалась, справляла естественные потребности, что-то ела, пила и вновь засыпала. Иногда приходил Корд. Уставший, с тенями под глазами и сальными из-за нехватки личного времени волосами. Садился на край кровати, гладил по голове, целовал вялые губы и вновь уходил. Работать.

Тот небольшой разговор о коварных планах Брэга довольно быстро отошёл на задний план, все мысли, точнее сны занимали неразрешимые противоречия. С одной стороны, она часто видела свою дочурку. Правда, теперь Зойка не плакала, а просто смотрела в окно. По стеклу бежали струи дождя, громко стучали о карниз, размывали видимость. Девочка всё время спрашивала бабу, когда же вернётся мама, а та не знала что ответить и звала смотреть мультики. В какие-то моменты она поддавалась, и тогда от сердца отлегалось, но чаще всего Зойка утыкалась курносый носом в стекло и продолжала неотрывно смотреть на дорогу.

С другой стороны, Люба чувствовала непреодолимую тягу к одному невообразимо сексуальному ворону! Она вновь переживала тот огонь, что он разжёт в её крови, сладость губ, властные движения языка, горячие руки, дарившие негу. А ещё вспоминались те сложности, что окружали Кордована всю его долгую жизнь. Как и без того непростой характер постепенно покрывался толстой коркой брони из равнодушия, цинизма, а порой и беспощадности. Ведь по мере достижения им профессиональных высот друзья, родственники, не говоря уже о знакомых, все как один хотели от него лишь одного — выгоды. А враги на деле показали, как

можно умело использовать любую слабость, милосердие и прочие душевные порывы против недругов.

Череп, как ни странно, не беспокоил вовсе. А как пугал: ты умрёшь, отступись! И что? Сгинул куда-то, хитрослепленная плазма! Чего, спрашивается, донимал?

В какой-то момент девушка проснулась от осторожного прикосновения своей новой горничной.

— Ваше Высочество, пора вставать.

— Зачем? — равнодушно уставилась в едва розовеющее небо за окном. Восход? Или, наоборот? Кто его сейчас разберёт.

— Надо принять ванну, сделать причёску, накрасить, — принялась перечислять служанка, — потом платье принесут.

— О! — оживилась Люба, — Мне теперь можно выходить?

— Пока нет, — румянец смущения, — но через два часа господин Кордован просил вас быть готовой.

Обрадовавшись, попаданка почти бодро сползла с кровати и потопала в ванну, где её уже ожидала горячая, умопомрачительно пахнущая розами вода. Плотный завтрак, макияж, маникюр и прочие женские радости говорили сами за себя — её ждёт свобода! Ну, не будут же её наряжать для судебного процесса? Да и Корд бы тогда предупредил... В общем, что бы ни предполагала девушка, то, что её ожидало не входило ни в белый, ни в чёрный список. И когда она это поняла — в комнату внесли чёрное, словно сажа, траурное платье — то выматерилась так, как не выражалась лет десять. Вслух. На себя и свою глупость.

Встревоженная служанка тут же кинулась к кувшину с питьём.

— Госпожа, пожалуйста, успокойтесь, — подала стакан с соком, — вот выпейте, вам сразу полегчает!

— Спасибо! — она приняла напиток и залпом его выпила. — Что ж ты сразу не сказала о похоронах? А я, ворона, совсем об этом не подумала.

Искреннее раскаяние охватило Любу. Да, она потеряла чувство времени, да, более животрепещущие чувства заполнили сознание, но принц мёртв, причём по её вине, пусть вынужденной, но прямой.

— Дура! — Простонала девушка. — Большая эгоистичная дура с дырявой головой и потерянной совестью!

Если в сок добавили успокоительное, то оно явно не подействовало. Она обхватила себя руками за плечи и затравленно посмотрела на служанку. Муки совести накатили так неожиданно, что она с трудом справлялась с эмоциями. Да, Брэгдан знатно расшатал её психику, пусть она и держалась стойким оловянным солдатиком.

— Мосье Кордаван, — пугливо затараторила та в служебный амулет, — пожалуйста, вы срочно нужны.

Не прошло и минуты, как вышеозначенный материализовался посреди комнаты. Взглянул на

потерянную пичужку, удивлённо приподнял бровь, на что Марша недоумённо пожала плечами.

— Корд, — жалобно прошептала принцесса, — я такая тварь...

Он стремительно шагнул к девушке, укутал в тёплых объятьях и вдохнул аромат, который узнает теперь из тысячи.

— Что ты, милая, — обеспокоенно прошептал ворон, — что случилось?

Служанка тактично удалилась из спальни, хотя уши так и зудели от любопытства.

— Миральд, — тяжкий всхлип, — я совсем о нём забыла. Убила и забыла! Понимаешь? — судя по тону, истерика намечалась знатная.

— Посмотри на меня, — он слегка отстранился, не выпуская её из рук, — ты сделала всё, что могла и даже больше! Я сделал всё, что мог. Это судьба. Поверь, мы и так отсрочивали её, как могли, — всё это он страстно высказал в зовущие губы, а потом не выдержал и приник, словно изголодавшийся по влаге бедуин. Отвлекая, подавляя своей волей, не давая погрузиться в бездну ненужного самобичевания.

Она цеплялась за него, как за спасительный буй, подвернувшийся в штормовом море. Корабль её беспутной жизни давно утонул в его безжалостных волнах, и сейчас она барахталась оглушённая, беспомощная, потерявшая ориентир. Хотя нет, вон он, чёрный ворон — указующий перст. Прямо как у викингов, выпускавших этих птиц для определения близости суши и направления к ней.

Глава 14. Корабли в море лавировали, лавировали

Слегка пошатываясь от поцелуйной терапии, Люба шла впереди траурной процессии между королём и главным магом. Его Величество галантно поддерживал несостоявшуюся невестку, показывая всем окружающим, что к смерти сына та непричастна. Безусловно, он знал и об её роли, и о происхождении, и о том, как мужественно она преодолела узы кровного договора. Знал, но молчал. Более того, намеревался воспользоваться сложившейся ситуацией.

Жара стояла невыносимая. Она давила на темя, прокаляла тёмную ткань одежды, жгла кожу и не давала нормально дышать. Хвала Богам, королевская усыпальница находилась недалеко от дворца, в пределах его комплекса, иначе ни труп, ни его провожатые долго бы не продержались. Наконец, они достигли прохладных сводов величественного сооружения, хранившего в своих недрах все поколения усопших монархов и их семей. Остановившись под сенью душистой сирени, люди окружили гроб, почтительно предоставив центральное место Базальду.

— Давайте почтим память усопшего... — стандартные фигуры речи перемежались довольно прочувствованными моментами, создавая впечатление искренней печали сильного отца по, пусть слабому, но родному отпрыску, — он был хорошим сыном, послушным и преданным. К сожалению, такие уходят от нас первыми...

Слова лились рекой, мимика соответствовала содержанию, но Любу что-то смущало. Очень. Как будто тот умело играет на публику. Приглядевшись повнимательнее, она заметила, что одна рука, та, что не жестикулировала, покоилась в кармане брюк. Это придавало некоторую небрежность общему облику и намекало, что слова словами, но ...

Увиденное покорило девушку и она потихоньку стала отступать к Корду. Тот нарочито

заботливо поддержал вдову, всем своим видом показывая, что его действия мотивированы сугубо простым человеческим милосердием. Наконец, речь закончилась, тело торжественно отнесли в склеп, засунули в свежевыдолбленную нишу и отправились на поминальный обед. К счастью, традиции целовать покойника здесь не водилось, позволив Любана избежать совершенно ненужных волнений. И без того она едва держалась на ногах, а судя по лицам и позам присутствовавших, больше всех переживала за Миральда.

По настоянию Корда в конце трапезы Его Величество официально объявил о невинности принцессы Грэзиэны, проискал врагов и выразил желание и дальше оказывать ей покровительство. Естественно, ей ничего не оставалось, как согласиться. И вот тут-то началась импровизация... незапланированная и малоприятная. Король выразил желание осуществить третий пункт «Соглашения о намерениях», согласно которого «Если по независящим от него причинам, как то неизлечимая болезнь или смерть, принц Миральд Варокский не имеет возможности заключить брак с принцессой Грэзиэной Дарийской, все его права переходят главе правящего рода Кордиини». А поскольку они даже успели пожениться, логично будет повторить обряд, тем более что дева хороша собой и до сих пор невинна.

— Прошу прощения, Ваше Величество, — чуть не поперхнувшись от неожиданности, выдал из себя Корд, но ведь сейчас траур.

— Да, я понимаю, но наследника у меня теперь нет, а это дело серьёзное, — насупил брови Базальд.

— Именно, — многозначительно проинтонировал главмаг, — нарушив святое правило, есть опасность впасть в немилость у богов, и тогда ни одна жена не поможет.

Король упрямо выпятил подбородок, но решил не увлекаться, а то мало ли.

— Хорошо, но я готов ждать лишь сорок дней и ни часом больше, — сказал, как отрезал.

Люба с силой сжала кулаки под столом, дабы ненароком не выдать реакцию. Что там, её чуть не передёрнуло от отвращения от одной мысли о близости с ним! Ворон еле сдержался, чтобы не обнять девушку и тоже сжал кулаки.

* * *

Не теряя времени даром — счёт шёл на дни — Кордаван сразу же после обеда отправился в храм. Естественно, прихватив с собой Любаню. Жрец изумлённо уставился на брачующихся, с трудом переваривая поступающую информацию. Как так: сегодня утром он отпел Его Высочество, а сейчас к нему явилась молодая вдовица, не удосужившись переодеться, и собирается выходить замуж за герцога Дагонского! Наглость девицы просто зашкаливала!

— Как вам не стыдно! — Патетически всплеснул руками. — Тело вашего супруга ещё не остыло!

— Во-первых, брак не был завершён, — жёстко ответил главмаг, — во-вторых, тело мало того, что давно остыло, оно пережило вскрытие, зашивание и стандартные предпохоронные процедуры.

На втором пункте старика чуть не стошнило, лишь многолетняя выдержка и храмовая гордость не позволяли ему опустить планку.

— Корд, право слово, зачем такая спешка? — попыталась возразить новобрачная.

— Ты забыла? — Он взял её личико в ладони и проникновенно произнёс. — Я люблю тебя, девочка, и не собираюсь давать ни малейшего шанса никому: ни королю с его спермотоксикозом, ни врагам, жаждущим твоей смерти.

Дыхание перехватило, сердце сделало болезненный кульбит и остановилось. Всё-таки одно дело ощущать ментально, а другое — услышать вслух. Как будто целый мир открылся после трёх заветных слов!

— Милая! — обеспокоенно встряхнул замершую девушку, запуская кровообращение. — Ты что, испугалась, маленькая?

— Нет, — конечно, конец фразы не доставил ей удовольствия, но и удивления не вызвал, она и без того догадывалась, что, избежав казни, автоматически стала угрозой всем заговорщикам. — Я..., я тоже тебя очень люблю! — пролепетала, как пугливая малолетка своей первой влюблённости, трепетной и робкой.

— Ещё вопросы есть? — не поворачивая головы, обратился к жрецу довольный, как слон Кордаван.

— Нет, — надул губы недовольный мужчина, — но как же приличия?

— А вы никому не рассказывайте, — лихо подмигнул чёрным глазом, — мы потом ещё одну справим, без ритуала.

Тот аж задохнулся от возмущения.

— Не доводите до греха, отче, — намекнул на не меньший, чем у монарха темперамент, — вы ведь не хотите, чтобы по Вашей вине сегодня свершилось неосвящённое прелюбодеяние?

Жрец зарделся: то ли от гнева, то ли от смущения. Казалось, его сейчас инфаркт хватит.

— Любимый, — она с таким видимым удовольствием произнесла это слово, что даже блюстителя правильного поведения проняло, — мне вообще-то всё равно. Ты ведь и сам знаешь...

— Как всё равно?! — Красный плавно перетёк в бордовый, устроясь своим нездоровым оттенком. — А ну быстро жениться!!!

— Солнышко, ты гений стратегии, — восхитился брюнет и повёл будущую супругу непосредственно к алтарю, пока никто не передумал.

— Подожди! — Упёрлась девушка, вдруг вспомнив что, собственно, на ней надето. — Ты мне даже переодеться не дал!

Ворон в ответ окинул её фигурку жарким взглядом, хитро прищурился и колданул. Хорошо, что жрец, как духовное лицо, не посещает светские мероприятия, а то возник бы очередной скандал. Правда, он всё же скривился от неканонической расцветки доброй половины платья, но промолчал, памятуя о святой миссии избавления от грехов неосознательного населения. В данном случае грех предотвращался, превращаясь в святую обязанность семейной пары. Да и белый цвет всё же присутствовал на том самом маскарадном наряде, которое стало связующим звеном этих двух разных и очень одиноких людей.

В отличие от прошлого раза, сейчас церемония прошла куда скромнее, без излишней велеречивости и музыкального сопровождения, но Люба её запомнила на всю жизнь! Теперь она слышала всё, ибо хотела слушать, да и чрезмерные украшательные фигуры речи сегодня заметно сократились, а то и вовсе отсутствовали, значительно упрощая понимание.

Слова о том, что теперь они единое целое и, как на собственную руку или ногу не обижаются, так и на супруга своего зла не держат, впечатлили её куда больше, чем торжественное «Сегодня вы вступаете в новую жизнь, создаёте ячейку общества...» от тётеньки из ЗАГСа. В ярко-красном костюме, алой помаде и старомодной бабетте из трёх волосин, из-под которой просвечивает поролоновый валик. Их выжило бы куда больше, если бы не застарелая привычка издеваться над ними лаком «Прелесть», плойкой «Юность» и зверской процедурой начёсывания.

Боль от пореза воспринималась уже чем-то привычным, зато ощущение полного единения стало неожиданностью. Казалось, будто из солнечного сплетения протянулись тонкие, но прочные нити, связавшие этих двоих крепче, чем любые заговорённые оковы. Грудь резко зажгло, а спустя пару минут стало потихоньку отпускать, пока не осталось лишь приятное, согревающее тепло и странно чувство, будто тебя стало больше. Эмоционально, энергетически, физически. С Миральдом такого не было...

* * *

Сразу после церемонии Корду пришлось вернуться к разработке плана, основанного на принципе ловли на живца. В качестве приманки выступал Брэгдан, ибо даже в мыслях он не мог допустить малейшего риска для Любы. Вчера он связывался с графом Герардусом Москополикусом, тем самым членом совета Независимой Семёрки, что приезжал на проверку принцессы Грэзиэны, дабы договориться насчёт судебного процесса. Почему именно с ним? Да потому что только плеяда самых сильных магов способна снять ограничения кровного контракта, правда, лишь при добровольном согласии допрашиваемого. На последнее не стоило даже рассчитывать, да только этого и не требовалось. Суть задумки была в том, чтобы пошёл слух о перспективе переговоров арестованного герцога с властями. Будто бы тот пытается выторговать свою жизнь и свободу за информацию о заговорщиках. Те в свою очередь начнут волноваться, попытаются перехватить предателя в процессе транспортировки, где их и будет ждать сюрприз. Вот только знать об этом никто не должен во избежание утечки информации, поэтому приходилось по-настоящему договариваться о слушании.

— Славный день, господин Москополикус! — поприветствовал он мага.

— Славный, — коротко кивнул в ответ, — можно просто Герард, мы ведь не на приёме.

— Прости, замотался, — ворон запустил руку в волосы, разрушая строгую причёску, — что там по нашему делу?

— Ты ведь и сам знаешь, какая у нас очередь, — он досадливо поморщился, — по полгода люди ждут.

— Не пойдёт, — отрицательно мотнул и без того лохматой шевелюрой, — во-первых, принцесса под ударом, во-вторых, за это время заговорщики раскатают королевскую тюрьму на камушки.

— Да ладно тебе прибедняться, — усмехнулся Гер, — твоей силы на многое хватит плюс помощники.

— Эх, знал бы ты, кто за этим стоит и какие у них возможности...

— Брось, ни один Меравийский маг не способен справиться с выпускником Кординской академии магии, тем более лучшим в своём выпуске.

— А я не о захватчиках соседского трона сейчас говорю, а о деньгах торговой гильдии.

— М-да, — почесал седую бороду собеседник, — у этих везде подвязки, могут и раскатать.

— Поэтому тянуть никак нельзя! — добивал Корд.

— Ладно, тут на подходе дело по бравондскому артефакту, — он хитро подмигнул, — тролли подали в суд о хищении национального достояния. Дело тёмное, свидетелей нет, только косвенные улики в виде отрезанного щупальца стража реликвии. Его, кстати, тоже похитили.

— Вот-вот! — обрадовался мужчина, — потяните время. Кстати, а когда точно он пропал?

— Около трёх — четырёх месяцев назад.

— Хмм, примерно в это время посольство Бравондии было у нас, планировались переговоры о помолвке с их принцессой, но неожиданно они собрались и уехали обратно. Посол что-то мямлил о деле государственной важности. И Летиэсса как-то подозрительно быстро выздоровела.

— Отлично, спасибо за наводку!

— Кстати, она плотно общалась с Грэзи, — потарабанил пальцами по столу.

— Если узнаешь что-то дельное, я твой должник.

— Договорились!

Поздно вечером, когда ворон смог, наконец-то оторваться от бесконечной череды дел, он застал жену сидящей под торшером и рисующей набросок детского личика.

— Я тебе говорил, что ты очень талантлива? — он опустил ей руки на плечи и огладил вздрогнувшую девушку.

— Скорее, намекал, — она улыбнулась и, отложив листок, потянулась в ставшие такими родными объятия.

— Ты невероятно, потрясающе, — комплименты он перемежал жаркими поцелуями, заставлявшими плавиться от наслаждения, — удивительно талантлива. В танцах, в живописи, в ткачестве.

— Мрр, — сама от себя такого не ожидав, замурчала блондинка, — это ты ещё не всё обо мне знаешь. — Шаловливая ручка скользнула ко второму мужскому мозгу. Тот, что отвечает за продолжение жизни на земле.

— После нашего ментала? — зарылся пальцами в густые золотистые локоны.

Не в силах сопротивляться невероятной тяге, они слились в долгом, сладостном поцелуе. Жадные, нетерпеливые движения, периодическирывающие объятия, чтобы вновь соединиться, только ближе, без лишних преград. Ощущать друг друга всей кожей, соприкасаться каждой клеточкой, каждым волоском, каждой мурашкой.

Протяжный стон: томный, полный неги и желания штормовым ветром сносил остатки самообладания новоиспечённого мужа.

— Милый, я больше не могу терпеть, — страстный шёпот вспухших губок, — возьми меня.

— Прости, — из последних сил сдерживаясь на краю пропасти, ответил Корд, — тебе снова придётся через это пройти, но я всё предусмотрел. — И отпустил себя, погружаясь в сладкую негу обладания женщиной. Прекрасной, трепещущей, страстно отзывающейся на каждое движение.

Как ни странно, но боли практически не было. Видимо, сила желания блокировала неприятные ощущения, а, может, срослось по минимуму. Кто его знает? Впрочем, всё это мелочи, которые волновали её в последнюю очередь. Главное, что она в объятьях любимого мужчины: сильного, порядочного и так чудесно владеющего техникой...

— О-о, да, милый, не останавливайся! Я сказала: не отвлекайся! Потом залечишь, мне не больно. Да, дорогой, вот так!

И он не останавливался, проникая всё глубже и глубже, преобразовывая хаотичный трепет женского тела в ритмичный отклик, сливаясь, резонируя, отчего даже неподъёмная кровать из массива дуба скрипела, как колченогий табурет.

К слову сказать, лечащий амулет им всё-таки пригодился. Обоим. Причём не столько по первоначальному назначению — устранений последствий от потери невинности (хотя и на это тоже), сколько на залечивание засосов и укусов. Не то, чтобы ворон был против многозначительных меток, оставленных увлékшейся супругой в порыве страсти, но пока лучше оставить интимные подробности при себе. Разве что царапины на спине можно не трогать — под рубашкой не видно. Про Любу и говорить нечего — синяки женщину не украшают. Жреца он уговорил не выдавать их никому, даже самому монарху, а тот и не сопротивлялся, прекрасно понимая, что сам в первую очередь нарушил установленные правила. Да и увесистый мешочек с золотом оказался очень убедительным. Гнева богов Корд не боялся, ибо лучше многих знал, что им плевать на такие мелочи, главное, чтобы общую гармонию не нарушили, а остальное — дело десятое.

— Милая, — провёл он шершавой рукой по мгновенно покрывшейся мурашками груди, — ты не устала?

— Ну-у, — задумчиво протянула Люба, — я даже и не знаю, — и застонала от новой, совершенно бесстыдной ласки. — Ладно, уговорил!

Последнее она уже прохрипела, не в силах сдержать нахлынувшее наслаждение.

И он отогрел её душу в своих горячих объятьях, расплавил лёд, сковывавший много лет искалеченное сердце, вымел лишний сор сомнений и прогнал всех тараканов из мнительного мозга. Вот такая вышла генеральная брачная уборка, само собой, взаимная. Конечно, она имела локальный характер, относящийся лишь к внутрисемейным отношениям, но не это ли главное в нашей жизни?

* * *

К сожалению, все последующие дни семейная жизнь ограничивалась несколькими часами совместного сна. Корд уходил на рассвете и приходил далеко за полночь. Мылся, пристраивался под бочок к любимой жёнушке и отрубался. От жарких объятий Люба

просыпалась, оплетала его руками и ногами и гладила, гладила... Только благодаря её ласкам он нормально высыпался: тревожные морщины разглаживались, тремор, мучивший мужчину по десять раз за ночь, сократился до пары приступов дрожи.

— Господи, что с тобой, милый? — шептала в темноту женщина, каждый раз собираясь утром спросить, но, не выдерживая и засыпая за пару минут до того, как он вставал.

День, значительно сокращённый из-за поздних побудок, протекал вяло и однообразно. В целях безопасности она не покидала пределов башни, которую полностью занимал маг, и ей было абсолютно нечего делать. Она могла бы попросить привезти ткацкий станок из старого дома, но боялась, что помимо рабочих чар Брэг наложил какую-нибудь дополнительную пакость — с него станется. Нет, рисковать она не собиралась, особенно сейчас. Рисовать одним углём ей довольно быстро надоело, красок она нигде не нашла, а попросить горничную сходить в художественную лавку стеснялась. В конце концов, у неё даже не было наличности, чтобы дать той денег. Единственное, что хоть как-то спасало — это книги, но от них её уже ощутимо подташнивало. Хотелось банального детektivчика, на худой конец приключенческого романа, а не «Истории политических отношений стран Беруанского материка» или «Тенденции и перспективы развития некромантической магии в рамках конвенционных ограничений 3697 года».

А Корду даже некогда было подумать о том, что у Любы могут возникнуть подобные проблемы. Что уж там, привык жить бобылём, да и работы прибавилось. Помимо текущих дел, и так занимавших львиную долю времени, дотошно прорабатывал все детали плана. Нужно было учесть всё: чтобы информация о суде Семёрки узнали нужные люди, причём из разных источников, чтобы их шпион донёс точное время отправки преступника из портальной комнаты. Сделать качественную личину Брэгдана и усилить личную защиту. Не говоря уже об изготовлении аварийного портала в случае смертельной угрозы. А самое главное — не прибить недавно вычисленного предателя, по крайней мере, до нужного времени. Словами не передать, как он его бесил! Именно поэтому большую часть вышеозначенного приходилось делать собственноручно, дабы ни одна душа не узнала истинной подоплёки задумки. Кроме Грида, он — единственный, кому можно доверять. И это выматывало.

Но больше всех трепал нервы король. Он постоянно спрашивал о Грэзи, настаивал на совместных обедах и ужинах. От завтраков его престарелое величество тоже бы не отказался, но благоразумно об этом умалчивал. Приходилось спускаться с небес на землю, напоминая о срочных делах, приближающихся переговорах с Жидарией и истинном происхождении девушки. По большому счёту Корд мог давно рассказать о состоявшемся браке, переждать бурю и подыскать ему новую фаворитку, но тогда на конспирации можно было поставить крест, ибо тот когда-нибудь кому-нибудь обязательно бы пожаловался на ушлых подчинённых, перебегающих дорогу своим сюзеренам. В конце концов, это не его тайна, ему по большому счёту наплевать на возможные негативные для Любы последствия, а вот враги не дремлют и, узнав о точном местонахождении псевдопринцессы попытаться её достать. Не к чему это сейчас. Совершенно.

Несмотря на большую загруженность и совсем короткий сон, он чувствовал себя полным сил и энергии. Больше не мучили ночные кошмары, тело перестало вздрагивать, пугая ощущением головокружительного падения — результат старой травмы головы, полученной лет в десять от отчима. Кошмары появились позже, после смерти жены и ребёнка. В них он всякий раз пытался их спасти: перемещался каскадными порталами, так как находился в то время на дальнем рубеже, нырял в мутную воду, очищал лёгкие от воды и тины, смотрел в открывшиеся глаза спасённых... И взывал раненым зверем, когда те подёргивались мутной незрячей плёнкой, дыхание останавливалось, а кожа серела. Много лет он мучился от того, что не

справился, не уберёг, всякий раз переживая собственное бессилие. Он, могущественный маг, второе лицо королевства, а облажался! Когда-то. Сейчас он подобного не допустит, не будет столь невнимателен к своим близким, не даст и малейшего шанса причинить им боль. Похоже, сама Судьба послала ему Любовь, дабы исцелить его кровоточащие раны, и теперь он как будто парил в небесах, а мягкие облака обволакивали его тёплыми объятьями. И не было страха, лишь блаженный покой и невероятная бодрость на рассвете.

— Грид, что ты узнал о пропавшей компаньонке принцессы? — в отличие от главмага, его помощник не выспался совсем и изо всех сил сдерживал зевету.

— Исчезла в неизвестном направлении. Мы разослали по всем постам её портреты и ориентировки, но пока ничего.

— В учебных заведениях проверяли? — он постукивал карандашом по столешнице, сам не замечая, как действует собеседнику на нервы.

— Да, ни в одном пансионе не нашлась ни Ждара Лавронская, ни кто-либо, имеющий портретное сходство. Период взяли в пятьдесят лет — чтоб уж наверняка. — раздражающий ритм замедлился.

— Логично, учитывая увлечение Брэгом омолаживающими зельями, — одобрительно хмыкнул ворон. — Магические школы смотрели?

— Та же история, — почесал переносицу помощник, — есть только совпадение по фамилии, но мужского пола.

— И? — заинтересованный взгляд.

— Гражданин Лезарии, родственников не имеет, женат, двое детей. Погиб при исполнении служебных обязанностей — зверь задрал.

— Кем работал?

— Лесничим. Образование получал у нас, так как только в Кординской академии есть факультет зверомагов.

— Странно, — пальцы вновь усилили ритм, — с таким образованием и погиб от когтей животного? — усомнился в правдивости данных.

— Проверить? — на автомате проявил профессиональное рвение, на деле же безмерно устав, а до отпуска ещё целый месяц! — Только это займёт больше времени — другое государство.

— Узнай сначала, на ком он был женат. Нюхом чую — это Ждара! И вообще, странно, что она нигде не фигурирует...

— Может, училась не в Кординии, — предположил Грид, — там и познакомилась с будущим мужем.

— Но он-то здесь был, — возразил Корд и сам себе ответил, — а потом вернулся домой. Точно! Проверить эту версию в первую очередь!

* * *

Зависнув над очередным шедевром «Генетика человека: эволюция или магия?», Люба думала вовсе не о мутации хромосом и способах их скрещивания. Если раньше она переживала, что процесс с возвращением затянулся, то теперь всеми фибрами чувствовала, что не зря задержалась. Недаром Корд настоятельно просил подождать, жаль, только, что вопрос с поимкой заговорщиков отнимает у него столько сил и времени. Она всё вспоминала, как он между поцелуями объяснил, в каком ракурсе видит их дальнейшую жизнь: перенесёт маму с дочкой из того унылого существования, которое им приходится влачить, потом представит всем свою новую семью. И пусть кто-нибудь только попробует бросить косой взгляд в их сторону — мигом окажется в местах, не столь отдалённых. И это было сказано с таким чувством, что её гормоны не выдержали: выскочили из засады (или откуда они там берутся), достали расписную гармонь и завернули такую гармонию, что ни одна здравая мысль не пробилась! Нет, они были, в смысле мысли, только сидели глубоко внутри, обёрнутые невероятным чувством эйфории. Прочие факторы, типа вынужденного сидения взаперти и некоторой скуки, как назойливая мошкара, отпугиваемая рефтамином перспективного счастья, жужжала где-то там, на периферии. В конце концов, она взрослая женщина, потерпит, если надо!

Сегодня Корд смог освободиться пораньше и успел к ужину! Второму, в десять вечера, но всё же.

— Ой! — от неожиданности Люба даже подпрыгнула, когда тот резко открыл дверь.

— Ага, не ждала?! — опереточным злодеем возмущился супруг. — Лучше сразу признавайся, где прячешь своего любовника!

Кинувшаяся было к нему женщина, замерла, лихорадочно осмотрела комнату и азартно блеснула глазами.

— О чём ты, милый? — наигранно изумилась. — Я верна только тебе!

А сама бочком, бочком продвигалась к шкафу в углу.

— Лжёшь, коварная гетера! — он медленно наступал на обманщицу.

В какой-то момент она чуть не засмеялась, грозя спалить контору, но сдержалась.

— Нет-нет! Правда-правда! — затараторила она в точности, как её дочка, когда пыталась убедительно врать. — Честно-пречестно!

— А если найду? — он уже практически нависал над несчастной жертвой домашней тирании. Очи сверкают, клюв заострился, волосы наполовину вылезли из хвостика.

— Да как же ты найдёшь, коли здесь никого нет? — простодушно развела руками, одновременно перекрывая этим жестом доступ к дверцам.

— Где здесь? — он красиво изогнул смоляную бровь и магией открыл свой собственный склад с маскировочными прибабасами.

Оттуда ожидаемо выглядывала человекоподобная кукла, чуть качественнее и, стоит признать, намного чище той, что обреталась в застенках тюрьмы. Её ещё Грид подложил вместо Любани для поимки Брэгдана.

— Ой! — совсем уж ненатурально вскрикнула неверная жена и бросилась прочь. Чуюла попа

неприятности!

— Стоять, изменщица! — Корд легко перехватил не особо старавшуюся убежать Дездемону и со зловещим рыком повалил её на кровать.

Не выдержав накала искусственных страстей, Люба расхохоталась. Да так, что даже горячие поцелуи не могли её отвлечь.

— Я не понял, ты долго будешь смеяться? — теперь абсолютно искренне возмущился муж.

— Сам виноват! — еле выговорила и вновь залилась.

— Придётся применить крайние меры, — тяжело вздохнул и принялся расстёгивать домашнее платье. Пуговицы как раз обретались спереди...

Спустя некоторое время они чинно сидели за столом и вкушали свежеподогретую еду. Насчёт чинности, конечно, можно было бы поспорить, ибо на обоих был минимум одежды и восхитительно встрёпанный вид. Любу так и подмывало спросить о делах, но она изо всех сил сдерживалась, понимая, что те часы, которые он украл сегодня у работы, не стоит заполнять ей же. Наоборот, надо всячески отвлекать и расслаблять своего ненаглядного ворона.

— Милый, как насчёт ванны? — провокационно сверкнула глазами развратница, как только они покончили с едой.

— С удовольствием, — предвкушая интригу, он не стал заморачиваться со слугами и организовал водные процедуры бытовой магией.

— Иди, занырявай, я сейчас, — игриво отправила муженька погружаться, а сама полезла в шкаф. Нацепив свою карнавальную маску, кружевной «ошейник», митенки и чулочки, погляделась в зеркало. Взбила волосы, нанесла красную помаду и, покачивая бёдрами, направилась свершать ратные подвиги на ниве супружеского долга.

— Дорогая, ты не потрёшь мне спинку? — Корд обернулся на звук открывшейся двери и замер в немом восхищении.

— Как видите, я совсем не дорогая, — скорбно скусила алые губки и сиротливо развела руками, — это всё, что у меня осталось из одежды.

— Э-э, — с трудом собрал он мысли в кучку, — кто посмел ограбить столь прелестную деву? — в последний момент сообразил, что вместо вождения на лице должно быть сочувствие, но слюнка, текущая из уголка рта, выдавала его с головой.

— Я ехала на бал-маскрад, дорога пролегла через тёмный лес, — с каждым словом она всё больше входила в роль: в отчаянии заламывала руки, прикусывала нижнюю губку и нервно ходила из стороны в сторону, не забывая красиво выпячивать попку, — кучер поехал по самой короткой и самой опасной дороге. Там-то на нас и напали разбойники! — Патетично взмахнула руками и сделала драматическую паузу.

— Но как ты смогла спастись, о, прекрасная незнакомка? — руки сами потянулись к всколыхнувшимся от театральных телодвижений округлостям.

— Пока с меня снимали платье, я смогла завладеть мечом, куда-то им ткнула и убежала! — хлопая влажными от наворачнувшихся слёз глазами (из-за еле сдерживаемого смеха), Любаня

шагнула в раскрытые объятия. Исключительно в поисках утешения!

— Это очень храбрый поступок, — похвалил брюнет и нетерпеливо сграбастал разыгравшуюся жену.

Та, естественно, взвизгнула и попыталась вырваться из цепких объятий.

— Как вы смеете? А ещё благородный рыцарь! Все вы мужики одинаковые!

Она ещё что-то там верещала, пока её тащили в ванну, пристраивали между ног и затыкали самым бесцеремонным образом.

— О-о! — через какую-то минуту вздыхала потерпевшая, скользя по влажной груди, зарываясь пальчиками в длинные волосы и упираясь своей женственностью в вертикальное доказательство произведённого впечатления. Неизгладимого.

К сожалению, заниматься сексом в средневековой ванне — дело не из простых! Впрочем, как и в обычной советской. Коленки до нужной ширины не раздвигаются, бортики неудобные, да и вода норовит выплеснуться.... В общем, помучились они минут десять: вспотели, как после спринтерского забега, намочили волосы, смыли смазку и залили пол. В итоге пришлось сначала полноценно вымыться и под ехидные подначки друг друга возвращаться в родные объятия супружеского ложа. Да, как ни крути, а лучшее место для занятий любовью — это качественная кровать. В крайнем случае, пол, но только при условии наличия на нём мягкого ковра!

* * *

Сегодня в очередной раз был пойман шпион, пытавшийся проникнуть в тюрьму и устранить Брэгдана. В этот раз при нём был распылитель с ядом, отравленный кинжал и блокирующий магию амулет. И универсальный набор отмычек от замков любой степени сложности, в том числе магических.

— Ещё пара раз, и можно будет новый отдел открывать — инструментарий уже имеется, осталось кадры подобрать, — ехидно комментировал находки главный королевский маг.

— Зачем кого-то искать, когда вон они — готовые сидят, — парировал Базальд, — хорошенько припугнуть, промыть мозги, взять кровную клятву и вперёд!

— Гнилой товар, — брезгливо сморщился Корд, — Тем более, как показывает опыт, обойти можно всё что угодно.

— Кстати, о Грэзи! — ухватился за мысль король. — Где ты её прячешь? Неужто в тюрьме?

— Сие есть государственная тайна, — поучительный тон раздражал неимоверно.

— Ты, кажется, забыл, что я и есть государство, — вкрадчиво проворкотал монарх.

— Слушай, Баз, ну что ты к ней пристал? — устало спросил брюнет. — Она всё равно тебе не подходит! Пойми, будет суд, на котором вскроется её истинное происхождение, и при всём твоём желании всегда найдутся недовольные. Ваших детей могут попытаться дискредитировать, особенно после твоей смерти. Тебе оно надо?

— Пусть только посмеют! — гневно запыхтел мужчина. — К тому же до моей смерти ещё

далеко.

— Посмеют, посмеют, — не унимался маг, — приплетут того же Вилдара, который, пусть и незаконнорожденный, зато от герцогини. А тут иномирянка. Да, мы не будем повсеместно афишировать её происхождение, но высшие общества окружающих государств довольно быстро станут в курсе. Сам знаешь, при умелой стратегии, этим можно играть, как угодно.

— Тогда в фаворитки, — не заметив реакции собеседника, он продолжил разглагольствовать о великой чести быть обласканной монархом.

— Закрыли тему, — резко оборвал его Корд.

— Не понял, — тот даже растерялся от неожиданности.

— Я сказал: закрыли тему! — с нажимом повторил для тех, кто в танке. — Это честная, порядочная женщина, заслуживающая куда большего, чем быть чьей-то подстилкой. Пусть, и королевской!

За годы дружбы Базальд видел его всяким: жёстким, сердитым, язвительным, пьяным в драбадан, рыдающим на двойной могиле, но никогда таким пылким. Глаза яростно сверкали, кулак чуть не пробил столешницу, от вибрации которой перевернулась чернильница и хищный оскал зверя, защищающего свою самку.

— Ничего себе! — присвистнул он и оглушительно расхохотался. — Неужто непробиваемого Дагонского окрутила голубоглазая нимфа? Причём настолько, что ты не побоялся моего гнева!

Тот скептически хмыкнул, мол, что бы ты со мной сделал? Впрочем, это была имевшая под собой очень веские основания реакция.

Конечно, король был не в восторге от того, что ему перебежали дорогу, да ещё и недвусмысленно напоминали об особом статусе главмага, но он был искренне рад за старого товарища, практически брата. И, даже если бы Грэзи действительно оказалась пропавшей принцессой, он не стал бы препятствовать его счастью. В конце концов, разве мало баб на свете?

Глава 15. Ловля на живца

Все засланцы, которых, к счастью, удавалось вовремя перехватить, обладали минимумом полезной информации. Это оказались простые наёмники, ни лица, ни даже голоса заказчика не знавшие, а невнятный силуэт в капюшоне — так себе описание.

Наконец, вышел на связь Герардус Москополикус, сообщивший, что сможет организовать слушание через три дня. В благодарность Корд выложил ему историю добычи пропавшего артефакта двумя легкомысленными принцессами, одним рыцарем и подсудимым магом. О своём косвенном участии в пропаже жезла плодородия он скромно умолчал.

— Ты серьёзно? — фыркнул от смеха Герард. — Вот так вчетвером и нашли?

— Сам в шоке, — ухмылялся ворон, — и ведь повезло им — никого не встретили, стража поймали, и это за какой-то неполный день.

— Ты у кого показания брал: у Грэзиэны или Брэгдана?

— Конечно, у Грэзи, — хмыкнул Корд, — Брэг предпочитает гордое молчание. — На самом деле ни с кем он не разговаривал, а давно всё считал из Любиной памяти. Уточнил лишь пару моментов и всё. Просто маг на связь не торопился выходить.

— Тогда её в свидетели и вызовем, — деловито потёр руки и отключился.

— Ну-ну, — откинулся на спинку кресла герцог Дагонский, — только с письменного разрешения супруга. Му-ха-ха!

Нет, он не собирался препятствовать правосудию, но и трепать нервы беременной жене не желал. А что, отличный повод не ходить в суд! По медицинским показаниям.

Говорить Любане о её интересном положении он пока не стал — мало ли как она отреагирует? Пусть лучше сама осознает, скажет, а потом они вместе порадуются. Да и не хочется смешивать приятное с текущим напрягом. А пока он молча полюбуется на маленькую искорку, сиявшую в районе живота, когда смотришь на него аурическим зрением. «Так, не забыть добавить маскирующий элемент в охранный артефакт», — сделал заметку в списке сегодняшних дел.

Вопрос о Ждаре продолжал развиваться и удивлять. Сведения о Шавране Лавронском оказались скупы до невероятности. Имя жены совпадало с пропавшей магией, о детях фигурировал лишь пол. По адресу прописки нашлась его тётка, не пустившая даже на порог. Более того, она недвусмысленно угрожала заряженным арбалетом из окна и поносила «попрошаек» на чём свет стоит. Соседи оказались куда более разговорчивыми, а, может, она их так достала, что те были рады хоть как то ей насолить. Как говорить сделал соседу гадость — на сердце радость!

— Да у неё все, кто без денег приходит — попрошайки, — жаловалась огненно рыжая бабулька, опираясь на клюку. — Она и сродственников так изжила: выставила вдовицу племянника за порог, и не посмотрела, что дети мал мала меньше.

— Вдовицу? — сочувственно поддакнула средних лет женщина, знаком показывая напарнику осмотреть дом сзади. — Что ж та в суд не обратилась?

— Гордая была, навязываться не любила, — переступила с ноги на ногу первая сплетница района, — дом-то мужниных родителей был, а Кларса им младшей сестрицей приходилась. Токмо вот в могилах все давно, и сынок тожа ушёл, года три назад енто произошло.

— А не знаете, куда вдовица с детьми делась? — с грустью спросила шпионка. — Я её школьная подруга, мимо проезжала, хотела в гости заскочить.

— А-а, — замешкалась любительница рыжего красителя, — слышала, будто к матери собралась, а вот куда — не знаю.

— Жаль, — тяжело вздохнула мнимая однокашница и как будто от нечего делать достала миниатюру Ждары, — эх, подружка, столько лет не виделись и опять неудача.

Естественно, любопытная соседка тут же сунула свой длинный нос, куда не звали.

— Ой, она что, перекрасилась? — потыкала скрюченным пальцем в голову, — Хотя ей так намного лучше, чем русой. Значит, послушалась совета старой Кашпы.

— Эта старое изображение, — поправила старушку в угоду выдуманной легенде.

— Да? — наконец, та сопоставила факты и кивнула, — Значит, в молодости она лучше разбиралась в красоте.

— Наверное, — убрала портрет и вопросительно посмотрела на возвращающегося напарника.

— Охраняется, как королевская тюрьма! — хмыкнул тот и залихватски подкрутил ус.

— Это мой супруг, — представила женщина партнёра, — мы едем в гости к его родственникам, думали, завернём к Ждаре.

— А где они живут? — не преминула клюнуть на новую порцию информации баба Кашпа.

— В соседнем городе — Медане.

— Как же, как же, знаю такой, — довольно поцыкала старушенция, — у меня там сестра живёт — замуж вышла.

— Слушайте, вы сказали, что с деньгами эта плохая женщина на порог всё-таки пускает, — запустила пробный шар.

— Самогонкой она приторговывает, — скривилась, отчего лицо ещё больше стало напоминать печёное яблоко, — плохой. Первач не чистит, сразу травы сыплет, да помельче, чтобы быстрее цвет дали. Не ходите к ней, у меня товар не в пример качественнее!

* * *

Как ни странно, но личную вещь Ждары для магического поиска смогла дать... Люба. Проникнувшие под предлогом отовариться нелегальной выпивкой шпионы не смогли добыть ничего — беглянка забрала всё, что могла, а что не могла — очистила от своих следов. Тем же заклинанием, что применила в доме, где жила с принцессой. Девичью фамилию, кстати, довольно быстро обнаружили в Лезарийской магической академии, где она с отличием закончила факультет зельеварения. Нашлась даже парочка одноклассников, которые поступили в аспирантуру и теперь там работали. Они с трудом, но вспомнили, как на последнем курсе девушка познакомилась с каким-то оборотнем, влюбилась по самые реторы и сразу после выпуска выскочила за него замуж. Полученные данные привели в давно проданную её матерью квартиру на окраине Родении, где новые хозяева ничего не знали об их новом местонахождении. Соседи помнили смышлённую девчужку с двумя косичками и взрослыми зелёными глазами. Лет до пятнадцати, пока та не уехала поступать. Потом она приезжала только на каникулы, но отправлялась сразу к родне в деревню. Мать на это время брала отпуск, там и пересекались. Названия селения никто не знал, так как обе близкие подруги матери умерли ещё несколько лет назад, а остальные особо не заморачивались, тем более, если пребывали тогда в подростковом возрасте. Деревня и деревня, кому интересно, как она называется? В общем, тупик.

В тот вечер Корд не выдержал и поделился с Любой неутешительным результатом, на что она нежно улыбнулась, подошла к шкафу и достала баночку с питательным кремом.

— Это подойдёт? — протянула находку — Ждара отдала его мне незадолго до свадьбы.

— Милая! — он бережно, словно хрупкую драгоценность, взял у неё образец и поставил на стол. А потом подхватил её под попку, стремительно закружил, со смехом уронив на кровать. — Ты — моё чудо!

— Согласна! — звонко рассмеялась и притянула к себе за грудки. — Требую вознаграждение за находчивость. Натурой!

— Мадам, с вами приятно иметь дело, — промурлыкал мужчина и приступил к отработке. Как говориться, зачем откладывать выдачу долга на завтра, если его можно вернуть сегодня?

* * *

Пока любимая жена сладко посапывала на развороченной кровати, муж-трудоголик исследовал находку. Настроив магический поиск, он получил весьма любопытный результат: деревня оказалась на пересечении трёх трактов, вблизи границ с Лезарией и Жидарией, в которую кто только не стекался, и где занятие контрабандой считалось обычной работой, не хуже и не лучше других. Несмотря на поздний час, он связался с Гридом и «обрадовал» его срочной командировкой в Брион. Естественно, под личиной, желательной женской. Задание: наблюдать, выяснить род занятий, состав семьи и степень защиты. Как только найдётся что-то интересное — сразу доложить.

— И как я раньше без тебя жил? — прошептал он в ароматную макушку, прижал к себе и спокойно заснул. Вновь без головокружений, кошмаров и прочих неприятностей.

Уже к вечеру следующих суток стало известно, что Ждара занимается варкой запрещённых зелий и, судя по геотаргетингу, явно имеет клиентуру минимум в трёх странах. Работает тайно, причём настолько, что в округе её знают исключительно как порядочную травницу. О непорядочности Грид догадался лишь по тому, как она в три утра ходила в лес, где в тайном схроне взяла несколько контрабандных компонентов. Хорошо, что он сразу телепортировался на задание, не став ждать утра! И буквально через пять минут практически нос к носу столкнулся с искомой. Та шла, одетая в мужскую одежду, стараясь держаться тени, но он всё равно узнал по тому странному чувству, что испытывал в её присутствии. Напряжённое такое... в определённом месте. А, поскольку, к мужчинам он подобных пристрастий не питал, а чутью привык доверять, то сразу же последовал за интересной фигурой. Позже в лунном свете он разглядел и знакомый профиль, и характерный постав головы, и порывистые движения рук, и красивый абрис бёдер.

Защита на доме стояла качественная, но для мага уровня герцога Дагонского — тьфу и растереть. А днём он увидел двух пацанов, бегавших по двору и бросавших друг в друга прошлогодней картошкой. Дряблой, с длинными белёсыми ростками, которую явно приготовили на выброс. Солнце золотило пшеничные, в отца, макушки, одуряющее пахли грядки с душистыми травами, звонкий смех раздавался по округе. Вот только женщина, сидевшая у распахнутого окна, тревожно поглядывала на детей, как будто боялась, что в любой момент может придти беда. И она пришла. Не оттуда, откуда она ждала, да и беда ли это? Всё зависело от неё самой и крепости нервной системы.

На следующий день в ворота постучала миловидная девчушка. Дюжина яиц — подношение за лекарство — лежала в корзине под домотканой тряпицей. Неровная чёлка падала на глаза, делая их ещё хитрее, чем они были на самом деле. Россыпь канапушек усыпала вздёрнутый носик, а губы алели спелой земляникой. Мальчишки, встрёпанные и чумазые, с любопытством выглядывали из-за забора, не торопясь открывать калитку. Мать строго настроено запрещала впускать кого-либо даже в ограду. Гостья нетерпеливо ждала, когда выйдет сама хозяйка, порываясь постучать ещё раз, но отдёргивая руку в последний момент. Наконец, послышались лёгкие шаги, скрипнул засов и показалось недовольное лицо невыспавшейся женщины.

— Чем могу быть полезна? — дежурно поинтересовалась Ждара.

— Доброго утречка! — радостно воскликнула девушка, вызвав недовольную гримасу. — Мы тут в Жидарию едем, да вот маменька в пути захворала, а трактирщик сказал, что вы знахарка, не найдётся ли у вас желудочных капель? — всё это она умудрилась выпалить на одном дыхании, хлопая от волнения рыжеватыми ресницами.

— Харвал, — позвала она старшего, — принеси флакон с микстурой из первого шкафа со второй полки.

Похоже, порядок у зельеварки был лучше, чем в королевской армии.

— Простите, госпожа, но, — девушка неловко замялась, стыдливо косясь на второго мальчика, под конец перейдя на шёпот, — можно к вам в туалет? — и с мольбой в глазах добавила, — очень хочется.

Женщина хотела было уже отказать, но та так жалобно сжала коленки, что согласие невольно вырвалось из её губ. Да и чутьё молчало, не предвещая никакой опасности. После того, как она сняла защиту, дабы впустить просящую, у неё резко потемнело в глазах. Очнулась магиня в собственной кухне за столом. Испуганные мальчишки изо всех сил колотили в стенку из соседней комнаты, а напротив неё сидел главный маг Его Величества Базальда Варокского собственной персоной.

Шок, ужас, растерянность и Бог знает, какие ещё эмоции охватили Ждару. Неужели это конец? Ладно, она, но как же ребятишки? Тревожные вопли этих самых ребятишек грозились поднять на уши всю округу.

— Тихо! — гаркнула она на детей, выпуская на волю часть напряжения, сковавшего тело. Пальцы слегка подрагивали, но жёстким усилием воли она взяла себя в руки.

— Хорошо спрятались, мазель компаньонка, — учтиво наклонил голову ворон, всячески показывая спокойствие и дружелюбие.

— Что с Грэзи? — задала первый попавшийся на язык вопрос. Как ни старалась она думать о попаданке цинично или, на худой конец, практично, но сочувствие давно поселилось в глубине сердца. И всё же боязнь за свою семью была куда сильнее и от того спрашивать об этом было во много раз страшнее.

— С Любой всё в порядке, — сделал особое ударение на имени, давая понять, что в курсе дел.

— Даже так, — покачала головой, лихорадочно соображая, как поступить. С одной стороны, она настолько погрязла в подпольном бизнесе, что даже чистосердечное признание не облегчит приговор, с другой ей так надоела теневая жизнь...

— Позвольте вопрос, — дождался утвердительного кивка и продолжил, — Брэг выполнил свою часть вашего договора? — Отрицание. — А вы?

— Да, в полной мере, — сердце сжалось от волнения.

— У вас сейчас схожее с Любовью положение, — мягкие нотки помимо воли вырвались из него от одного напоминания любимого имени, — и от того, какое решение вы примите, зависит как ваша личная участь, так и судьба страны.

— Это не так легко, как вы думаете, — нервно сжала пальцы, — меня уберут свои же

«коллеги»? — и такая тоска в глазах мелькнула, что вербальное продолжение не потребовалось.

— Понимаю, — со всей серьёзностью ответил главмаг, — я могу не афишировать ваше участие, мне нужна лишь информация о заговорщиках, не более. Всю вину свалим на Брэга — ему и так не отмыться.

— Да я, в общем-то, не так много и знаю, — замялась Ждара, опасливо поглядывая на брюнета, — лишь пару контор, через которые велась работа да несколько магов, помогавших Брэгу.

— Помогавших?

— Заключивших контракт на крови, — поправила женщина, — добровольно.

— А вы? Тоже добровольно?

— Да, собственную дурость ещё никто не отменял, — горькая усмешка, — я думала, что смогу всё, думала, что добрая я умерла пять лет назад вместе..., - судорожный глоток, — а теперь просто выживаю, но Люба... она светлая. Покалеченная, но не сломленная. Вы и сами видели её душу. Там, в коврах, в каждом из них частичка её. И она влияет на всех. Не знаю, как Брэг — он не делился — но я отогрелась возле неё.

— Я тоже, — сцепленные руки больше слов говорили о напряжённой искренности. Молчание. И неожиданное, — не хотите поработать на моё ведомство? Внештатно. Под прикрытием своей же личности.

Надежда блеснула в выразительных очах цвета молодой листвы, но тут же завяла на корню.

— А как мои мальчики? Им, — она запнулась, но, решила рискнуть, — постоянно нужны запрещённые зелья для сдерживания сущности зверя.

— Зачем? — Изумился Корд. — В нашей академии есть хороший факультет зверомагов, там работают отличные специалисты...

— Знаю я, насколько они отличные, — пробурчала женщина, перебивая пылкую речь, — Шаврану, вон, уже «помогли». Он ведь так и не смог совладать со своим зверем и в один прекрасный момент просто не вернулся в человеческий облик. — Видно было, с каким трудом даётся ей откровенность, с другой стороны, она была рада, что хоть с кем-то может поделиться своим горем. Впервые за эти годы. — А потом его убили. Загнали, как обычного зверя. Свои же — маги — другие бы не справились. Будь проклят этот тотализатор!

— Ждара, — ворон напряжённо сжал челюсть, — травить зверя у оборотня — плохое решение.

— Травить зверя в угоду собственной потехе — не лучше, — отрезала женщина, — я не хочу такой судьбы своим мальчикам, но они из рода Лавронских, у них одна из самых сильных ипостасей.

— И с этим мы тоже разберёмся, — жёстко вставил Корд, гневно сверкая глазами. Не в её адрес, а по отношению к любителям острых ощущений.

— Ладно, — похоже, именно последняя фраза убедила её сделать решительный шаг.

Лёжа в обнимку со своей женой, Корд никак не мог уснуть, прокручивая в голове разговор со Ждарой. Она сегодня сформулировала то, что он чувствовал, но до конца не осознавал: Люба действительно осветила его довольно мрачную жизнь. И дело не столько в сексе, сколько в поразительном единении. Они как будто взяли боль друг у дружки на себя, а, как известно, чужие страдания переносятся куда легче собственных, даже при сильном сопереживании. Каждая минута, проведённая рядом с ней, наполняла его радостью, гармонизировала окружающий их микрокосмос. Он, в свою очередь, старался, как мог, обволакивая Любу заботой, руками и прочими частями тела. И корд чувствовал, что оба они стали другими: спокойнее и, конечно же, счастливее.

Ждару было откровенно жаль. У них с мужем тоже была чистая, искренняя любовь, зверь любил её до беспамьтства, это его и погубило. На Шаврана начали давить. Угрожать смертью жены и детей, если он не согласится участвовать в тотализаторе. Выиграет — часть денег его, проиграет — вдове выплатят компенсацию. Он долго держался, дольше многих, но всё равно погиб. Его изучили, к следующей встрече тщательно подготовились и загнали в подлую ловушку. Всё это Ждара узнала уже после, когда ей принесли деньги и изувеченное тело. Рассказывали долго, со вкусом, смакуя подробности, а потом пригрозили, что если только пикнет против них, может готовить домовины для своих щенят. И пришлось молчать. Уехать подальше от всех, кто когда-либо знал её, прихватив с собой маму, скрыться на окраине, перекрасить волосы. А через пару лет у старшего начался пубертатный период... предвестник первого оборота. Тогда она приняла волевое решение о том, что не хочет такой судьбы своим детям, и закупила на чёрном рынке дорогущих компонентов для специального зелья, глушащего звериную ипостась оборотней. Денег хватило на год, и это учитывая то, что она трудилась в поте лица на ниве зельеварения, тогда ещё легального. А потом подрос младший. Связи с поставщиками к тому времени были уже налажены, те не один раз закидывали удочку о потребностях теневого рынка в запрещённых эликсирах, и она решилась. Работала через посредника, даже тому не показывая свою истинную внешность, и тайник, в котором происходил товарно-денежный оборот. Жизнь наладилась, мальчишки росли, и вот тут-то поступил заказ на омолаживающее зелье. Видимо, дошла слава гениальной зельеварки до самого герцога Брионского, а тот вслепую работать не привык. Мигом выследил исполнительницу, узнал её подноготную и удивился тесноте мира. Нет, он не был среди тех, кто убивал её мужа, но о тотализаторе слышал и даже пару раз участвовал. Не пошло, слишком грубо и финального кайфа нет, то ли дело женщины! И политика — там игры куда изощрённее. Как раз такую он и затеял, где финальным штрихом вписалась средних лет женщина, умная, осторожная и, самое главное, не станущая рисковать своим потомством. А деньги, которые он обязался ей выплатить, превышали пятилетний доход самой активной подпольной деятельности. Лакомый кусочек, нечего сказать.

Работать пришлось под собственным именем и лицом, так как защитная магия королевской резиденции разъедала любую личину, а документы проверялись на подлинность лучшими специалистами королевства. Конечно, можно было бы их подкупить, но не получилось. Зато вышло с парочкой тюремщиков и кое-кем из приближённого круга. Надзирателей и одного из помощников Грида вычислить успели, а вот один персонаж, на которого бы в жизни не подумали, оказался кротом, причём давним. Вспоминая разные случаи Корд понял, что сливал информацию тот нечасто, дабы не проколоться на мелочах, и всегда имел прикрытия и парочку лохов для подставы. Хорошо, что он в этот раз давал ему общие задания, связанные лишь с подготовкой официальной документации к судебному процессу!

Что ж, это многое объясняло и слегка меняло план действий. К тому же среди заговорщиков оказался ещё один занимательный персонаж, в связи с которым следовало подкорректировать тактику. Ну и вишенкой на пироге взаимопомощи оказалось одно древнее зелье, благодаря

которому можно быстро всех обездвигнуть, несмотря ни на какие защиты и уровни магии. Просто распылить его в воздухе, не забыв, конечно, заранее принять антидот. Даже задержка дыхания бесполезна — достаточно простого попадания на кожу. Время действия — двенадцать часов. Страшная штука! Но удобная...

— Эх, быстрее бы уже всё закончить и официально пожениться, — пробормотал сам себе главмаг, — и в отпуск, недели на две. Нет, на три, не меньше!

* * *

Наконец, наступил день суда и «Брэгдана» повели в телепортационный зал. Специальный, для преступников, расположенный на территории тюрьмы, «неожиданно» вышел из строя накануне. Пришлось вести арестанта в один из гостевых. Во избежание, ибо нечего допускать предателей до стратегических объектов. Оригинал, кстати, лишь нагло ухмыльнулся, когда в его камеру зашёл Корд, а вышел уже он сам. Жаль, не лично.

Как и ожидалось, телепортация прошла по совершенно иному маршруту, перенеся «Брэга» и его конвоиров в незнакомый зал. Вместе с ними под пологом невидимости прибыл и Грид, вооружённый зельем Ждары, не говоря уже о стандартном наборе артефактов и колюще-режущих предметов. В последний момент Корд поменял сопровождающих, заменив тех на предателей. С одной стороны, он увеличивал количество враждебных сил вокруг себя, с другой действительно верные люди зря полягут — шансы выжить у них были минимальны. Встречающие слегка опешили от контента, тем самым давая несколько драгоценных секунд крадущемуся тигру и затаившемуся дракону. Саблезубый, не давая себя оглушить, мгновенно освободился от имитации оков и опутал ловчей сетью близстоящих, остальных взял на себя чешуйчатый, который при этом умудрился даже не вскрыться. Пара минут, и последний заговорщик, попытавшийся сбежать через портал, повязан. Даже зелье не пригодилось, да и берегли его, стараясь зря не расходовать.

— Быстрее, активируй обратку, — скомандовал главмаг, а сам двинулся к подготовленному для следующего скачка переходу. Посмотрел на координаты, хмыкнул и коротко бросил в амулет связи, — первая группа в поместье Прогдунского! Вторая сюда, ориентир на меня, третья пока на низком старте. — И отошёл в соседнюю комнату, дабы не сбить настройки действующего портала.

— Думаете, может быть ещё один переход? — спросил голос из ниоткуда.

— Возможно, — коротко бросил главному помощнику, — интересно, у них есть временной регламент или лучше поторопиться?

— Думаю, что минут десять в запасе точно имеется.

Пахнуло озоном, раскрылся телепорт, из которого вышла вторая оперативная группа и бодро принялась таскать повязанных прямиком в казематы. Как ни странно, но тот самый забарахливший переход «вдруг» исправно заработал. Случаются же чудеса!

— Активировать личины, — коротко бросил Корд паре проверенных парней и пошёл обратно в комнату с порталом к предположительно главам заговора.

Ребята достали заранее подготовленные амулеты с обликами тех самых заговорщиков, которых сдала Ждара, и надели их, заправив внутрь, чтобы те соприкасались с голой кожей.

— Готовы? — Окинул острым взглядом псевдобрэг. — Антидот приняли? — Поднял с пола свои кандалы. — Грид — ты первый.

Следом за невидимкой сразу шагнули остальные, чтобы никто не заподозрил подвоха. На той стороне перехода их ждали господа заговорщики, и если некоторые из них были не собственной персоной, то представлены весьма значимыми представителями. Вокруг них стояли маги. Сильные, таких нахрапом не возьмёшь — там одной защиты двенадцать уровней, не говоря уже об оружии. Среди них, как ни странно, затесался Вилдар, от одного вида которого у Корда зачесались кулаки.

— Господа, — «Брэг» издевательски поклонился, звенькнув металлом.

— Как вы здесь оказались? — проигнорировав седовласого, обратился к предателям глава торговой гильдии. — Где остальные?

— Нас в последний момент назначили в сопровождение, — ответил один из мужчин, — остальные полегли, мы уцелели только потому, что нас не трогали ни те, ни другие.

— Понятно, — недовольно стиснул зубы толстяк, прикидывая, во сколько ему обошлись потери. Привык всё считать, знаете ли. — Вы трое, — кивнул он стоявшим поодаль магам со средним уровнем дара, — зачистить следы.

Те послушно шагнули в пентаграмму, на другом конце которой их уже ждала встречающая делегация.

— Итак, — перешёл к делу представитель меравийского двора — принц Дажуйский собственной персоной, — мы узнали, что Ваша Светлость планирует тесное сотрудничество с дознавателями.

— А как вы хотели? — надменно вскинул белёсую бровь. — Своя шкура дороже!

— Понятно, — кивнул потомок убийц, — тогда к делу. Как удачно, что на тебе антимагические кандалы!

— Позвольте я сам, — выступил вперёд потомственный любитель насилия, — разберусь с дядей по-свойски.

Мужчины переглянулись, подали незаметный знак магам быть настороже и соблаговолили позволить.

— Извини дядя, — издевательски протянул подлый крысёныш, — но не надо было меня как щенка трепать из-за какой-то сучки. Теперь ты за это ответишь!

И вот тут-то началось самое интересное: все застыли в самых разнообразных позах, кроме новоприбывших.

— Сучки, говоришь? — зло выплюнул «Брэг» и сменил личину.

Выказать своё удивление никто не смог, но вытарашенные глаза говорили красноречивее любых слов.

— Грид, антидот, — отрывисто бросил он в сторону.

— Вы уверены? — если бы народ мог вздрогнуть от неожиданности, он обязательно бы это

сделал. Зычный голос из ниоткуда — довольно неожиданное явление даже для этого мира.

— Более чем, — процедил сквозь зубы, — быстрее.

Получив требуемое, он влил в онемевшие губы Вилда зелье Ждары и запрокинул его голову, заставляя проглотить. Судорожно закашлявшись, тот обрёл былую подвижность.

— Дагонский, ты что сделал с моим дядей?!

— О, неужели я слышу в твоём голосе беспокойство? — Ядовито поинтересовался Корд. — Не о том волнуешься, мразь!

И без изысков втащил по красивому, породистому лицу, столь похожему на его сюзерена. Нос отчётливо хрустнул. Противно взвыв, насильник схватился за повреждённый орган, из которого брызнула алая кровь. Не желая пачкаться, ворон сжал его горло магической удавкой, и приподнял над полом. Еле доставая носками сапог каменной плитки, тот судорожно засучил ногами и переместил руки с носа на шею, пытаясь оттянуть самозатягивающееся кольцо.

— Ну как, чувствуешь оригинальность ситуации? — напомнил маг бахвальство перед Любой. — Расслабься, детка, тебе понравится! — И с размаху засветил кандалами по зубам, кроша эмаль. С каждой секундой ярость всё больше охватывала его, застилала глаза багровой пеленой. Хотелось крушить, ломать, стереть с лица земли эту мерзкую гниду!

— Личико твоё я уже разглядел, ротик исследовал, — вновь продолжил цитировать некогда обращённые к Любе слова, — посмотрим, что там у нас под обёрткой. — И уже собрался спустить с него шкуру, в прямом смысле этого слова, как его не вовремя прервал окрик помощника.

— Ваша Светлость, — для большего впечатления тот даже снял с себя невидимость. — прошу вас, не надо! Остыньте!

Бешеный взгляд, брошенный искоса и мощная отмашка, размазавшая Грида по стене, вместо ответа. Теперь у всех присутствующих в глазах застыл безмолвный ужас. Никто не мог даже предположить, что человек в одночасье способен настолько преобразиться — некогда приятные черты превратились в жестокую маску. Аура ненависти и беспощадности давила на всех без исключения. Казалось, что воздух можно резать ножом и продавать микропорциями для устранения конкурентов. И тут произошла очередная неожиданность: воздух замерцал и между противниками появилось небесное явление, обеспокоенно оглядывающееся по сторонам. Всем сразу стало легче дышать, удавка на шее ослабла и обмочившийся садист дурнопахнущим кулём рухнул на каменные плиты пола.

— Как ты здесь оказалась? — хрипло, с трудом вспоминая, какого это — нормально говорить, спросил ворон.

— Моё сердце сжалось, закололо так, словно его сейчас разорвёт, а потом я вдруг поняла, что с тобой что-то не так и активировала амулет личного переноса, — затараторила самая прекрасная в мире женщина, успевая при этом обхватить его лицо ладонями, туда-сюда покрутить, заглянуть в ставшие почти нормальным глаза, ощупать тело на предмет повреждений и проверить температуру, коснувшись мягкими губами покрытого бисеринками пота лба.

— Не делай так больше, — он взял её за плечи, слегка встряхнул, а потом, не выдержав, крепко обнял. Вдохнул родной аромат и только тогда осознал насколько близко подошёл к краю. Ещё

чуть-чуть, и грань нормальности была бы стёрта. Нет, он бы не жалел о своём поступке, но и прежним вряд ли смог остаться — всё же это не бой, а банальное избиение младенца. На редкость мерзкого и гадкого, но в данный момент беззащитного.

— Ты закончил? — Люба заглянула в потеплевший омут антрацита.

— Почти, — лёгкий поцелуй границы лба и мелких завитков, выбившихся их причёски, — осталось совсем немного. — Первая группа, — отрывисто бросил он в амулет, — ваш выход. — Взглянул на Вилдара, скривился. — Да, и лекаря пришлите.

* * *

Суд всё-таки состоялся, но через три дня, когда по результатам допросов поймали и арестовали остальную часть заговорщиков. С принцем Дажуйским вышла довольно щекотливая ситуация — всё же он гражданин соседнего государства, да ещё и к правящему дому имеет непосредственное отношение. Но и дело здесь непростое — убийство единственного наследника и попытка государственного переворота. Да и суд Независимой Семёрки — не шарашкина контора. Единственное, что тому удалось избежать, так это ментального допроса, но показаний остальных оказалось более чем достаточно. Считать их получилось по той простой причине, что все участники кровных договоров собрались в одном месте, более того, их вина подтвердилась свидетельствами соучастников. В том числе и Ждары. Поскольку наравне с Любой она фигурировала как добровольный помощник следствия, приговаривать её ни к чему не стали. Зато заинтересовались тотализатором, по которому она подала ходатайство: оформили отдельным делом и назначили расследование.

Любе пришлось вскрываться по всем статьям. Во-первых, как невольной соучастнице, во-вторых, как жертве насилия. Наказание за сие преступление оказалось в этом мире весьма нетривиальным: снятие слепка фрагмента памяти пострадавшей и воспроизведение пережитых ощущений для нападавшего, а после ограничение функционирования полового органа. Срок — в зависимости от тяжести нанесённых повреждений. Конкретно Вилдару досталось десять лет импотенции плюс последующий контроль, а при повторном преступлении кара продлится пожизненно. И это не считая основного приговора за участие в заговоре!

Помимо главы гильдии в деле оказалась замешана добрая половина торговой верхушки королевства, что уж говорить про дворянство. Головы летели, как капуста в сентябре. Катились хрусткими кочанами с плахи из-под топора палача, собирая волосами окрестную грязь и добавляя в неё свежей крови. Освобождались должности, титулы, поместья... Семьи заговорщиков тщательно проверялись менталистами и в зависимости от степени соучастия карались. Лишь спустя десять дней Корд умудрился вырваться из этой круговерти и отправиться, наконец, в заслуженный отпуск на целых три недели! Как раз за это время церемонимейстер успеет подготовить новую свадьбу, а он просчитать и составить схему межмирового портала. Ведь какой праздник без родни невесты?

А ушлый король попивал бурбон и перебирал портретики принцесс, выбирая, кого же осчастливить. Принцессу Дажуйскую, кстати, он радостно выбросил в мусорку. После выходки её братца политического брака той не видать, как собственных ушей. Кто ж согласится связываться с потенциальными убийцами? Казни, к слову сказать, принцу удалось избежать, а вот запрет на выезд за пределы своего королевства и ограничение полномочий — это он огрёл по полной программе. И это были лишь первичные меры! Узнав об инциденте, соседи устремились (а что, мало кому охота рисковать собственной короной, не говоря уже о жизни!) и назначили на следующий месяц саммит по разработке санкций.

Глава 16. Медовый месяц

— Всё! — Корд радостно влетел в спальню, где его дожидалась ненаглядная жена. — Завтра можем уезжать!

— Куда? — не поняла Люба, сладко потягиваясь и протирая сонные глаза. Глянув на часы, она обнаружила, что уже половина четвёртого утра.

— Как куда? — удивился маг и тут вспомнил, что озвучить давно вертевшиеся в голове планы так и не нашёл время. То одно, то другое. — К нам в родовое гнездо.

И так это «к нам» так многозначительно прозвучало, что аж сердце подпрыгнуло.

— Совсем-совсем всё?! — радостно подскочила и тут же упала, запутавшись в одеяле.

Ворон, вместо того, чтобы ловить, примял её сверху и принялся целовать, попутно объясняя ситуацию.

— Не совсем, конечно, — укус в ушко, от которого побежали проворные мурашки, — но львиную долю дел я перераспределил между помощниками, — обвёл языком выступающую косточку ключицы, — а срочные вопросы буду решать через амулет связи.

Всё, на этом слова закончились, уступив место прерывистым вздохам, шуршанию белья, скрипу кровати и полным страсти вскрикам.

Позже, утолив первый голод, они лежали в обнимку, наслаждаясь мыслью о грядущем отдыхе.

— Я понимаю, что ты хочешь побыстрее увидеться с дочерью, — неожиданно заговорил Корд, почувствовав подспудные метания Любиного сознания, — но давай сейчас просто побудем вместе.

— Медовый месяц? — она пробежалась пальчиками по груди и дальше, по курчавой дорожке, ведущей к гнезду глухаря.

— Он самый! — Глухарь приподнялся, оглядывая окрестности. — А твоих позовём ближе к свадьбе — всё равно её около месяца будут готовить.

— Слушай, может, обойдёмся без пышного торжества? — Нежная кожа птенчика приятно грела руку.

— Уже обошлись, — задорно подмигнул и тут же закатил глаза от удовольствия, — но придётся соблюсти официоз — всё-таки я герцог.

— Ну ладно, — пробормотала Люба и поцеловала птичку. Тот ещё больше оживился, показал головку, так и напрашиваясь на ласку. — Хороший мой, трудяга, — приголубила ночного старателя и устроила ему влажные процедуры. Заслужил. За всё: за нежность, за чуткость, за ласку, за жгучую страсть, плавающую каждую клеточку её тела, за многое...

Поместье встретило их жарким солнышком, ароматом цветов, буйно росших то там, то тут, то там и спящего под кустом садовника. Пьяного. В хламинушку. О своих обязанностях он вспоминал явно не в этом году. По большому счёту Любе было глубоко начхать на геометрию клумб и высоту травы, зато Корд рассердился не на шутку. Нет, он не стал тратить магию на отрезвление халтурщика, а по простому схватил его за шкурку и пару раз макнул в бочку с

дождевой водой. К слову сказать, было раннее утро (следующее после прошедшего, ибо оторваться друг от дружки они оказались не в силах, как и от мягкой подушки), и после ночи она имела довольно неприятный градус. Зато успешно снижала алкогольный! Разлепив глаза и узрев перед собой гневный клюв, тот поспешно бухнулся на колени и принялся божиться, что сегодня же всё исправит.

Люба, почувствовав, что ещё немного, и беднягу хватит удар, с тихим вздохом прислонилась к широкому плечу и переплела пальцы. Приятная дрожь прошла по обоим, заставив забыть и о запущенном саде, и о бьющем челом алкоголике, только «благоухающее» амбре, доносившееся до них вместе с оправданиями, портило идиллию.

— Придётся немного обождать с отдыхом, — тяжело вздохнул мужчина, — сначала соберём всю прислугу и проверим кто как работает. Заодно тебя официально представим, правда, я это на вечер планировал, — и посмотрел таким голодным взглядом, будто не было прошлых суток.

К счастью, кроме садовника, никто больше не халтурил, зато обнаружилась приличная недостача продуктов. Согласно отчётов, кладовая должна была ломиться от еды, а на деле нашлась лишь корзина яиц, мешок пшёнки и половина ларя с мукой. Жбан прокисшего молока не в счёт. Да, Корд не предупредил заранее о своём визите — настолько расслабился в родных объятьях — но такой вопиющей наглости никак не ожидал!

— Вы сами-то чем здесь питаетесь? — спросил он у прочей прислуги, после того, как телепортировал кухарку в тюрьму, откуда ей была прямая дорога на какие-нибудь тяжёлые работы.

— Из дома еду приносим, — робко подала голос одна из горничных.

— Интересно, а сода тут имеется? — осмотрев уголья, спросила Люба, — сахар я уже нашла.

— Конечно, госпожа! — Радостно от того, что может быть полезна, воскликнула Даниза.

— Неси! А ещё муку, яйца и масло, — весело хлопнула в ладоши и полезла за чашкой и венчиком.

— Милая, — Корд обнял её со спины и зарылся носом в ароматный затылок, — что ты задумала?

— Оладушки, — прижалась к мужу и сладко вздохнула, — тебе как раз полезно, а то кожа да кости.

— Мм, я сильно сомневаюсь, что мне пойдёт круглая попа, — и огладил обсуждаемый объект, ясное дело, не свой, — а вот тебе в самый раз.

— Вообще-то, я и не об этом, — полуобернулась и ехидно изогнула бровь, — мне больше нравятся мягкие, рыхлые животики, — потрепала жилистый пресс.

— Вот, госпожа! — радостно пропыхтела служанка, водружая на стол припасы, тем самым прерывая шутливую пикировку.

— Отлично!

И она споро принялась взбивать яйца с сахаром и ванилью, закинув ложку соды в простоквашу, чтобы погасилась. Накрыв готовое тесто салфеткой, чтобы мука получше разошлась,

новоявленная герцогиня Дагонская направилась в сторону огорода. В отличие от сада, грядки с овощами имели куда более ухоженный вид. Особенно выделялся угол с помидорами: те атели гигантскими шарами, так и просясь в рот. В итоге нашлось всё: и лук с томатами для яичницы, и зелень, огурчики и прочее для салата, и даже кабачки с картошкой для драников на обед. Надо ли говорить, что у прислуги случился культурный шок, а Корд так натрескался, что целых полчаса отлёживался на покрывале, пока жёнущка булькалась в пруду. А потом не выдержал издевательств (как так, смотреть на обнажённую красавицу и не пощупать?!) и тоже занырнул.

В воде страстная парочка любиться зареклась ещё с того случая в ванной, поэтому сегодня активно осваивала травяное покрытие. Говорят, мягко должно быть... шёлковая трава, по описаниям опытных романисток, ласкает кожу, ветерок развеивает волосы, а насекомые отсутствуют априори. Ага, где-то там, между чернильных строк, но никак не в реальности! Даже на покрывале было жутко неудобно. Мелкие кочки не давали нормально лечь, не то, чтобы выдержать двойной вес, свой и мужа. Муравьи с жучками так и норовили поучаствовать в процессе, подползая снизу, сверху алчно жужжали комары и прочие кровососущие, кусая голый зад главмага, а бравые окрики рьяно принявшегося за свои обязанности садовника и вовсе нервировали. Конечно, Корд поставил пологи невидимости, неслышимости и непроницаемости, но далеко не сразу (кровь-то в другой мозг отлила), а по мере поступления проблем, так что к тому времени, когда все неудобства были устранены, желание сошло на нет.

— Всё! — Нервно воскликнул ворон. — Возвращаемся в спальню!

К счастью для служанок, они успели подготовить хозяйские покои, пока молодожёны пытались развлекаться, а кровать так и вовсе оказалась выше всяческих похвал. Не скрипела, отлично амортизировала и пахла ничуть не хуже, чем полянка, ведь бельё здесь при хранении перекладывали сухими веточками ароматных трав. И при этом никаких насекомых!

* * *

Помимо отсыпания, объедания и умопомрачительного секса приходилось заниматься и прочими делами, вроде найма новой кухарки, согласования срочных вопросов безопасности королевства, выдачи указаний по подготовке к свадьбе. Самым непростым стала подготовка межмирного портала. Координаты, которые Корд выбил у Брэгдана, оказались весьма непросты и требовали тщательной доработки. Вместо стандартной пентаграммы переноса требовалась октаграмма, так как нужны дополнительные параметры. И теперь довольно много времени отнимали расчёты точного места и времени. Главгад, кстати, чудом избежал казни, ибо в последний момент одумался и пошёл на сотрудничество. А поскольку его блок так никто из менталов не смог расколоть, это оказалось очень даже кстати. Он выдал все подробности заговора, нюансы его подготовки, от которых кое-кто из Семёрки пришёл в восторг, настолько виртуозно были продуманы некоторые моменты. Особенно понравилась афёра с подменой принцессы и сложносоставным ядом. Судя по тому, как азартно его допрашивал Герардус, стоило в скором времени ожидать научную статью о видах заговоров и методологии их раскрытия. А то и целую монографию!

На свободу герцога Брионского никто отпускать не собирался, несмотря на клятву на крови о преданности интересам короны. Лишь улучшили условия проживания, выделив одну из башен, подобную той, в которой жил Корд. С ограниченным доступом. Мало ли, консультация какая может понадобиться. Или просто выпить, старые деньки вспомнить, до того, как он со скуки стал в масштабные авантюры ввязываться. Да-да, именно скука стала основным мотивом его участия! Ну и жажда власти, само собой.

Вилдар тоже до уровня казни не дотянул — как таковых преступлений он не совершал, его вообще собирались использовать в качестве ширмы. Похотливой в папашу и извращённой в дядюшку — очень удобные рычаги для контроля и манипулирования. В разработке планов и их реализации он не участвовал — мозгом не вышел, подумаешь, на дядю покушался. Так себе преступление. А за насилие да, ответил по полной. Условий содержания ему улучшать не собирались, напротив, планировали использовать для работы на рудниках. Незачем всяким сибаритам народные налоги зря проедать!

Свадьба планировалась довольно масштабная с приглашением всей знати королевства, правда, в связи с раскрытием заговора добрая треть высшего общества отсеялась. Кто целиком, а кто и по частям. Конечно, головы полетели лишь у самых злостных оппозиционеров, прочих кого лишили титула и большей части имущества, кого просто отправили в опалу без права въезда в Родецию. Немаловажным моментом оказалось решение по судьбе детей, которые оказались в весьма щекотливой ситуации. Король не считал это проблемой, Кордаван тоже, собираясь поместить совсем уж круглых сирот в приют, а остальных сплавить дальним родственникам. Но тут уже взвилась Любаня, как истовая мамаша отстаивавшая невинных ребятишек.

— Ты понимаешь, что обрекаешь малышей на верную смерть! — главмаг уже десять раз пожалел, что поленился выйти в кабинет и обсудил текущий вопрос при супруге. У той оказался кардинально противоположный взгляд на данный вопрос. — У них банально не приспособлен иммунитет, не говоря уже о психике к условиям детского дома!

— Солнышко, — с нажимом казал Корд, — пойдём лучше погуляем в саду — погода просто чудесная!

— Ко-о-рд, — с укоризной протянула иномирянка, — давай ты не будешь держать меня за оранжерейный цветок.

Откровенная досада мелькнула на худощавом лице, но тут же сменилась интересом.

— И что ты предлагаешь?

— Ну-у, — не ожидав столь быстрой капитуляции, блондинка задумалась, — а какого возраста дети и сколько их вообще?

— Пойдём, посмотрим, — он взял её за руку и повёл в кабинет. В верхнем ящике стола хранился точный список, — двадцать три от пяти до семнадцати.

— Ого, — присвистнула герцогиня, — прилично! Что же, что же..., - бормотанье сопровождалось шуршаньем пальца по бумаге, — ага, маленьких двенадцать, не так уж много. У вас есть бездетные семьи?

— Конечно, — наклонил голову, улавливая ход её мыслей, — но их значительно меньше, чем детей.

— Всё равно надо кинуть клич, может, кто захочет взять, — настаивала Люба, — кстати, а откуда такая точная цифра? Вы ведёте строгий учёт?

— Вообще-то я имел в виду только высшее общество, — он с любопытством ждал каждой последующей фразы, наслаждаясь нестандартностью реакций.

— Та-ак, — глаза опасно сузились, — а дети? Считали тоже только высокородных?

— Конечно, — скрестил руки на груди, — остальных разобрали.

— Вот видишь, люди попроще оказались куда милосерднее, чем ваше высокомерное общество, — выиграло в Любе демократическое воспитание.

— Просто они более практичны, — поправил ворон, — сироту куда легче заставить работать, чем собственное чадо. И не жалко.

— Та-ак, — повторилась женщина, — а это можно как-то отследить?

— Милая, — он успокаивающе погладил её по руке, — ты ведь понимаешь, что это невозможно. У меня попросту не хватит людей.

— Эх, — она была вынуждена согласиться, несмотря на внутренний протест. — Слушай, а у вас что, нет социальных служб?

Увидев полное непонимание, она как могла, описала суть системы.

— Занятно, — он задумчиво почесал клюв, — но слишком затратно. И дармоедов много разведётся.

— Согласна, — одобрительный кивок, — но помощь матерям-одиночкам и бездетным или брошенным старикам и инвалидам здорово поднимет общий градус доброты. Если честно, мир у вас чересчур жестокий.

— Насколько я помню после нашего слияния, у вас тоже не особо радостно, — парировал муж.

— Но не так безнадежно. Если бы не ты, я бы ни за что не захотела здесь остаться, не говоря уже о том, чтобы перевозить сюда дочь.

— Я тоже тебя люблю, — расплылся в довольной улыбке брюнет, автоматически потянувшись к ненаглядной. — И я подумаю над твоими словами.

— Эй, постой, — кое-как собрала растекавшиеся от ласки мысли в кучку, — мы только младших обсудили. А что будет со старшими?

— Отправим их в школы, выделим комнаты в общежитиях и назначим пособие.

— Плюс к стипендии? — дотошно уточнила.

— Плюс, плюс — проворчал в макушку, — но стипендию будут получать по знаниям, а не из жалости.

— Само собой, — вздрогнула от разбежавшихся по всему телу мурашек, — пусть стараются. И с трудоустройством надо будет потом тоже помочь.

— По способностям, — не менее дотошно уточнил главмаг. — Всё, хватит разговоров, мы сегодня ещё купаться не ходили!

И поволок, загодя прихватив в пространственный карман матрац и амулет с комплексным набором защиты на открытом воздухе. Чтобы не отвлекаться по мелочам. И укусы потом на филее не смазывать.

Вопрос по детям разрешился, как ни странно, довольно быстро. Как только сделали официальное объявление о том, что есть возможность оформить опеку, не имея кровного родства, ребятшек расхватили, как горячие пирожки, причём всех! Самых старших взяла под своё крылышко... леди Друзелла. Оказывается, ей так понравилось воспитывать Любу, что когда подопытного кролика увел ушлый главмаг, стало очень скучно и одиноко. А тут такая возможность: отпрыски благородных фамилий, пусть мятежных, но дети не виноваты в ошибках родителей. Да, титула их лишили, но образование никуда не делось, таланты меньше не стали, и глупо втаптывать их в землю, вынуждая подростков искать варианты заработка не по способностям, а по возможностям низшего класса. И много позже стало очевидно, что такое решение сыграло на руку всем: монархия получила преданных людей, а хорошие ребята, как и большинство детей любого сословия, не попали под маховик безжалостной мясорубки. Конечно, не обошлось без казусов, вроде чрезмерного высокомерия дочери бывшего министра торговли или дурных наклонностей сына графа Орванского — большого любителя азартных игр, но, как в любом деле, определённый процент брака неизбежен. Главное, чтобы он не превышал пределов нормы.

* * *

Очередное свадебное платье решили сделать вопреки местным модным канонам: никаких оборок, вышивок, драгоценных камней и прочих украшательств. Абсолютно гладкая поверхность баснословно дорогого шёлка из какой-то заморской страны, игравшей под солнечными лучами всеми оттенками радуги. Какие уж тут бирюльки? Лиф сердечком, юбка колокольчиком — вот и все премудрости кроя. Да и не нужны они были с таким-то сиянием.

Церемониймейстер пытался было атаковать их по поводу украшений, цветов, меню и прочих премудростей и в ответ получил предельно чёткие инструкции в письменном виде в трёх экземплярах. И никаких обсуждений! О, как он возмущался отсутствием творческого полёта мысли у отдельно взятых герцогов и мучился. Прямо таки тяготился столь строгими рамками. Знал бы он, каким макаром составлялся сей опус, удавился бы на косе собственного парика! Сладкая парочка накропала его буквально за полчаса в перерыве между сексуальными экспериментами в области проходимости альтернативных отверстий. Так сказать тактические учения на случай прихода армии в красных мундирах. Та, как назло, запаздывала, вызывая смутные подозрения у новобрачной. Но, поскольку, она и раньше не отличалась большой пунктуальностью, время терпело. Да и, положив руку на сердце, Люба была бы только рада родить второго ребёнка, тем более Корду!

Воспоминания о Зойке вновь нахлынули, вот только теперь их не сопровождала беспросветная тоска, напротив, предвкушение от скорой встречи трепетало белокрылыми бабочками в районе солнечного сплетения. Она уже мысленно представляла, как заяц бежит по длинным коридорам, как играет в своей новой комнате, оборудованием которой она занималась, пока Корд работал над текущими проблемами, как бежит по саду и купается в пруду. Львиная доля мебели из детской супруга оказалась в отличном состоянии, разве что нуждалась в покраске. Зачем маленькой девочке тёмное дерево? Пусть будет всё белое, благо, служанок для регулярной помывки с избытком. Ковёр она заказала нежного бирюзового цвета с белыми, розовыми и сиреневыми цветами, словно под ногами сказочная полянка. Ткань на шторы, обивку стульев, пуфиков и подушечек подобрала из тех же оттенков. А светильники и вовсе декорировала сама, свив из лент и ткани цветочки-листочки и прикрепив их к решётчатому каркасу, внутри которого хранился осветительный кристалл. Из игрушек купила только пару местных кукол и всяческие к ним причиндалы, типа домика, кареты и прочего, а себе поставила мысленную зарубку сгонять в магазин, набрать всяких развивалок на несколько лет вперёд и рисовальную доску с мелками из ИКЕА. И велосипед! А так же ролики, коньки и ортопедическую обувь на вырост. В любом случае, они планировали провести в её мире не

меньше нескольких дней: аккуратно объяснить всё маме, переписать квартиру на дядю Севу — единственного мамино брата, который всегда, как мог, помогал девчатам, собрать вещи, в конце концов.

Маме подготовить спальню оказалось куда проще — их оказалось целых пять вариантов на любой вкус и цвет, только выбрать. Единственное, о чём та будет сокрушаться, так это об отсутствии её любимой электрической швейной машинки. Хотя, никто ведь не мешает полазить по Авито и поискать старый зингер в хорошем состоянии. После термобигудей Люба поняла, что грядущие покупки лучше записывать. Заодно удобно будет подсчитывать итоговую сумму расходов.

«Эх, где ты, мой любимый эксель со своей чудной функцией автосуммы?» — тяжело вздохнула женщина, линуя бумагу. — «Или калькулятор, на худой конец. Кстати, калькулятор!»

* * *

Вот уже третью неделю Корд бился над формулой, застряв на вычислении точного времени. Он и так посчитал и этак, но всегда вылазила приличная погрешность, на которую он не имел права. Наконец, маг решил обратиться к своему старому учителю алхимии, поскольку никому другому попросту не доверял. Пусть, тот не был большим специалистом в этой области, но мог посоветовать надёжного человека, а, главное, не болтливый.

— Добрый день, магистр, — уважительно склонил голову ворон.

— Приветствую, господин главный маг его величества..., - неожиданно пафосно ответил собеседник.

— Что-то случилось? — перебил того Корд.

— О, настолько срочно? — невпопад изумился тот. — Хорошо, сейчас освобожусь!

На заднем фоне послышался недовольный женский голос, довольно резкий ответ алхимика с перечислением регалий герцога Дагонского, громкий стук двери.

— Что, девушка стала чересчур навязчивой? — понятливо ухмыльнулся он.

— Девушка, — хмыкнул в седую бороду профессор, — девушкой она была лет пятьдесят назад, но выглядит хорошо.

— Надеюсь, мне не надо опасаться, что в один прекрасный миг в мою спину вонзится кинжал возмездия? — иронично выгнул бровь.

— Тебе? — коротко хохотнул, вскинув голову. — После всех этих казней? Да тебя боятся больше, чем смертельного проклятия!

— Это хорошо! — кивнул, вновь растрепав кое-как державшийся хвост. — Меньше к Любе будут лезть.

— Кстати, о ней, — радостно потёр руки, — я слышал, она иномирянка.

— Да, и у неё осталась там мать и дочь, — нервно сцепил пальцы, — а у меня не получается рассчитать временной вектор. Слишком велика погрешность.

— Как интересно! — азартно затеребил бороду, — но это не зеркальный разговор, конечно. Я

так понимаю, тебе срочно?

— Чем раньше, тем лучше, — побелевшие от напряжения пальцы заметно расслабились.

— Иду! — беседа прервалась.

Чтобы спустя десять минут продолжиться в рабочем кабинете главмага.

В этот день Люба успела не только закончить с оформлением детской, но и от нечего делать взялась за готовку. С помощью поварят, разумеется. Шеф-повар, как ни странно, даже не пикнул, хотя терпеть не мог, когда кто-то мешал его пузатому доминированию. Рыба под маринадом, греческий салат, шарлотка с корицей и травяной чай, чем-то напоминающий аромат чабреца — вот такой необычный ужин ждал двух увлѣкшихся магов, которых удалось выманить из кабинета только благодаря хитрому трюку. Взяв тарелки с рыбой и пирогом, ушла жена прокралась к заветной двери, поднесла по очереди блюда к замочной скважине и подула. Аппетитные ароматы сделали своё дразнящее дело, и еда не пропала втуне. Заодно познакомились.

— Какое необычное сочетание ингредиентов, — алхимик задумчиво разглядывал содержимое салата, прежде чем отправить очередную ложку в рот, — я так понимаю, соль вы не клали вообще?

— Верно, — девушке было, безусловно, приятно, что её старания оценили по достоинству, — сыр всё компенсирует.

— Очень любопытно, как раскрывается вкус овощей. Сначала они сладкие, а как только дело доходит до феты, будто взрыв происходит, а потом катарсис, — и закинул очередную порцию. Тщательно пережевал, закатил глаза от удовольствия и вновь потянулся за добавкой.

— Этот салат именно потому и едят только свежеприготовленным, чтобы не пропал эффект, — заметила хозяйка вечера.

— Гениальная находка, — кусочек луковицы упал ему на бороду и тут же испарился. Самоочистка, однако!

Корд лишь молча уплетал снедь, довольно ухмыляясь над учителем. А ещё он тихо радовался, что смог, наконец-то скорректировать формулу и вычислить последнюю координату. Осталось рассчитать энергозатраты и раздать последние указания Гриду, прежде чем исчезать на несколько дней. Да, и не забыть захватить накопители для обратной дороги!

Распрощавшись с магистром, соскучившиеся молодожёны еле дошли до спальни — так их прихватило. Страстно целуясь сначала на лестнице, потом в коридоре, не говоря уже о несчастной двери, жалобно скрипнувшей от напора увлѣкшихся хозяев, они вконец засмутили одну из горничных и порадовали старика дворецкого, уже и не надеявшегося пристроить хозяина в хорошие руки. Не замечая ничего вокруг, бешеная парочка ввалилась в спальню. Корд лихо захлопнул дверь левой пяткой, так и не заметив подкравшегося соглядатая. Одежда летела в разные стороны, туфля чуть не повредила подсматривающему прикус, стол жалобно скрипнул, прощаясь с аккуратными стопками бумаг и писчих принадлежностей. Сегодня их опять потянуло на эксперименты с нетрадиционными поверхностями, тем более, что высота ножек оказалась оптимальной для роста ворона, как будто для того и делали. Разложив любимую жѣнушку на столе, он плавно вошёл в жаркие глубины, и они вновь отправились в путешествие по волнам наслаждения. К сожалению, счастье длилось недолго, ибо в самый

неподходящий момент Люба открыла глаза. Несмотря на пелену страсти, она прекрасно разглядела любопытную морду и полный исследовательского интереса взгляд.

— Ко-орд, — заикнулась от мощного толчка, — убери его.

— Кого? — непонимающе огляделся и узрел наглого рыжего котяру — любимца шеф-повара. — А ну, брысь!

Тот даже усом не повёл.

— А-а, — застонала от особо сильного удовольствия, — ладно, хрен с ним! — и отвернулась в другую сторону.

В отличие от жены, маг не смог абстрагироваться от назойливого взгляда.

— Пшёл вон! — прогремел зычный глас.

Котишка прижал уши, но продолжал пялиться на бесплатное зрелище.

— Да ну его, — просительно проныла блондинка и нетерпеливо двинула бёдрами, призывая к более активным действиям.

— Блин, не могу, — вытер пот со лба, приподнял блохастого магией и отправил в свободный полёт в открытое окно. Возмущённый взмывк был им нецензурным ответом. Впрочем, летел пушистый вуайерист недолго, зацепившись когтями за близстоящее дерево. В принципе, можно было залезть повыше и досмотреть, как размножаются двуногие, но рисковать не хотелось. В конце концов, жизнь дороже, тем более, что их осталось совсем немного: две или три, точнее рыжий уже не помнил.

К сожалению, от проделанных манипуляций птенчик заметно загрустил. Когда магичишь, приходится концентрироваться на совершенно других вещах. Впрочем, одного взгляда на распластанное по столешнице тело хватило, чтобы он заметно оживился. Что уж говорить о волшебной силе поцелуев, прикосновений нежных ручек, мягкой груди и упругой попки. А ещё закинутые на плечи ноги, изящные лодыжки, так и напрашивающиеся на поцелуй, протяжные стоны и затуманенные страстью синие глаза любимой.

Глава 17. Здравствуй, Йорик!

Последний день перед тем, как строить портал, они провели порознь. Корд улаживал последние дела, Люба раздавала указания прислуге, хорошенько пропесочив садовника, чтобы не расслаблялся. Выдала экономке денег на две недели вперёд и приказала через трое суток ежедневно покупать молоко, творог и сметану. Если к вечеру хозяева не вернутся, то съедать. И, конечно же, держать наготове копчёное мясо, сыр, масло, яйца, в общем, то, из чего в любой момент можно сварганить быстрый перекус.

Лишь поздно вечером, когда язык заплетался, а ноги почти не держали, они залегли в ванну (специально изготовленную, чтобы оба влезали) и намывали друг друга душистым мылом. Во время одного из бесчисленных поцелуев их довольно грубо прервали.

— Я тебя предупреждал, иномирянка?! — как гром среди ясного неба раздался грозный глас. — Пришло время ответить за своё преступление!

В полумраке, уже изрядно Любаней подзабытый, висел череп. То ли со страха, то ли он

действительно подрост, но казалось, казалось, что он занял всё окружающее пространство. Инфернальное сияние усиливало эффект. Жуткий страх скрутил внутренности и сковал конечности, если бы не муж, она бы уже оказалась под водой. От ужаса стыла кровь, а сердце остановилось.

— А ты, собственно, кто такой? — невозмутимо поинтересовался главмаг, активируя защитный купол.

— Я родовой дух Варокских! — пафосно проскрежетал Йорик. — К сожалению, по техническим причинам я не смог сразу покарать убийцу наследника.

— Что ж так? — казалось, ничто его не может смутить: ни нагота, ни довольно неудобное положение. Собранный, уверенный в собственных силах, он позволил себе единственную слабость — задвинуть супругу за спину.

— Дух Миральда оказался решающим для перехода на более высокий энергетический уровень, — снизошёл до объяснений, — пришлось зауклится на целых сорок дней, пройти процесс перестройки, зато теперь мне не страшна даже твоя магия! — И двинулся к жертве. К своему немалому удивлению, пересечь контур он не смог. Взъярился, завыл, заскрежетал, засиял ослепительным ультрамаринном... и притух. — Это невозможно!

— Согласно решению суда Независимой Семёрки Любовь Дагонская признана невиновной в смерти Миральда Варокского, — отчеканил Корд, — в конце концов, почему ты не покарал главного виновника?

— Уже, — глаза черепа довольно сверкнули, — кстати, тело советую сжечь во избежание. Дух его не упокоился и будет нести свою службу на благо рода Варокских, пока не искупит свою вину!

Не сказать, что Корд оказался в восторге от сей дивной новости, с другой стороны, он как никогда чётко осознал, что если человеческое правосудие можно исхитриться избежать, то высшее нет. Осознал, но защиту не снял, напротив, дополнительно укрепил.

— Не сопротивляйся, — клацал челюстью незванный гость, — рано или поздно я пробью защиту, и тогда заберу тебя вместе с ней, как препятствующего правосудию.

Ворон упрямо сжал зубы и продолжил держать концентрацию. Пусть, ненадолго, но вместе, до последнего вздоха. Сияние усиливалось, пот тёк градом, руки уже мелко дрожали, к сожалению, он постепенно сдавал позиции. Сначала граница сузилась до бортов ванны, потом становилась всё уже и уже, подбираясь к обнажённым телам в порядке остывшей воде. Вот он — последний рубеж — какая-то дюжина сантиметров и новая ячейка общества потеряна. Казалось, прошла целая вечность, которая всё никак не хотела заканчиваться. Что это? Игры разума, замедлившего течение времени? Или последняя шутка Йорика?

— Ты беременна?! — до глубины мозжечковой кости возмутился череп.

— Я? — удивилась так, как будто её обвинили как минимум в воровстве.

— Куда мир катится! — Заворчал дух. — Сегодня только траур закончился, а она уже успела зачать. Стыдись! Да ещё и замуж вышла! На Великом Алтаре! Снова!

Корд молчал, анализируя ситуацию, лишь тяжёлое дыхание и пробежавшая по телу дрожь говорили о его непростом состоянии.

— Даже не надейся, что я отступлюсь! — продолжал брызгать inferнальным ядом Йорик. — Как только ребёнок появится на свет, ты выйдешь из-под покровительства богини-Матери, и тогда ничто не сможет меня остановить!

И исчез, сверкнув напоследок парочкой молний. Выпендрёжник — без спецэффектов никак.

Кое-как выбравшись из ванны, ибо трясло обоих, они, опираясь друг об дружку, доковыляли до постели и рухнули, как подкошенные. Хорошо, что в верхнем ящике прикроватной тумбочки лежало тонизирующее зелье, которое они распили, словно два алкоголика пузырьёк с настойкой боярышника.

Кто бы мог подумать, что приятные новости о будущем ребёнке будут узнаны при столь ужасающих обстоятельствах. Ворон сильно жалел, что не рассказал Любе про беременность раньше, ждал сюрприза..., и он пришёл, только в несколько ином виде, нежели ожидалось.

— Боже, — прошептала Люба трясущимися губами, — что нам теперь делать?

И такое отчаянье стояло в её прекрасных очах, что больно смотреть. Закутав любимую в тёплое одеяло, муж решительно ответил:

— Я найду выход. В любом случае. Он не доберётся до тебя, даю слово.

Короткие, рубленые фразы, глухой, но твёрдый голос и пылающие чёрным огнём глаза. Она как замороженная смотрела на любимого, и отчаянье сжимало её сердце. Она не хотела его терять, не хотела уходить, а это, похоже, был единственный выход из сложившейся ситуации — покинуть этот проклятый мир вместе с его королями, черепами и прочими скелетами. И тут великий дух всея Варокских вновь появился на тёмном небосклоне.

— Да, совсем забыл сказать, у меня для тебя задание, главный королевский маг.

* * *

— Задание? — изогнул бровь Корд, продолжая обнимать любимую. — После того, как ты угрожал моей жене?

— Когда она совершала преступление, то не являлась ей, — отрезал дух.

— Ты прекрасно знаешь, что её вынудили подписать кровный контракт, но она всё равно умудрилась его обойти и попыталась спасти Мира, — говорил, словно бритвой резал. — Он умер из-за аллергического приступа, а не от действия яда. Третий компонент — аромат калл — я устранил, заменив цветы на искусственные. Благодаря подсказке Любы.

— Именно из её рук он принял источник своей смерти, — не сдавался череп, — факт преступления неоспорим.

— С тем же успехом он мог случайно умереть от, скажем, иноземного фрукта, случись на него реакция. Кого считать в таком случае виновным? Слугу, подавшего блюдо, или посла, привёзшего дар? — хлёсткие слова били не в бровь, а в глаз.

— Она участвовала в заговоре, она подала яд, у власти не осталось более никого из рода Варокских, — гремел на весь замок разъярённый каратель.

— В смысле? — подала голос Люба. — А король?

— Нет короля, — одновременно выдали оба. Корд с молчаливого согласия оппонента продолжил, — Преставился он, давно. От чрезмерных возлияний и большой нагрузки на сердце. — Не сдержав ехидства, добавил. — Так и умер на одной из любовниц, чуть не придавив несчастную до смерти.

— Кто же тогда на троне? — Казалось, лимит изумления на сегодня исчерпан, ан нет, не весь.

— Мой младший кузен.

— М-да, — пробормотала блондинка, вспоминая как натурально тот трудится, в поте яйца, пардоньте, лица. Судя по количеству любовниц, буквально горит на работе!

— Иначе Миральда убили бы на пять лет раньше, а страну ожидал государственный переворот и неизвестно какой монарх.

— Вспоминая замашки Вилдара — страшно представить, — кивнула, соглашаясь. — Слушай, а ты разве, как главный маг короля, не знал о его существовании? — взглядом указала на призрачные кости.

— А он мне и не показывался, — жёстко усмехнулся, — слабоват, видимо, был, чтобы пробиться сквозь мою защиту.

— Да, тогда я не мог добраться ни до тебя, ни до Брэгдана, — обидчивый какой! — Тем более что твои действия не противоречили моей миссии.

— Ага, зато меня кошмарил по самое не могу, — пробурчала Люба, — доставал во сне с этим проклятым замком, в который меня влекло, как муху на мёд. А оно мне надо было? Я тебе сто раз ещё тогда сказала, что хочу домой к дочке!

Истеричные нотки прорвавшиеся под конец, испугав супруга. Он прижал её ещё сильнее и принялся оглаживать через одеяло.

— Разве у Миральда был такой сильный дух? — перевёл разговор в менее волнительное русло ворон. — Он ведь даже слова поперёк вставить не мог, да и магией никакой не обладал. С чего вдруг такие глобальные перестройки?

— Да, у мальчика была самая слабая душа, но именно она помогла выйти мне на новый энергетический уровень.

— Та самая мышка, без которой не вытягивалась репка, — выдала непонятную для собеседников фразу. Другие сказки, иной менталитет, а ситуации похожи. — Посадил дед репку, и выросла репка большая-пребольшая...

Сначала Корд подумал, что любимая слегка помутилась рассудком на фоне стресса, однако, дослушав сказку до конца, задумался. Надолго.

— Ты ведь не дашь ей уйти? — неожиданно спросил у черепа.

— Только если ты останешься, — взял за жабры inferнальный интриган.

Сердце совершило кульбит и упало в пятки. Да, она жутко тосковала по дочери, да, сама хотела жить, желательно долго и счастливо, вот только теперь в это уравнение входил один несносный тип с клювом вместо носа. И без него уже никак, разве что на живую отрезать

кусок сердца и отдать этому проклятому черепу. Чтоб он подавился!

— Один мой учитель не так давно дал мне хороший совет, — неестественно спокойно отвечал маг, на деле еле сдерживаясь, чтобы не послать его в потусторонние дали, — найти хорошую жену и бросить свою нервную работу. Первое я уже осуществил. Для второго осталось только мышке прийти. Не стоит меня шантажировать, тем более так грубо.

— Вот мы и подошли к сути моего задания, — довольно щёлкнул челюстью Йорик, — есть ещё один наследник. Законный. И его надо найти, посадить на трон и обеспечить должный уровень безопасности.

* * *

А в это время на берегу Карлондского моря, уложив спать своих неугомонных мальчуганов, мужчина и женщина предавались тихой (чтобы не разбудить детей), но страстной любви. Его грубые, обветренные руки ласково сжимали тонкий, несмотря на тяжёлые роды двойни, стан голубоглазой блондинки, осчастливившей его пару лет назад согласием выйти замуж. Да, жизнь у них не была легка: он каждый день выходил в море, ловил рыбу и сдавал её на местный рынок, она следила за хозяйством, воспитывала двух сыновей и шила на заказ. Раньше, до того, как парочка крикунов появилась на белый свет.

Они оба не помнили своих родителей, её вырастила старая няня, его дядька — бывший вояка с волчьим взглядом. Грилла ко всему прочему помнила себя лишь с десяти лет, остальное было покрыто мраком амнезии. Клотильда, ставшая ей роднее матери, скончалась от сильной простуды спустя шесть лет, как они поселились в небольшом приморском городке, к счастью, к тому времени они были уже знакомы с Дарсом, двадцатитрёхлетним рыбаком, который делился с ними частью улова взамен на уборку, готовку и пошив одежды. Старушка Кло отлично готовила и бойко шила, научила она этим премудростям и свою подопечную.

Сам парень отлично помнил своё непростое, наполненное суровой дисциплиной и постоянными тренировками с дядькой Параем детство. Ранняя пробужка, всегда до зари, пробежка, упражнения, борьба на кулаках и мечах, сначала деревянных, а потом настоящих, стальных. Последнее, правда, лежали сейчас без дела, ибо не успел он достичь совершеннолетия, как тот исчез, не оставив даже записки на прощание. Нет, он не бросил своего единственного племянника — сына умершей в родах сестры — на произвол судьбы, его банально похитили и продали в рабство на галеры, когда он под утро возвращался из борделя. Вот только никто об этом не знал, ибо спали крепким сном, который ранним утром крепче всего.

Дарса с первого взгляда потянуло к хрупкой, скромной девчужке с глазами цвета незабудок и жемчужными волосами. Сначала он, сам ещё семнадцатилетний щегол, смотрел на неё, как на младшую сестрёнку, а потом, когда к четырнадцати годам она стала расцветать и округляться, влюбился окончательно. Сколько носов он сломал и выбил зубов тем, кто пытался овладеть беззащитной девчонкой, не счесть. Не говоря уже о той знатной драке, когда стая местных шакалов решила надругаться над шестнадцатилетней малышкой, окончательно осиротевшей в этом жестоком мире. Нет, она не знала об этой страшной закулисной борьбе, всё происходило за пределами её взгляда, лишь удивлялась, откуда берутся свежие синяки и ссадины у симпатичного соседа. Жалела его, журила, а когда закончились сорок дней траура, согласилась переехать, разумеется, с обязательным заходом в местный храм и условием больше не драться на подпольных боях. Именно ими он объяснял появляющиеся время от времени побои, чтобы не испугать.

Она ни разу не пожалела, что приняла предложение руки и сердца этого замечательного во всех отношениях мужчины, до безумия любила их малышей, и даже не подозревала, что в скором времени их ждёт кардинальная смена обстановки.

* * *

Новость о том, что есть ещё один наследник, к тому же якобы законный, заставило Корда усиленно закопаться в недра памяти.

— Сколько ему лет?

— Двадцать пять.

— Так, двадцать шесть лет назад я работал простым сыскарем, а Баз в это время ездил в Корундию к родне по материнской линии, — размышлял вслух главмаг. — Его тогда довольно долго не было — около года. Что произошло?

— Он познакомился с девушкой, простой, но чистой и очень порядочной, — как с листа вещал Йорик, — она работала на кухне в загородном поместье его тётки, помогала своей матери. Несмотря на его высокий статус, Лирна не упала к ногам принца, напротив, рассердилась из-за самоуверенных замашек: отругала, стукнула пару раз и всё, тот окончательно влюбился и, не слушая ни чьих советов, женился на ней в местном храме. Возвращаться пред грозные отцовские очи побоялся, да и понесла она практически сразу. Хорошая была девочка, — вкупе со скрежетанием слова звучали довольно двусмысленно, — вот только в родах умерла. Естественно, высокопоставленные родственники замяли это дело, сказав ему, что ребёнок умер, так и не покинув чрева, на деле отдав его родному брату Лирны и весомый откуп. Удобно, не правда ли? И тело мёртвого младенца для похорон искать не пришлось. — Последнее было произнесено с непередаваемым ехидством.

Люба сидела ошеломлённая. Ей было безумно жаль брошенного ребёнка, никогда не знавшего материнской ласки. Насчёт отцовской любви она сомневалась, всё-таки родной дядя, может, и справился с непростой родительской миссией, вероятно, даже женился. Но она как никто другой знала, что такую любовь, какую ты испытываешь к своему ребёнку, не способен ощутить ни к кому. Будь ты хоть трижды добрый человек и четырежды любитель детей. Это глубинное, неконтролируемое чувство, инстинкт, благодаря которому ты сможешь прыгнуть выше своей головы, порвать любого, если твоему чаду будет грозить опасность. Жизни не пожалеешь, но сделаешь всё, чтобы спасти и даже больше. Тех же, кто лишён подобных чувств, можно с полной уверенностью считать недоразвитыми. Бывает ведь у людей недоразвитая рука или нога, а здесь часть головного мозга.

Пока жена предавалась философско-медицинским размышлениям, муж продолжал отстаивать их общие интересы:

— Занимательная история, нечего сказать. И я очень рад, что есть законный наследник, мы его обязательно найдём, введём в курс дела и, когда он сможет принять положенное ему бремя власти, «похороним» короля. Только последнее будете делать без меня. И должный уровень безопасности будешь держать теперь сам, — ядовито добавил Корд, — ты теперь у нас мега-сильный, вот и соответствуй. А мне отпускных только лет десять отгуливать положено. И вообще, по выслуге лет я давно заслужил выход на пенсию.

— Ты? — возмутился череп. — Да на тебе ещё пахать и пахать!

— Без жены я и пальцем не пошевелю.

— Ты не понимаешь, — как ни странно, но сейчас у черепа прорезались очень даже человеческие нотки, — я не могу обойти закон компенсации нашего мира. Она обязана ответить за своё преступление.

— Ключевое слово: нашего мира, — многозначительная пауза, — дай ей вернуться, не препятствуй переходу, и я соглашусь продолжить работать.

Сердце в очередной раз замерло в предчувствии беды. Вот как, как ей вернуться обратно, да ещё с ребёнком во чреве и всю оставшуюся жизнь тосковать по мужу? После него другой ей точно не нужен...

— Налажу стационарный портал, буду приходить сюда с периодичностью, скажем, раз в неделю на пару дней и разгребать накопившиеся проблемы, — даже не заметив, как Люба побледнела от его предыдущих слов, а потом зажмурились от неверия глаза на новую порцию информации, продолжил Корд.

— Умеешь ты выкручивать руки, — проворчал безрукий дух, — тогда сам придумывай, чем я буду занят, пока вы телепортируетесь.

Это была колоссальная победа! Кордаван не был до конца уверен, что его аргументы сработают, но был готов идти до победного конца. И сейчас, испытав необычайное чувство облегчения, ещё сильнее вцепился в зарыдавшую от накатившей эйфории Любу. Йорик, скрипя зубами и прочими костями, убрался восвояси, напоследок сообщив, что завтра ровно в полдень ждёт его в королевском дворце, дабы начать поиск наследника.

* * *

Как ни хотел Корд оставить Любу в поместье, она категорически отказалась сидеть на месте.

— Милый, пойми, это не глупая прихоть, — она порывисто прижалась к нему всем телом и тараторила, глотая непрошенные слёзы, — я просто не смогу сидеть здесь в четырёх стенах и ждать неведомо чего. Обещаю, я не буду мешать, ну пожалуйста, возьми меня с собой! Возможно, я смогу быть полезна, когда мы найдём принца.

Он гладил её по голове, рукам, спине и понимал, что и сам не хочет надолго расставаться. «Мало ли, вдруг дух передумает и сделает какую-нибудь подставу. Нет, она должна быть всегда на глазах, чтобы в случае чего я успел среагировать».

— Хорошо, солнышко, я возьму тебя с собой, — нежно поцеловал во влажный от слёз висок, — более того, ты везде будешь со мной.

На радостях она собралась очень быстро, и они отправились в порталную комнату. Дворец встретил их встревоженным ульем бегающих туда-сюда служащих. Увидев, что главмаг вернулся, Грид облегчённо вздохнул и ринулся к нему навстречу.

— Вы вернулись! — Заметив шедшую за ним Любу, почтительно поклонился. — Доброе утро, госпожа Дагонская.

Та расплылась в довольной улыбке, услышав, как к ней обратились.

— Тише, это закрытая информация, — шикнул на него Корд, но сам при этом тоже улыбался.

— Простите, оплошал, — мигом посерьёзnel мужчина, — герцог Брионский мёртв.

— Знаю, — кивнул в сторону северной башни, — мы как раз туда идём.

— Чёрт, а мне к королю надо — он вызывал, — огорчился, что не сможет сопроводить.

— Привыкай, — многозначительно бросил Корд и отправился дальше.

Ошарашенный помощник чуть не споткнулся, пока бежал на утренний доклад. «Что он имел в виду этим «привыкай»? Неужто замом сделает? А что, для жены требуется больше времени, чем те насколько часов, достававшиеся шефу для сна».

То, в каком виде предстал перед ними Брэдан, больше напоминало высохшую мумию. Предварительно подвергнувшись пыткам. Рот, открытый в безмолвном крике, выпученные глаза, выставленные вперёд руки в бесплодной попытке защититься. Зрелище из ряда вон. Люба, еле сдерживая рвотные позывы, выскочила из комнаты.

— Милая, прости меня, дурака, — закутал в тёплые объятия подрагивающую жену, — надо было тебе тут, в гостиной подождать.

— Да я не думала, что мне так плохо станет, — присела на диванчик, — знала, куда иду, даже думала, что буду рада его поганой смерти.

— Глупышка, — зарылся клювом в волосы, — ты ведь не изверг. — Ладно, пойду, сделаю осмотр, побудь здесь, я быстро.

Через полчаса они уже сидели у короля, которому с чувством, с толком, с расстановкой рассказали события последних суток.

— Сними личину, — попросил Корд, — я поставил дополнительную защиту на кабинет.

Помешкав, тот достал из-под рубашки медальон и нажал на один из кристаллов. Вместо старого кряжистого распутника показался статный мужчина, такой же черноволосый, как брат, только глаза напоминали серую дымку, да и клюв явно скромнее. Он выглядел ровесником Корда, лет на сорок, и, судя по тому, что магический дар у него слабый, столько ему и было. Тогда как главмагу уже стукнуло пятьдесят, но и продолжительность жизни у него значительно превышала человеческую, лет на тридцать так точно. А если не лезть в разные передраги, и того больше.

— Жардан Дагонский к вашим услугам, — голос густой, обволакивающий не сильно отличался от королевского, разве что дребезжания меньше, — очень рад за брата, но не отказался бы и сам от такого счастья.

Он хотел смутить Любу свое провокацией? У него это не получилось, уж слишком он насолил ей в прошлом. Она лишь иронично приподняла брови и погладила мужа по руке.

— Скоро полдень, — напомнил о скором приходе черепа Корд, — надо успеть обсудить нашу позицию. Ты видел отчёт по Брэгу? С Любой я такого сделать не позволю. И бросать одну в любом из миров не намерен. Так что придётся тебе подружиться с духом, а когда наследник войдёт в силу, уйти.

— Ха! Неужели? — воодушевился мужчина. — Я вновь стану собой и смогу, наконец, жить собственной жизнью!

— Да ты, вроде, не был особо против, наоборот, радовался возможностям, — ненавязчиво напомнил о гареме и прочих радостях.

— Надоело, — скривился сероглазый, — хочу, чтобы женщины подо мной хотели...

— Оставь свои мечты при себе, — одёрнул ворон, многозначительно глядя на супругу.

— О, я смотрю, все в сборе, — раздался голос из ниоткуда, — и даже без масок.

* * *

Настроиться на прямого наследника оказалось довольно просто. Во-первых, имелись образцы крови и тканей покойного короля, во-вторых, родовой дух сразу указал направление — побережье Карлондского моря. Ритуал поиска — довольно длительная процедура: пока артефакт проанализирует ДНК исходника, пока настроится, пока переберёт все объекты в заданном радиусе, за это время много чего можно успеть сделать, например, обсудить дальнейшие планы по управлению Кордией.

— Из-за твоей прихоти последний из королевского рода окажется под угрозой! — Гневно вещал Йорик.

— То есть ты предлагаешь мне отдать тебе мою любимую жену и оставить сиротами двух детей? — яд так и капал с хищно оскаленных клыков ворона. Мутант, однако!

— Я ведь согласился не препятствовать её переходу в родной мир, — ворчливо клацнул челюстью.

— А я, как последняя сволочь, брошу их на произвол судьбы, которая и без того над ней поиздевалась, — если собрать весь выделенный им яд в одну посудину, то получится приличный объём!

— И кто будет контролировать разведку? Личную защиту, так уж и быть, беру на себя, — Люба сидела с переплетёнными средними и указательными пальцами на обеих руках — на удачу. Старая привычка, ещё с детства.

— Мой первый помощник отлично с этим справится, — потянулся к амулету связи, — кстати, Грид!

Тот незамедлительно явился, как будто под дверью стоял. Вид потустороннего гостя его обескуражил, но он старательно держал покер фейс. Правда, после новостей о стремительном карьерном взлёте, лицо потеряло свою невозмутимость.

— А как же вы? — и столько растерянности во взгляде, словно с мамкой прощается перед долгой разлукой.

— Я ухажу на сокращённый график, — ободряюще похлопал по плечу, — ну-ну, не бойся, ты справишься. Череп тебе поможет.

— Попрошу не выражаться, — вставил свои пять копеек Йорик, — называйте меня Великий Дух Королевского Рода! — Пафос сбило клацанье суставов.

— Сокращённо ВыДоКуР, — срезал Корд, сократив амбиции в аббревиатуру и разбавив её первыми пришедшими на ум гласными.

— Очень приятно, Грид, — на полном серьёзе ответил новоявленный главмаг, пока в статусе стажёра.

— Милый, я выйду, — тихонько, стараясь не привлекать к себе излишнего внимания, прошептала Люба на ушко.

— Устала? — Ехидный взгляд тут же смягчился, губы сами потянулись к пухлому роту.

— Нет, — отрицательно мотнула головой, — кушать захотелось.

— Кстати, — он обернулся к собеседникам, — а ведь пора обедать.

Жардан тут же активировал маскирующий амулет и зычным голосом отдал приказ сервировать стол в малой гостиной.

К тому времени, как поиск завершился, они успели не только пообедать, но и отужинать, Люба пару раз сладко подремала в углу на диванчике, благо, от корсетов она отказалась сразу же, как узнала о беременности, и теперь ничто не стесняло её движений. Супруг не мог нарадоваться на такую предусмотрительность, памятуя, какие могут быть печальные последствия для плода при чрезмерном утягивании живота. Наконец, артефакт окутало золотистое сияние, сигнализируя о завершении операции.

— Жидария, — немного огорчился Грид, памятуя о нестабильной обстановке в стране.

— Придётся действовать быстро и аккуратно, — взглянул на Любу, с одной стороны, не желая ей лишний раз рисковать, с другой, опасность ей могла грозить и здесь, пока они ездят по соседним государствам.

* * *

Отправляться решили следующим утром, дабы не шариться по потёмкам в случае погрешности при переносе. К счастью, расчёты оказались верными, портал сработал без сбоев, несмотря на то, что на второй стороне такового не имелось, а, значит, энергозатраты увеличивались, тогда как точность попадания уменьшалась.

Побережье встретило их солёным ветром и пронзительным криком чаек. С того места, куда их принесло, воды не было видно, лишь слышался отдалённый шум прибоя. Скромный, но крепко сбитый и очевидно ухоженный домик резко выделялся среди окружающих его лачуг. Полный чудесных цветов палисадник, ставни с довольно свежей краской, старательно законопаченные щели между брёвнами, горка песка с забытыми игрушками около лавочки — всё свидетельствовало о хорошей хозяйской руке. Поколебавшись, путники решили постучаться именно туда. Даже если искомый объект обретается не там, с такими чистоплотными людьми будет, как минимум, приятно побеседовать. Едва они приблизились к расписному забору, из-под него забрехала добросовестная псина, следом за ней закудахтали куры, скрипнула дверца избы, тонкий, мелодичный голос колокольчиком зазвенел из-за ворот:

— Кто там?

Переглянувшись, Корд с Гридом молчаливо уступили роль парламентёра Любане.

— Мы ищем одного человека, не могли бы вы нам помочь?

Услышав, что по ту сторону стоит женщина, хозяйка приоткрыла ворота и уставилась

практически на копию себя. Те же светлые, слегка вьющиеся волосы, цвета весеннего неба глаза, алые губы, вздёрнутый носик, изящная фигура.

— Ой, — от удивления она распахнула дверь чуть шире, куда тут же сунула голову любопытная кошка.

— Вот это да! — в свою очередь изумилась герцогиня Дагонская.

Корд и Грид растерянно взирали на чудное видение. Если бы не твёрдая уверенность в том, что супруга иномирянка, ворон подумал бы, будто перед ним сёстры. Грид, в отличие от начальника, успел отметить обручальный браслет на тонком запястье, куда более пышную, чем у Любы грудь и витавший вокруг неё запах молока.

— Может, войдём, пока ваш малыш не заплакал? — предложил сообразительный помощник. Да, не зря его Корд повысил.

— А, — растерялась молодая женщина.

— Не бойтесь, мы не причиним вам вреда, — заверил её ворон, предъявляя регалии.

— Х-хорошо, — посторонилась Грилла, впуская странных гостей. Печатка со знаком королевского дома, пусть и иностранного, явно говорила о высоком положении посетителя. Она даже не сразу поняла, что с лёгкостью расшифровала символ Кординского государства, хотя откуда ей, простой жене рыбака знать такие вещи.

Внутри оказалось не менее чисто и ухожено, чем снаружи. На столе стояла кастрюлька с молочной кашей, а из соседней комнаты раздавался пронзительный детский плач. Двойной. Всплеснув руками, молодая мама бросилась на зов, следом за ней поспешила и вторая, куда более опытная мамаша. Сила звука была такой, что, дрожали прикрытые ставни. Схватив в охапку первого, она автоматически потянулась за вторым, с удивлением обнаружив его на руках до странности похожей на неё девушки. Та профессионально заговаривала зубы крикливому карапузу, рассказывая, какой он чудесный малыш, а потом и вовсе стала подкидывать уже восторженно повизгивающего Малка. Гард, не терявший времени на пустую болтовню, решительно оттянул ворот домашнего халата и принялся наяривать грудь. Второй, услышав знакомые чмокающие звуки, вывернул маленькую головёнку, ткнул пальцем в сторону довольного братца и требовательно ыкнул.

— Ты как кормишь: сидя или лёжа?

— Сидя, — и опустилась в удобное плетёное кресло с широкими подлокотникам. Всё для комфорта молодой мамы!

— Держи, — протянула уже начавшего поднимать Малка, который с не меньшей жадностью вцепился в многострадальный бюст.

В процессе общения Люба заметила, что у мелкого уже как минимум четыре зуба и сочувственно поглядела на Гриллу. Та лишь немного морщилась, пережившая не одно облезание верхнего слоя кожи со ставших практически резиновыми сосков.

— Чем могу вам помочь? — вспомнила об изначальной цели разговора. — Кого вы ищете?

— Эмм, мужчину, двадцати пяти лет, — неуверенно начала герцогиня, — сирота, воспитывался

дядькой. Что там ещё?

Размышления прервала острая перепалка из соседней комнаты. Характерное клацанье сопровождало фразы, типа «Я чувствую здесь королевскую кровь», «Пустите меня!», «Ну и что, что там малыши, я должен лично убедиться!» Пришлось извиняться и в срочном порядке выходить к не на шутку разошедшемуся Йорику.

Картина, представшая перед её глазами, вызывала и смех и ужас. Маги, истекая потом, изо всех сил удерживали энергетическими нитями рвущийся в спальню череп. Тот скалился, яростно отсвечивал ультрамарином, но не мог даже сдвинуться с места.

— Стоять! — неожиданно даже для самой себя гаркнула Люба. — Там годовасики, куда ты своей inferнальной задницей, пардон, лысиной лезешь?! И кормящая мать. Ты хочешь, чтобы будущие наследники лишились хорошего питания?

Как ни странно, но ВыДоКуР резко успокоился, свечение приглушилось.

— Кто там? — вопрос прозвучал уже почти мирно.

— Мальчики, — и столько нежности было в голосе, что даже Грида проняло, не говоря уже о Корде. — Не лезь туда, они кушают. И вообще, тебе лучше пока не появляться. Насколько я поняла, её муж и есть сын Базальда, а про него я пока не спрашивала.

И вернулась обратно. Её встретили испуганные глазищи и два невозмутимо чмокающих младенца.

— Кто там? — больше, чем на шёпот, её не хватило.

— Родовой дух, — аккуратно начала забрасывать крючки, — а где твой муж?

— На рыбалке. Сегодня он в ночную пошёл, скоро будет.

— Отлично! Скажи, он подходит под мои описания?

— Да, — неуверенно кивнула, — только дядька лет семь, как пропал.

— Ясно. Как ты с этими богатырями справляешься? — Искренне посочувствовала Люба.

— Нелегко, — тяжёлый вздох, — но Дарс помогает. Жду не дождусь, когда сами пойдут.

— Сколько им?

— Год и месяц.

— И ещё не пошли?

— Попы тяжёлые, — окончательно успокоилась и заулыбалась женщина, — я Грилла.

— Люба, — притянула табурет и присела рядышком, — так вкусно пахнут.

— Ага, — обе понюхали маленькие головки, — а у тебя кто?

— Дочка, — взгляд затуманился, — и ещё кто-то, пол неизвестен, — погладила пока плоский живот.

— Поздравляю! — Искренне порадовалась за незнакомку. — А твой муж это тот, который чёрненький?

— Как догадалась?

— Он так на тебя смотрит, — попыталась изобразить, вышло довольно похоже, кроме мужского естества, разумеется, — и постоянно прикасается.

— Да, мы недавно поженились, ещё не успели друг другу надоесть, — смешком дала понять, что шутит. Она вообще сомневалась, что сможет им насытиться, настолько её колбасило от одного присутствия рядом.

— А дочка тогда откуда? Ты ведь моя ровесница, — растерянно захлопала такими похожими глазами.

— Я старше и была уже замужем.

— Ого, а так и не скажешь, — искреннее восхищение здорово подкупало, — так ты успела овдоветь.

— Типа того, — уклонилась от однозначного ответа. Как бы она ни была обижена на Игоря, смерти ему не желала. Ей было вообще по барабану, куда занёс его эгоизм. — О, процесс пошёл!

Утолившие первый голод малыши сделали своё грязное дело, игнорируя горшок.

— Ах вы, маленькие негодники! — Возмутилась героическая мамаша. — Вы ведь умеете проситься!

— Давай, помогу.

— Спасибо!

Спустя час, когда мальцы успели опять по разику запачкать подгузники, налопаться каши и снова пососать, а ещё потеревить одного дядю за нос, а второму поиграть на пухлых губах маленькими пальчиками, вернулся хозяин дома. Грязный, уставший, но безумно притягательный. А после того, как он обмылся и переоделся, вообще глаз стало не отвести. Высокий, статный, с копной вьющихся, выгоревших на концах каштановых кудрей, с тяжёлым отцовским подбородком и настороженным взглядом карих глаз. И лишь когда он смотрел на свою семью, лик его мгновенно менялся, становясь мягким и ещё более прекрасным. Истинный принц. Если бы Любу пытались выдать замуж за ТАКОГО, она вряд ли бы удержалась от некоторых неприличных фантазий, пусть, и несбыточных. Тем более, что Корд на той стадии знакомства вёл себя, как последнее хамло.

Глядя на эту чудесную пару, сразу становилось ясно, что сами боги благословили сей союз. Несмотря на всяческие перипетии, вроде родственничков, посчитавших негодным брак с простолюдинкой и отпрыска от него, не говоря уже об убийцах родителей девушки, возмнивших себя более достойными править народом Меравии. Всё равно они встретились, полюбили друг друга и поженились. Судьба. Рано или поздно, так или иначе...

Глава 18. Возвращение

Как ни странно, но новость о том, что он единственный наследный принц, парень воспринял

довольно спокойно, а вот от информации о происхождении любимой жены пришёл в неопиcуемый восторг.

— Я всегда знал, что ты особенная, чувствовал всем своим нутром! — ликовал Дарс, уворачиваясь от загребущих ручонок Гарда, пытавшегося проверить, каковы на ощупь глазки.

— Но я ничего не помню, — смущалась и рдела, как маков цвет Грилла. Она упорно не хотела зваться Грэзиэной, да и какая нежная барышня пожелает подобное имя?

— Сам лезть не буду, — подал голос Кордаван, — но у нас есть прекрасные менталисты, которые смогут вам помочь. — В отличие от супруги, быстро перешедшей с принцессой на короткую ногу, он почтительно выкал.

— Подождите, — слегка осадил его Дарс, — давайте сначала найдём моего дядю. Раз уж вы меня смогли найти, то его и подавно. Если бы не он, я бы, наверное, пропал.

И на этой оптимистичной ноте появился Йорик! Не выдержала душа терзаний, влез со своими подробностями о рождении, ошарашив хозяев. И только дети с восторгом взирали на «няку», пытаясь поймать ультрамариновые всполохи в ладошки.

— ВыДоКуРчик, — Люба «ласково» посмотрела на своего мучителя, — ты как всегда не вовремя!

— Нет, всё в порядке, — тут же вступился за черепок принц, — я даже рад, не буду питать лишних иллюзий по отношению к своим родственникам.

— Молодец! — Похвалил ворон. — Сегодня же приступим к поиску, я как раз прихватил с собой нужный артефакт на случай, если бы мы вас сразу не нашли. Какая здесь самая приличная гостиница?

— Эдельваск, — отозвалась Грилла, — она в центре города.

— Хорошо, только мне нужны образцы твоей крови, волос и кожи, — парень озадаченно взглянул на главмага, — для генетического анализа. Вечерком настрою амулет, к утру будет уже понятно, в каком направлении двигаться.

Найти Парая оказалось ещё легче, чем принца — судьба занесла его в Кординию, где он оказался в магическом рабстве у одного из заговорщиков. Поскольку того казнили, ошейник деактивировался и упорный старикан успел к этому времени дошаркать практически до Жидарии, где его и перехватили. Измождённый долгим путём, недоеданием и годами невольничества, он напоминал ходячую мумию, на деле оказавшись двужильным. Не успев толком отъесться — отоспаться, уже развил бурную деятельность по содействию отделу королевского сыска, ведь за долгие годы мытарств, где он только не побывал и чего только не повидал! У Корда с Гридом только волосы дыбом вставали от некоторых подробностей, например, пиратских островах, скрытых от глаз весьма могущественными магами. Более того, именно они и возглавляли кровавый бизнес, грабя, убивая, насилуя, торгуя людьми и редкими животными, а также подряжаясь на особые задания, вроде похищения и прочих мерзостей. С такой проблемой своими силами не справиться — нужен сбор всех верховных магов, включая Независимую Семёрку. И главное в данном случае — не напороться на соучастника, на что требовалось немало времени и сил. Нет, это был определённо не завтрашний, и даже не послезавтрашний день. Информацию следовало тщательно собрать, обработать и только после этого разрабатывать стратегию. Дело не одного месяца, а то и года.

Больше всего старый вояка радовался детям. Его суровое, обветренное и измождённое морщинами лицо исказилось, едва он узрел очаровательных карапузов, а после случилось немыслимое — первая за двадцать пять лет слеза скатилась по щеке. В последний раз он плакал на кладбище между могилами матери и младшей сестры, глухо, стараясь не разбудить спавшего на руках ребёнка. Тёмной ночью, пока никто не видит, перед тем, как навсегда покинуть негостеприимный дом своих бывших хозяев. Его мать — главная кухарка — женщина доброй души, но слабого сердца, которое не выдержало смерти любимого чада и скончалась в тот же день, ближе к вечеру. Так в одночасье он лишился двух самых близких ему людей, приобретя плачущий свёрток, с которым совершенно не знал, как обращаться. Умение пришло со временем, зато сейчас он зорко отслеживал первые признаки характерной суетливости маленьких непосед, после которой появлялась лужа, и успевал вовремя посадить тех на горшок. А уж кашу варил — закачаешься! Вроде бы те же ингредиенты, а вкус другой.

И теперь он разрывался между желанием помочь сыску, например, поработать соглядатаем и тягой к малышам, которых следовало многому научить: держаться в седле, приёмам самообороны, фехтованию... Ну и что, что маленькие, основы нужно закладывать сизмальства, чтобы потом результаты были выше!

К слову сказать, Дарса на тренировках он гонял нещадно, ругая заковыристыми выражениями за разгильдяйство. Королевский тренер был в полном восторге от методов и словарного запаса (причём не ясно, от чего больше) и попросил провести пару показательных занятий с элитным отрядом Его Величества. В общем, кто-кто, а Парай пришёлся ко двору быстрее прочих, отвечая на деликатные намёки невестки о заслуженном отдыхе: «Я не собираюсь ждать смерть, лёжа в кровати. Тогда, авось, она меня и не найдёт подольше», — и лихо подмигивал карим глазом.

* * *

В отличие от Любы, обучение новоявленных высочеств должно было занять куда больше времени, особенно касаясь Дарса. Вернувшаяся память Грэзиэны значительно сократила образовательный пробел, но дело затрудняли две откормленные попки, которых она не намеревалась бросать на произвол кормилиц и нянек. Конечно, через пару месяцев можно будет их уже отсаживать от груди, да и от помощи отказываться глупо — всё же близнецы, двойная нагрузка, но отстраняться от малышей в угоду этикету и чрезмерным требованиям отдельных личностей вроде леди Друзэллы, принцесса не собиралась. Пусть та ставит педагогические опыты на опекаемых сиротах — те уже взрослые, им строгость и дисциплина только на пользу.

Представлять их двору решили ближе к осени, а сейчас в строжайшей секретности поселили в одном из поместий, где предстояла кропотливая работа по обтёсыванию мозгов и манер. Люба лишь сочувственно пожелала им удачи, а сама паковала вещи для отбытия в свой родной мир, к сожалению, без права возвращения.

Пришлось, правда, недельку подождать, пока Корд полностью передаст все дела Гриду, до сих пор в глубине души не верившему своему «счастью». А ведь он только-только намылился подкатить к Ждаре... какое там, времени не было даже на нормальный сон, так, четыре часа ночью и пару днём. Единственное, что значительно облегчало работу — родовой дух, который полностью взял на себя безопасность семейства Варокских. Правда, и здесь следовало быть начеку, дабы успеть решить львиную долю проблем превентивно. К чему молодой маме и малышам лишняя нервоотрепка в виде внезапно обнаруженного поутру трупа? Убить-то Йорик злоумышленников убивает, а вот прибрать за собой не может — физиология не позволяет.

Занятие для ВыДоКуРа, чтобы тот не помешал переходу, придумала Грэзиэна, оставив того присматривать за близнецами, пока она учится верховой езде. Скрепя сердце, конечно, поручив дядьке Параю сидеть в соседней комнате и контролировать ситуацию. Какого же было её удивление, когда ребятишкам настолько понравилось общение с родовым духом, что они стали каждый день требовать «синего дядю». А тот и рад стараться, теща мальчуганов inferнальными спецэффектами.

Усмехнувшись на чемодан с игрушками и нарядными платьицами, которые собрала Люба для Зойки, Корд активировал портал, к слову сказать, стационарный, под который выделили отдельную комнату в родовом поместье Дагонских.

— Готова? — он протянул руку своей невероятной жене.

— С тобой? — Вложила слегка подрагивающие пальцы. — Хоть на край света!

— Аналогично! — И они шагнули в головокружительный вихрь.

В отличие от Брэга, ворон всячески стабилизировал их положение в междумирье, благодаря чему их не бросало из стороны в сторону, а лишь слегка потрясывало. Приземление смягчил амортизирующий амулет, лишь лёгкое, шитое в соответствии с точными указаниями Любы, платье взвихрилось вокруг ног. Портниха пребывала в лёгком шоке от смелого для того мира покрое, когда та нарисовала ей силуэт, хотя на деле оно было достаточно скромным: круглый вырез, завышенная талия, струящийся подол. Вот только ни корсета, ни кринолина, ни даже, на худой конец, турнюра оно не предполагало. И если там герцогиня надевала нательную сорочку, то сейчас ограничилась лишь собственным бельём, чудом уцелевшим после экстренного раздевания главгадом. Похоже, Брэгдан хранил его, как реликвию, любуясь им по вечерам.

Вывалились они из тех же кустов, куда несколькими мгновеньями раньше провалилась Любовь на пару с сыном депутата. Даже ветки не успели успокоиться и покачивались отнюдь не из-за отсутствующего ветра.

— Фу, я и забыла, какая тут была жара! — страдальчески поморщилась женщина, до сих пор не веря, что столь долгожданное возвращение действительно свершилось.

Одетый в тёмные брюки и рубашку муж согласно кивнул, вытер пот со лба, а после с любопытством принялся разглядывать панельные десятиэтажки и гигантский по его меркам железобетонный мост. Что уж говорить про мчавшихся по нему автомобилях, вышагивавших в шортах и топиках девушках, хиповатых парнях с болтающейся мотнёй и прочих диковинках. Конечно, он многое видел в её воспоминаниях, но узреть всё воочию, ощутить всеми органами чувств совершенно иную жизнь — это совсем другое дело.

Дабы не трястись в душной маршрутке по часу пик, Люба вызвала такси, благо, сумка вместе с кошельком и прочим содержимым также хорошо сохранились, в отличие от брючного костюма. К садику она подходила с замиранием сердца. Её не покидало чувство, что месяцы, проведённые в Кординии — лишь привидевшийся кошмар, вызванный солнечным ударом, но нет, рядом шагал самый прекрасный в обоих мирах мужчина, превративший ужасник в трогательную мелодраму. И вот навстречу уже несётся неугомонный заяц, бросивший игрушки и чуть не споткнувшийся, когда перепрыгивал бортик песочницы, останавливается в паре метров и с восхищением в глазах выдаёт:

— Мама, ты что, стала настоящей принцессой?!

Хохот, слёзы, крепкие объятия, невероятное счастье и трогательное:

— Познакомься, дочка, это твой папа.

* * *

Любе было очень странно ходить по вроде бы знакомым и в то же время ставшим немного чужими улицам, посещать женскую консультацию, ездить на автобусе, в конце концов. Выходить на работу Корд ей категорически запретил, даже вопрос с двухнедельной отработкой уладил, переговорив с директором за закрытыми дверями. Тот вышел слегка побледневший, пожал обоим руки и отдал указание бухгалтерии оформить увольнение по собственному желанию и рассчитать. Ей категорически не хотелось расставаться по-плохому, она даже заикнулась о том, чтобы ввести в курс дела нового сотрудника, на что ей безапелляционно заявили, что оставаться дольше нужного в этом гадюшнике не имеет никакого смысла. Это он про город, где и впрямь чересчур пыльно и грязно.

Не прошло и трёх дней, как всё семейство переехало за город, благо, подделывать клеймо на золотых слитках не составило ворону никакого труда. Да-да, магия никуда не делась, напротив, черпалась куда легче, чем в родном мире, поскольку мало кем использовалась. Оказалось, что и здесь имелись свои колдуны, не те, что обещали быстро и дорого избавить от венца безбрачия... ага, при личной встрече, но их было совсем немного. Используя свои приамбасы, Корд довольно быстро нашёл нужное сообщество и съездил на встречу. К слову, личный шофёр с автомобилем им тоже был по карману. Побеседовал, навёл справки и явился с предложением переехать в Крым.

— Милый, не сказать, чтобы я была против, но к чему такая спешка?

— Там энергетический разлом, много свободной силы, — они сидели все вместе на диване и неспешно обсуждали последние новости, — будет удобно сделать стационарный портал, не затрачивая при этом собственных ресурсов. И климат хороший, не говоря уже об экологии.

Зойка, которой было не до разломов и прочей взрослой ерунды, с упоением заплетала косички новоявленному папаше. Тот тихо млел, наслаждаясь прикосновениями маленьких нежных ручек. Как ни странно, но она восприняла его совершенно спокойно, как так и должно быть. Будто он действительно её отец. Она даже историю придумала, основываясь на том, в каком виде те появились. Заявила, что он принц, которого заколдовала злая ведьма, а мама его спасла. Разубеждать не стали. Смысл? Вырастет, спросит, ответят как есть, без ужасных подробностей, конечно. Сам Корд с удивительной нежностью относился к новоявленной падчерице, прикасаясь к ней, словно к фарфоровой статуэтке. Влюбился в неё с первого взгляда (не то, что в Любу) и баловал до посинения, точнее покраснения попы от диатеза. Та же не стеснялась закарабкиваться на колени, плечи, издеваться над волосами, красить ногти и фоткаться. А ещё щекотать, подкидывать в обувь кусочки лего и кормить мороженым. Как же она смеялась, когда он впервые попробовал холодное лакомство и вытаращил глаза, поскольку пожадничал и проглотил сразу большой кусок!

— В принципе, сейчас это вообще не проблема — гражданство менять не надо, но там жуткие перебои с электричеством и вообще довольно нестабильная обстановка.

— Не имеет значения, — отмахнулся муж, — в любом случае я собираюсь купить генератор и заказать солнечные батареи. У всех вас будут защитные амулеты, благодаря которым не то, что тронуть, подойти с плохими намерениями никто не сможет.

— Здорово! — Порадовалась Люба. — А что насчёт дистанционного оружия: ракет или взрывчатки? Теракты сейчас везде происходят, не исключая и наш городишко.

— Даже ядерный удар, — удивительно, сколько он успел узнать за какую-то неделю пребывания, — около Источника мощь артефакта безгранична. Он окутает вас непроницаемым коконом, максимум, что вы почувствуете — это возмущение поля.

— Надо же! Почему тогда меня так мучили у вас?

— Вспомни, в обоих случаях была нейтрализация, — мягко приобнял за плечи, — в первом воздействовал маг, да ещё и с подачи Брэга, во втором сработала родная кровь Вилда. Здесь же магов совсем немного и мощь их далека до моего уровня.

— Эх, как мне всё-таки повезло выйти замуж за...

— Принца! — задорно вставила свои пять копеек Зойка.

— Его самого, — смеясь, закончила наконец-то счастливая женщина.

— Кстати, о замужестве, — встряла мама, — здесь вы официально друг другу никто. Оформляться будете?

— Конечно, — невозмутимо ответил главмуж, — у нас и платье имеется.

— Так оно ведь в замке осталось, — растерялась блондинка.

— У меня всё равно через пару дней переход, — и такая неохота в голосе, — жаль, что портал пока временный, можно было бы больше пронести.

— Ничего, у нас ещё будет и время и возможность.

* * *

Переезд на Крымский полуостров прошёл куда быстрее, чем думали женщины. С перевозкой вещей проблем не стояло априори: большую часть раздали по знакомым-соседям, квартиру с обстановкой решили сдавать, остальное поместилось в пространственный карман.

В самолёт Корд не желал лезть категорически, памятуя статистику падений за последние несколько лет, портал строить было ещё опаснее, поэтому пришлось трястись в поезде. СВ вагон фирменного экспресса не давал совсем уж умереть от жары и дискомфорта, а Зойка так и вовсе в восторге бегала по ковровой дорожке, пила чай из стаканов с фирменными подстаканниками и донимала всех поиграть. К концу пути она так достала, что пришлось даже повысить голос и весомо стукнуть кулаком по столу. Что вы думаете, сделала эта зараза? Наябедничала на маму Корду! Тот сурово сдвинул брови, глянул на обеих, и пришлось примолкнуть уже всем. Бабушка только хрюкнула в ладошку, радуясь, что хоть кто-то теперь может приструнить неугомонных девиц.

Дом выбрали заранее по интернету, к счастью, мало отличавшегося в реальности от картинки. Впрочем, попробовали бы они за такие деньги обмануть! Большой земельный участок с фруктовой рощей, выход к морю, трёхэтажный особняк, гараж на три машины и даже целый бассейн. С горкой по одну сторону и трамплином для прыжков по другую! Что ещё для счастья надо? Правильно, научиться водить автомобиль, чем и планировали заняться в ближайшем будущем Любаня с маманей.

В один из вечеров, глядя «Битву экстрасенсов», Корд исплевался, едко комментируя, что на самом деле представляют и себя участники. Некоторые из них и впрямь обладали немалым даром, вот только в шоу срабатывали совсем другие механизмы. Волшебное слово: монтаж! И всё предстаёт совсем в ином виде. Больше всего он прошёлся по юродивому Пахому, простебав изгнание злых сил из какого-то дома.

— Смотри, вот только что темнота за окнами была, а сейчас уже солнце светит, — ткнул пальцем в дебильно подвывающего мужика, — он и это сам наколдовал?

— Раз ты такой умный, шёл бы туда, — покатывалась со смеха Люба, — показал бы им всем Кузькину Мать!

— Скорее, Ядрёна Батона, — поправил половую принадлежность и выключил телевизор. — Мда, что у вас только не делают, лишь бы отвлечь население от реальных проблем.

— Можно подумать, вы с Базальдом таким не грешите?

— Не настолько, — хмыкнул главмаг и потянулся к ехидной красавице, — милая, не желаешь прогуляться?

— Куда? — настороженно замерла женщина, почуяв явный сексуальный голод, но не желавшая выходить на улицу.

— В спальню, — успокоил тревожные мысли и, схватив в охапку взвизгнувшую от стремительного движения жену, телепортировался в центр кровати.

— Вообще-то, — срывающимся от страсти голосом подначивала Люба, — у нас перед свадьбой жених и невеста спят порознь, желательно в разных домах.

— С учётом того, что в твоём чреве мой ребёнок? — не обращая внимание на местные предрассудки, он точными, быстрыми движениями раздевал «невесту». Опыт. И удобная одежда.

— Ах! — только и смогла ответить женщина, плаваясь в жарких объятьях.

Свадьба была красивая, но малолюдная. Родню со стороны невесты представлял дядя Сева с семьёй и бессмертная Фаина Григорьевна. Всем им оплатили перелёт в оба конца, несмотря на то, что отношения с женой маминого брата не отличались особой теплотой. Тем не менее, кузен Яша никогда не отказывал в посильной помощи, не говоря уже о самом Всеволоде. К безмерному удивлению невесты, Жардан решил присоединиться к празднованию. В своём истинном облике, ясное дело.

Иномирный шёлк платья сразил всех наповал, особенно женщину-регистратора. Надо ли говорить, что Корд ещё неделю неприлично ржал, вспоминая неистребимые совдеповские интонации, вылетающие из карминно красного рта. Танец молодых под дребезжащий синтезатор добил его чувство прекрасного окончательно. Зато после ЗАГСа всё пошло куда более изысканно: приятный ресторан, мелодичная музыка, вкусная еда и никакой тамады! Просто приятно посидели, а потом отправились в поместье и с визгом бросились купаться. А в холодильнике стояло замаринованное мясо, рыба, свежие овощи, фрукты и целая гора мороженого.

— Как только закончится моя каторга, я сразу к вам! — восторженно расплылся Жардан. — Как тут здорово! Можно делать, что хочешь!

— Имей в виду, в постель к тебе просто так никто падать не будет, — подколот сластолюбца добрый братец.

— К нему? — Люба критично оглядела поджарую фигуру и волевое лицо. — Будут. Вот только это будут девушки из той категории, от которых могут возникнуть венерические проблемы.

— Какие? — не понял термина псевдокороль.

— Срамные болячки, — с особым садизмом уточнила сноха.

Красивое лицо заметно опечалилось, но не прошло и половины минуты, как вновь прояснилось.

— Ты ведь дашь мне лекарский амулет! — он не просил, а утверждал, за что хотелось щёлкнуть его по носу.

— Не-а, — воспользовался ситуацией Корд, — только если это смертельно, а так будешь лечиться достижениями местной медицины. В бесплатной больнице, — мстительно добавил за всю нервотрёпку, которую тот доставлял ему со своими бесчисленными бабами.

— Эй, ты что? — искренне возмущение ещё больше насмешило молодожёнов.

— Бросай ты это дело, — веско проронил маг, — тебе давно за сорок, пора уже строить нормальные отношения, а не снимать сливки с чужого пиршественного стола.

Тот, естественно, смертельно обиделся, что не помешало ему продолжить веселье с Яшкой — у них явно намечался ночной загул по городу.

* * *

Внешне работа Корда отличалась от прочих лишь тем, что он, вместо того, чтобы после пары суток отсутствия заруливать в пивной ларёк по дороге домой, выходил из подвала и сразу нырял в бассейн. Разумеется, предварительно раздевшись до плавок. Теперь та одежда его душила, казалась чрезмерной, и он с удовольствием осваивал джинсы, футболки, бермуды и прочее. Глядя на него в фирменных Levisax и белой майке, Люба невольно вспоминала моделей из hi-fashion, отличавшихся мускулистой поджаростью и резкими линиями скул. На себя она старалась лишний раз не смотреть, поскольку неумолимо полнела, к родам превратившись в круглый шарик. По крайней мере, ей так казалось. Муж всячески убеждал её в обратном, особенно по ночам. С каждым днём всё медленнее и печальнее, но вовсе не по собственному почину, а по просьбе благоверной.

Наконец, наступил тот самый день, когда стоявшие в углу пакеты со всем необходимым для роддома, наконец, закинули в карету скорой помощи вслед за «обезвоженной» роженицей. С одной стороны, можно было рискнуть и попробовать родить дома, благо целительских амулетов более чем достаточно, но рисковать не хотелось. Напротив, узнав на местном форуме, кто самый уважаемый гинеколог в округе, они заранее договорились о патронаже. Как оказалось, не зря! Опустим подробности, но в процессе возникли довольно серьёзные трудности, из-за чего Любу пришлось надрезать, а ребёнок натёр на голове гематому... и сломал ключицу. Все наперебой рассыпались в уверениях, что косточки мягкие, срастутся быстро, не пройдёт и недели, но смотреть, как малыш не может шевелить левой ручкой — занятие так себе. О плохих заживающих швах и вовсе говорить не приходится. Кое-как дождавшись выписки, Корд сразу же, как только погрузил их в машину, выдал артефакты, мигом решившие все проблемы. От неожиданности оглушительно ревевший Макс сразу заснул. И не мучили его ни тремор, ни

колики, ни банальный диатез. Что уж говорить о супруге, в первый же вечер возвращения из клиники накиннувшейся на муженька изголодавшейся волчицей. Вот вам, батенька, и технический прогресс!

* * *

Не прошло и полгода, как Яша перебрался поближе к новоиспечённому родственнику, причём по настоятельным просьбам оного. Вместе они часами пропадали в оборудованной по последнему слову научной мысли лаборатории и с наслаждением ковырялись в технике, в том числе по слежению, оружию и прочих мужских игрушках. В процессе к ним прибилась парочка странных типов, готовых на коленке собрать водородную бомбу (шучу-шучу, всего лишь микрореактор) и зачуханный программист, который на поверку казался тем ещё кибертеррористом. Более того, Корд умудрился подключить свою магию к электронике, и теперь ни одна защита не могла устоять против их вторжения. Ради прикола они любили заходить на сверхсекретный сервер Пентагона и подсовывать какую-нибудь зловредную программку. И никто ничего не мог с ними сделать, даже отследить IP адрес! Не понятно, зачем ему это всё было нужно, ведь у него и в Кординии хватало заморочек, но, как оказалось, он успешно использовал новые знания к реалиям родного мира, совершив не одно революционное открытие в области артефакторики.

Люба, лишившаяся тягостной необходимости батрачить на чужих дядей, решила вдариться в творчество: воспитание детей, ткачество ковров и писательство. Тем более, что у неё имелся шикарный сюжет как минимум для одной фантастической книги, осталось только записать.

«Интересно, люди поверят, если указать, что сюжет основан на реальных событиях?»

А вечерами, сидя на лавочке под душистой сиренью, они спорили, чей же мир всё-таки лучше (или хуже, в зависимости от настроения), в конце концов сойдясь на компромиссе. Ведь на самом деле неважно, какой мир — магически развитый или технически, везде есть место жестокости и есть место любви. Всё зависит от того, кто рядом с тобой. И сейчас, живя бок о бок с одним из величайших магов, Люба любила его вовсе не за это. Корд же, несмотря на некоторые трудности интеграции, с энтузиазмом постигал новое, экспериментировал, адаптировал магию, и вдохновляла его на это женщина, не имеющая в своей крови и толики силы, кроме чудесного свойства любить и гармонизировать микрокосмос своей семьи. И, положив руку на сердце, это было самое главное.

Эпилог

Правление двух потерянных наследников отличалось редкой справедливостью и бескорыстностью. Возможно, сказались трудности, пережитые в детстве, или тот факт, что их личности успели сформироваться до того, как окунулись в лицемерный мир высшего общества. Да и этот самый мир значительно проредили, усмирив оставшихся. Немаловажным фактором оказался искренний брак, по совместительству оказавшийся династическим. Что ещё может сделать человека мягче и добрее, чем любящая семья?! Правда, в то же время угроза ей способна вызвать такую отдачу, что мало не покажется.

Никто даже не сомневался, что нынешний король Меравии попыбует устранить угрозу в виде истинной наследницы уничтоженного правящего рода. Копилка злости изрядно пополнялась последствиями эмбарго. Первые годы его шпионов просто отлавливали, покушения предотвращали ещё на стадии предварительной подготовки, но после того, как в тысячный раз обезвредили засланца с ядом, Дарс окончательно разозлился. Нет, он не пошёл войной, не стал подавать в суд Независимой Семёрки, он попросту попросил ВыДоКуРа осуществить своё

прямое предназначенье. И плевать на международную политику! В конце концов, дух — существо подневольное, причём не кому бы то ни было, а законам мироздания. Кто против, пусть пишет претензии... и отправляет в небесную канцелярию..., когда придёт время, разберутся... лет этак через ...дцать.

Надо полагать, что после столь решительных мер народ Меравии сам обратился к Грэзиэне с вопросом о престолонаследии. Разумеется, в лице некогда опальных министров, ибо действующих приложило эхом отдачи — рыльце-то было у всех не то, что в пуху, в крови! По самые пятки. Объединение прошло не просто, пришлось вливать серьёзные финансовые объёмы в разрушенную экономику страны. На плаву держались лишь самые первостепенные отрасли, остальные либо разорились, либо поменяли направление деятельности. Теперь предстояло вернуть всё на круги своя, а то и улучшить, благодаря неординарным идеям Кордавана, которые он принёс из иного мира.

О свадебном обряде, который завершила королевская чета над древним алтарём, ещё много лет ходили рассказы. Постепенно они обрастали невероятными подробностями. О нём слагались песни, детям на ночь рассказывали сказки про небесное сияние, благословившее найдёнышей. На деле же всё было куда прозаичнее: сила Йорика вновь возросла, поскольку теперь Дарс с Грэзи соединились на энергетических уровнях, и он засветился, как северное сияние прямо над храмом, ибо незримо его охранял. Сдержаться попросту не было никаких сил — процесс совершенно неконтролируемый и даже немного болезненный. Хотя, что у него, inferнальной черепушки, может болеть?

Вот такая загогулина одной из бесчисленных нитей Судьбы вплелась в ковёр этого удивительного мира.

* * *

Господин главный королевский маг довольно быстро адаптировался на новой должности, спустя каких-то пару лет научившись грамотно распределять задания, а не кидаться выполнять их самому. Конечно, для этого потребовался не один душевный разговор с Кордом, и даже целая поездка в гости. Там, в ином мире его окутало просто нереальное чувство спокойствия и гармонии. Дорвавшийся до свободы Жардан, только-только «откинувшийся» с почётной должности, отрывался на полную катушку. А когда Гриду показали технические примочки, он вообще выпал в астрал, после вознёсшись до небес, ибо как раз к этому времени Корд сотоварищи, включая того самого профессора алхимии, тоже не брезговавшего межмирными путешествиями, преподнесли ему адаптированные для магии гаджеты.

Вот тогда у него и появилась возможность вплотную поухаживать за одной неординарной особой, о которой он к этому времени знал буквально всё, вплоть до рациона питания. Но женщина оказалась куда упрямее, чем казалась. Сработал эффект службы, ведь на работе она всё беспрекословно выполняла, тогда как в сердце не спешила никого пускать, даже нравившегося начальника. Да, порядочный, да, её слегка потрясывает, когда он близко к ней подходит, но многолетний целибат, постоянный напряг из-за всего, начиная с детей, заканчивая службой.... Какая может быть личная жизнь, если параллельно с адаптацией мальчишек к школе, постоянной слежки за их преподавателями, ибо она никому из них не верила ни на грамм, регулярная работа под прикрытием. Да, собственным, без смены многочисленных личин, как у других сотрудников, но ей и этого хватало.

Уж он и так к ней клинья бил, и этак, отдал пару гаджетов в личное пользование, благодаря чему она могла отслеживать своих подрастающих оборотней, но кроме сдержанной благодарности не получил ничего. От совместных ужинов она увиливала, подстроенная во

время срочной работы парочка обедов не дала ничего, все разговоры по душам она корректно сворачивала в сторону работы. Дело решил случай...

Одна из сотрудниц отчаянно влюбилась, скоропалительно вышла замуж и уехала в свадебное путешествие. Прочие подходящие для задания женщины оказались заняты, и лишь у Ждары началось затишье. Какими только посулами он её не уговаривал: и деньгами, и настолько редкими ингредиентами, что даже на подпольном рынке их затруднительно приобрести, и даже обещанием внеочередного отпуска. Сломалась она на тройной оплате, склянке со слезами дракона-девственницы и недельной путёвки в гости к Любе, вместе с сыновьями.

Играть пришлось политическую беженку в Жидарию — уж больно подозрительные копошения начались в связи с коронацией наследного принца. Там и старый король как-то подозрительно умер, и войска якобы в рамках учений стали группироваться возле границы. В общем, срочно нужна была разведка на месте. М-да, тщательнее надо прорабатывать личину! Нет, профессионально Ждара всё сделала правильно, вот только удирать пришлось из тюремной камеры, куда её успели посадить и даже попытались допросить. Женщина не жаловалась. Ни на перенесённые побои, ни на то, что не освободили раньше. Нечем было. Ей показательно отрезали язык, дали ночь на подумать, собираясь пришить его на следующее утро. Для сговорчивости. Кто ж знал, что её так «вовремя» придут спасать.

Грид не выпускал её на улицу неделю. Отрастили язык, залечили переломы и прочие ушибы, причём в первые же сутки, вот только оторваться от неё он оказался не в силах. Как только она вновь заговорила, да ещё таким спокойным тоном, отчитываясь о последних добытых данных, он не выдержал и заткнул этот восхитительный рот требовательным поцелуем. И Бог с ними, с вытарашенными глазами, хлёсткими пощёчинами и слегка прореженными волосами! Хотела бы, сделала бы куда больше, всё же магиня и мать двух оборотней-подростков. Как говорить, суровая женщина — мечта главмага. Он ей за это с лихвой отомстил, заставив извиваться от наслаждения, стонать от бесцеремонных ласк и прогибаться в дуге подчинения, моля о том, чтобы быстрее, ярче, сильнее...

Свадьбу справили быстро и без лишнего афиширования, а потом действительно отправились в отпуск на Землю, всей семьёй. И, несмотря на то, что Грид был простым человеком, без звериной ипостаси, уважали его мальчишки ничуть не меньше. Конечно, он не мог полноценно заменить им отца, но и того, что дал, вполне хватило на то, чтобы они выросли сильными, порядочными мужчинами.

* * *

Как ни странно, но против Любиных ребятишек Йорик ничего не имел против, пафосно заявив, что: «Дети за родителей не отвечают!», впрочем, остальных родственников он тоже не трогал, позволяя гостить в Кординии и Любиной матери, и тем более кузену Яшке. Чем, собственно, беззастенчиво пользовались супруги, отправляя на каникулы весь кагал, а сами наслаждались тишиной, покоем и безудержным развратом. Корд до сих пор, хотя прошло уже немало лет, поражался изобретательности местных дельцов, создавших целую индустрию, касающуюся секса. Какие только примочки они не попробовали, Люба даже как-то уговорила купить кожаное бельё, более того, сподвигла его надеть. Один раз, во второй он категорически отказался, а вот супругу как только не наряжал и какими только девайсами не снабжал. Но это так, баловство, конечно, причём довольно быстро надоедавшее. Чаще всего они отправлялись в путешествие в какое-нибудь интересное место, вроде пирамид, Стоунхенджа и прочих древних памятников. Некоторые ему нравились, он даже брался их изучать, выходил на местных магов и раскапывал такое, о чём ни одному учёному даже в самом диком сне не приснится. От

некоторых шорохался, как чёрт от ладана, например, от городов Майя, где всё настолько пропиталось эманациями насильственных смертей, что даже спустя огромное количество лет, как они перестали действовать, там невозможно было находиться. По крайней мере, ему, обладавшему сильным даром и тонким чутьём.

Ребятня в это время сотрясала воплями весь дворец. Стёкла дребезжали, драгоценные вазы нещадно бились в процессе догонялок, прятки отличались особой изощрённостью, от которой страдало всё. А уж когда они подросли и принесли с собой радиоуправляемую модель самолёта... И только срочный вывоз всей компании на природу спасал положение. Зойка, как самая старшая, командовала парадом, а уж она отличалась очень богатым воображением! Близнецы ходили от неё без ума, не говоря уже о сыне Ждары и Грида. Отпрыски Жардана, таки остепенившегося и нашедшего себе подходящую невесту, не отставали. Разве что Макс с Лилой не всегда признавали её главенство, оспаривая те или иные решения. Всё-таки родня, пиетета друг к дружке куда меньше. Тем не менее, шкодили они всей бандой, отвечали тоже. Только у Лилы да Шалки — младших дочерей кузенов Дагонских, иногда вместо поп горели уши от нотаций. Опять же, до поры до времени, а потом и их ждала печальная участь воспитательной порки за безответственные, но такие притягательные выходки. Конечно, наказывали их без лишней жестокости, но если таким обормотам вовремя не всыпать, то вырастут из них куда большие засранцы, чем можно предположить. Позже, когда дети совсем подросли, наказания стали более изощрёнными, например, дополнительные занятия с мастером фехтования (а этому учили всех поголовно) или какие-нибудь неприятные обязанности по дому, вроде мойки полов или чистки картофеля. А ещё позже, когда дружба близнецов с герцогскими младшими дочками неожиданно перетекла в горизонтальную плоскость, пришлось женить. Пороть уже поздно, чисткой картошки девственность не восстановишь, разве что фехтование неплохо вправляет мозги, но попробуй, победи этих амбалов!